

Этика успеха

*Вестник исследователей, консультантов и ЛПР
Выпуск 7*

КРЕДО И КОДЕКС ВЛАСТИ: ОБНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА

Соредакторы: В.И.Бакитановский, В.А. Чурилов

***Редколлегия: Г.С.Батыгин, Ю.В.Казаков,
И.М.Клямкин, А.Ю.Согомонов,
Ю.В.Согомонов, В.И.Шпильман***

Адрес редакции:

625002 Тюмень, а/я1230, Центр прикладной этики; тел/факс (3452)24 02 26
103070 Москва, Старая площадь, 10/4, “Югра”, тел/факс (095) 206 03 57
© Центр прикладной этики, 1996

**Тюмень-Москва
1996**

The Ethics of Success

*The Herald
of Researchers, Consultants & Decision-makers
Volume 7*

***CREED AND CODE OF POWER:
PRESIDENTIAL POLICY RENOVATION***

Editors: V.I.Bakshantovsky, V.A.Churilov

***Editorial Board: G.Batygin, Yu.Kazakov,
I.Klyamkin, A.Sogomonov,
Yu.Sogomonov, V.Shpilman***

Address:

The Centre for Applied Ethics. PO 1230 Tyumen 625002 Tel/fax (3452) 240226
“Yugra”. 10/4 Old Square, Moscow 103070 Tel/fax (095) 206 03 57

© The Centre for Applied Ethics, 1996

**Tyumen-Moscow
1996**

СОДЕРЖАНИЕ

* От редколлегии “Дух” и модели обновления президентской политики.....	9
---	---

Метафизика успеха: ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

* В.И.Бакштановский , Корпорация “Югра”, Ю.В.Согомонов , Владимирский государственный технический университет, В.А.Чурилов , Корпорация “Югра” “Три морали”: этика успеха и обновление президентской политики	12
* В.Г.Иваницкий , независимый эксперт Архетип обновления власти. Русский сакрализм между магией и законом	28
* А.С.Ахиезер , Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН Ценностное содержание возможного обновления президентской политики	39
* Г.С.Батыгин , Институт социологии РАН Воспроизводство и формы представления политической риторики	49

Этос Успеха: ИДЕОЛОГИЯ ОБНОВЛЕНИЯ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

* Б.Г.Капустин , Горбачев-Фонд Идеологии современной России: поиск модальности сопряжения	60
* А.Ю.Согомонов , Институт социологии РАН Социокультурные предпосылки новой президентской политики	80
* Л.А.Радзиховский , журналист Интенции обновления президентской политики	87

- * **И.Г.Яковенко**, Институт национальных проблем образования Министерства образования РФ
Идеология общественного примирения как новый курс российского президентства 93

Homo Ludens:
ПРАВИЛА ИГРЫ ДЛЯ ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ

- * **А.М.Салмин**, Российский общественно-политический центр
Российское президентство: проблемы и перспективы 104
- * **В.Ф.Шумейко**, Общественно-политическое движение "Реформы: новый курс"
"...Практически вся Россия должна работать над президентским посланием" 121
- * **И.М.Клямкин**, Аналитический центр Фонда "Общественное мнение"
Обновление российского президентства и проблема исторического компромисса 127
- * **Д.В.Ольшанский**, Центр стратегического анализа и прогноза
"Кредит доверия" как политическая, идеологическая и психологическая проблема 133
- * **А.С.Головков**, Аналитический центр газеты "Известия"
Идея национального успеха: российская модель 143

Модели Успеха:
ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

- * **В.С.Гуревич**, "Московские новости"
Скромное обаяние государства в эпоху рыночного долгостроя 153
- * **Е.Ш.Гонтмахер**, Высшая школа экономики
Обновление социальной политики? 160

* В.Л.Каганский , Институт национальной модели экономики <i>Региональная политика Российской Федерации</i> как проблема	165
* А.С.Панарин , Институт философии РАН <i>Потенциал и лимиты</i> <i>политики державности в “новом курсе”</i>	176
* М.А.Федотов , посол РФ при ЮНЕСКО <i>“...«Вооруженный нейтралитет», при абсолютном</i> <i>невмешательстве государства в дела СМИ”</i>	184

**"Круглый стол" СМИ:
ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ В
ОБЛАСТИ СМИ**

* В.Т.Третьяков , "Независимая газета" <i>“..Вопрос о том, кто должен сделать</i> <i>первый шаг, странный”</i>	196
* И.Н.Голембиовский , "Известия" <i>“..Назначение прессы - быть санитаром общества”</i>	202
* К.А.Любарский , "Новое время" <i>“..Любая плохая политика - аморальна”</i>	206

CONTENTS

- * Notes from the editors
The rationale and models of the presidential policy renovation.....9

The metaphysics of success: PRESIDENTIAL POLICY RENOVATION AS A RATIONAL AND MORAL PROBLEM

- * V.I.Bakshtanovsky, Yu.Sogomonov, V.À.Churilov
*“Three ethics”: the ethics of success
and the presidential policy renovation.....12*
- * V.G.Ivanitsky
*Archetype of the power renovation.
Russian power sacred model: between magic and law 28*
- * À.S.Àkhiyezer
*Value substance of the possible
presidential policy renovation 39*
- * G.S.Batygin
*Reproduction and representation
of the political rhetoric 49*

The ethos of success: IDEOLOGY RENOVATION AS A CULTURAL PROBLEM

- * B.G.Kapustin
*Modern Russian ideologies:
the search for modality of connection 60*
- * À.Yu.Sogomonov
*Sociocultural prerequisites
of a new presidential policy 80*
- * L.À.Radzikhovsky
Intentions of the presidential policy renovation 87
- * I.G.Yakovenko
*Ideology of public reconciliation
as a new course of Russian Presidency 93*

Homo Ludens:
THE RULES OF GAMES
FOR THE PRESIDENTIAL POLICY RENOVATION

* À.Ì.Salmin	
<i>Russian Presidency: problems and perspectives</i>	104
* V.F.Shumeiko	
<i>“...Practically all Russia should work out the Presidential Address”</i>	121
* I.Ì.Klyamkin	
<i>Russian Presidency Renovation and the problem of the historical compromise</i>	127
* D.V.Ol’shansky	
<i>“Credit for trust” as a political, ideological and psychological problem</i>	133
* À.S.Golovkov	
<i>Idea of a national success: a Russian model</i>	143

The models of success:
PRESIDENTIAL POLITICS RENOVATION
IN THE CONTEXT OF THE POSTSOVIET REALITY

* V.S.Gurevich	
<i>Modest fascination of the state in the times of market long-constructing</i>	153
* À.Sh.Gontmakher	
<i>What is the social policy renovation?</i>	160
* V.L.Kagansky	
<i>Regional policy of the Russian Federation as a problem</i>	165
* À.S.Panarin	
<i>Use and abuse of the “Derzhava” policy in the “new course”</i>	176
* I.À.Fedotov	
<i>“...«Armed neutrality» at the absolute non-interference of the state in the mass media affairs”</i>	184

***Mass media "Round Table":
PRESIDENTIAL POLICY RENOVATION
IN THE SPHERE OF MASS MEDIA***

* V.T.Tretyakov “...The question “who is making the first step” seems to be strange”	196
* I.N.Golembiovsky “...The goal of Mass Media is the sanation of the society”	202
* K.A.Lyubarsky “...Any bad policy is immoral”	206

“ДУХ” И МОДЕЛИ ОБНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Обновление - понятие, которое, пожалуй, характеризует квинтэссенцию современного российского политического дискурса. Установка на обновление отличает как политические институты и политических актеров, так и массовые ожидания россиян. Естественно при этом, что инициирование процесса обновления ожидается именно от субъекта высшей политической власти, а именно - от российского президентства.

Нет, вероятно, необходимости в детальном обосновании того, что именно *президентская политика* сегодня является воплощением высшей политической воли и, соответственно, воспринимается в качестве чуть ли не единственно легитимной политики российской власти - на фоне известной фасадности политики других ее ветвей.

В то же время очевидно, что президентская политика сегодня по-прежнему является "вещью в себе". Причем "сокрытыми" от общества остаются не только вопросы ее формирования и реализации, но прежде всего *ценностные основания и вся система целеполагания*. А может быть, и скрывать, собственно, нечего?

Неявность "духа" президентской политики усиливает в социуме убежденность в ее фатальном отрыве от потребностей и предпочтений нарождающегося гражданского общества и, в то же время, порождает апатичное отношение масс к президентской политике, к ее носителю и лицам, ее формирующим. Безразличие к феномену усиливает уверенность в том, что содержательно и в своих средствах президентская политика в России останется неизменной, независимо от того, кем будет занято *президентское кресло*.

Установка на открытость, прояснение и предъявление *кredo и кодекса* президентской политики, равно как и соответствующие ожидания их обновления, все еще слабо проявлены в массовом сознании и настроениях россиян. *Еще меньше* эта установка выражена в "духе" нынешнего президентства. Можно поэтому предположить, что вероятные попытки обновления президентского курса сведутся лишь к поиску новых эффективных *средств*, без *рефлексии ценностных оснований* потенциального обновления.

Сдерживая свои собственные амбициозные стремления включиться в гонку по созданию идеологий "спасения России", редколлегия полагает, что драматический разрыв между *этической и достижительной ориентациями* президентской политики может быть сокращен в процессе диалога Власти и Общества об идеалах, ценностях и правилах честной игры политики российской модернизации.

Обновление модели президентской политики неслучайно поэтому было принято в качестве главной темы седьмого выпуска Вестника "Этика Успеха", которым мы продолжаем реализацию макропроекта "Кредо и Кодекс российской власти".

Казалось бы, что самым актуальным сегодня явилось бы предложение авторам поразмышлять именно на тему ситуации выбора "нового курса" или "нового пути", в которой оказываются Первое Лицо государства и кандидаты на этот пост накануне президентских выборов летом 1996 года.

Однако предположение о том, что рефлексия, прежде всего мировоззренческого смысла политического выбора, в любом случае составит ткань предстоящего диалога Власти и Общества, привело нас к более общей формулировке предмета экспертных рассуждений: обновление модели президентской политики в России как обновление *ценностных оснований и "правил игры"* российского президентства.

Поэтому мы и попросили постоянных и новых авторов нашего журнала высказаться по поводу самой идеи обновления модели президентской политики в современной России прежде всего с точки зрения ее кредо, социокультурной телеологии, а также духовно-нравственных последствий различных альтернатив президентского курса. Более конкретные "заказы" от проекта к авторам представлены в начале каждой из рубрик Вестника.

МЕТАФИЗИКА УСПЕХА: ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

- Существуют ли некие идентичные архетипы общественно-политического обновления или обновления политики в России? Произойдет ли смена президентской политики в сегодняшней России в соответствии с историческими архетипами обновления политики? Или грядущая смена президентской политики пойдет в соответствии с совершенно новыми для России политическими и культурными архетипами политического обновления? Возможно ли моделирование конкретного культурологического сценария такой смены?
- Существуют ли в России некие закономерности в процессах смены одной модели политики на другую? При каких общественных условиях чаще всего происходит смена политических моделей? Происходит ли смена идеологических моделей по той же социокультурной кальке, что и смена моделей политических?
- Предопределена ли сегодняшняя критика президентского курса неадекватным выражением в нем ценностной композиции российского общества и его культуры? Или несоответствие ценностным основаниям общественной структуры и культуры не является достаточным условием для критики принятого в политическом пространстве президентского курса? Каковой должна стать стратегия института российского президентства в ближайшей перспективе для предъявления обществу адекватной ему ценностной политической программы? Какой можно представить модель ценностного обновления президентской политики в России? Сколь велики шансы того, что эта модель будет политически принята и реализована в ближайшее время?
- Что стоит за требованием обновления ценностных оснований президентской политики в современной России? В каких ценностных сдвигах нуждается российская Власть, в каких - российское Общество? Каким образом можно было бы описать - формально и содержательно - набор стержневых идей, основные аксиологические тезисы и праксиологические принципы идеологии (идеологий) обновления? Каковы диагноз и прогноз относительно потенциальных возможностей сегодняшней российской власти инициировать идеологию обновления и выступить идеологическим лидером?
- Сможет ли в конечном итоге идеология обновления выступить социокультурным гарантом необратимости сегодняшнего этапа российской модернизации, гарантом продолжения реформирования общества и государства?

В.И.Бахитановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов

**“ТРИ МОРАЛИ”: ЭТИКА УСПЕХА
В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕНИЯ
ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ**

...Новое время можно познать только через модель успеха. У нас же времена познаются через модель неуспеха - но трепетного, компенсируемого особой духовностью...

Д.Гранин

Этика успеха - символ цивилизации?

Этика успеха - такой же символ современной цивилизации, как, скажем, мировоззренческий плюрализм и демократические институты, полеты в космос или глобальное телевидение. Цивилизацию эту вполне заслуженно и точно именуют *достижительной*, что было бы совершенно немыслимо без полного или частичного принятия в ней ценностей и норм этики успеха.

Но фаустово сомнение тревожит душу: не пирровой ли победой обернется утверждение этики успеха в своеобразном конкурсе различных нормативно-ценностных систем? Сомнение подпитывается фактом практически всеобщего согласия насчет кризиса современной цивилизации, атрибутом которой - и, видимо, атрибутом важнейшим - является *моральный кризис*.

Даже закоренелые апологеты цивилизации достижений - как за рубежом, так и в наших краях - вряд ли рискнут оспорить такой мрачный диагноз, ибо симптоматика кризиса слишком очевидна. Другое дело, что показания к диагностике и терапии участниками своеобразного этического консилиума могут связываться как с инвективами по адресу этики успеха (не она ли, злокачественная, и завела в тупик нравственное развитие беспечного человечества, не ей ли мы обязаны подрывом основ духовности, коллективности/соборности, эгалитаризма в социалистическом или общинном духе?!), так и, напротив, с надеждами на то, что этика успеха как мотор достижительности сама в себе содержит возможности спасительного для нравственности самообновления.

Так или иначе, но в современной России думающие люди озадачивают себя нелегким вопросом: избыток или же недостаток ценностей этики успеха создает нелегкие проблемы для цивилизации в целом, для нашей страны - тем более? И вообще, следует ли нам идти по пути поддержки этики успеха, если даже "там" она демонстрирует свою органическую связь с кризисными явлениями, оказывается каким-то образом сопря-

женной с моральным кризисом всей цивилизации? Годится ли эта этика в "маяки" для страны, где сегодня преобразуется весь духовный ландшафт? Не окажется ли она очередным *fata morgana*, социальным миражом, не приведет ли нас в тупик лабиринта, вместо того чтобы послужить спасительной ариадниной нитью?

Все сказанное выше, конечно, не просто академическая рефлексия, далекая от политических забот: за каждым аспектом многогранной темы "обновление президентской политики", вынесенной на титул проекта, явно или неявно высвечиваются глубокие мировоззренческие основания, прочитываются определенные моральные предпосылки, система базисных ценностей. К тому же, особенностью современной российской ситуации является одновременное функционирование сразу трех систем ценностей, представляющих хотя и не буквально "три морали" (мы не случайно взяли это выражение в спасительные кавычки), но последовательно возникающие и одновременно сосуществующие фазы исторического развития общественной нравственности, ее трихотомию. И это одновременное их функционирование отличается драматической разбалансированностью, даже - конфронтационностью двух первых систем и всего лишь пренатальным состоянием третьей.

Трудно в этом случае говорить не только о каком-то продуктивном диалоге между разными нормативно-ценностными системами, но даже об их толерантности, о способности к взаимодействию и взаимоуважению, что является - как мы попытаемся показать далее - обязательным условием развития третьей системы. Очевидно, что такая ситуация разлада в духовной сфере не может не получить резонанса в собственно политической жизни страны, в политических решениях и методах их реализации, а тем самым - в стратегии и тактике президентской политики, придавая им черты некоторой неустойчивости, зыбкости, непоследовательности, обнаруживая колебания в сторону экстрем, бесконечные откаты от основной линии и возвраты к ней.

В российской президентской политике - коль скоро мы обсуждаем здесь не просто этику успеха как таковую, а именно ценностные основания политики всей институции высшей политической власти страны - имплицитно было заложено предпочтение к ценностям успеха, находящимся в эпицентре системы классических демолиберальных ценностей. Однако сегодня, на фоне повышения социальной цены реформ, такое предпочтение стало раздражать слишком многих политиков и даже вовсе не политиков, а "рядовых" участников политического процесса (избирателей, активистов, лидеров мнений и т.п.), чтобы можно было бы всем этим пренебречь. И вместе с тем выявилось немало желающих спекулятивно попользоваться

данными настроениями, чтобы обрести соответствующие дивиденды.

Можно ли не вслушиваться в аргументы оппозиционеров всех мастей, - признавая или же не признавая их справедливость в полном объеме, можно ли хотя бы частично и утратить чуткость по отношению к массовым настроениям, к ментальным структурам (в морали, как известно, аргументы далеко не всегда перевешивают эмоции)?

А если нет, то возможно ли серьезное обновление президентской политики без ориентации на этику успеха, взятую вне сложного контекста взаимодействия "трех моралей"?

Надо ли отказаться от этого предпочтения вовсе, лишь бы угодить недовольным?

Во всем этом нам и предстоит разобраться.

“Первая мораль”

В традиционном социуме доминировала ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате достижений статус. Это, естественно, не исключало состязательности в поведении. Напомним, что еще историк Я.Буркхардт в XIX веке называл древнего грека человеком агональным, т. е. соревновательным. Но, *во-первых*, центр тяжести этой соревновательности помещался не в производительной, экономической, а в социетальной сфере. При этом воздействие извне - прежде всего в форме традиции - определяло стратегии не индивидуальной, а групповой жизнедеятельности, т.е. эти стратегии не выбирались самостоятельно. Собственно экономика еще не отделилась от социетальной структуры, не обрела независимости от нее и была, условно говоря, "экономикой пропитания", но не "экономикой развития" (по выражению американского социолога К.Поланьи), а потому очень слабо нуждалась в достижительной ориентации как мотивации развития. У этики успеха еще просто не было своего объекта.

Во-вторых, успех был *самодостовой* ценностью, жестко не связанной с утилитарными соображениями и измерениями, - полезность могла обнаружиться в результате действий, но могла и вовсе отсутствовать (так были мотивированы участники греческих олимпиад, рыцарских турниров, крестовых походов, состязаний риториков, трубадуров и т.д.).

В-третьих, если где приоритеты успешности и обнаруживались, так это во внесистемных секторах традиционных социумов. Например, в сфере торгового капитала, где зачастую действовали этнические или конфессиональные "чужаки", которые, приспосабливаясь к мало-подвижному, рутинному окружению, были вынуждены культивировать достижительную мотивацию. Их поведение

нередко оправдывалось циничными рассуждениями, и потому ориентация просто на успех не побуждалась и не ориентировалась именно ценностями этики успеха. В известном смысле ценности успеха и мораль лишь слегка "касались" друг друга; связка между ними в лучшем случае шла через союз "и" - здесь прекрасно обходились без родительного падежа к слову "успех" в такой связке. Скорее падеж был винительно-обвинительным: человек успеха обязан был каяться, замаливать свой грех устремленности к достижениям, к пользе. К слову сказать, в православной ментальности такое отношение ощущалось с особой силой и не покрывалось филантропией.

Правда, и собственно морали как таковой, в полноте значения этого понятия, еще не было. Она только-только начинала свой путь сепарирования от обычаев, мозаичных нравов, локальных традиций (в каждом монастыре "свой устав"), длительный путь восхождения к самой себе, путь выделения из синкретического ценностного универсума. Хотя, слов нет, отдельные структуры морали складывались и накапливались чуть ли не на предтрадиционных ступенях духовного развития человечества.

В "верхах" общества практиковались кастовые кодексы великодушия и щедрости (всякий "кодекс", а слово это полатыни означает "книга", которая сменила "свиток", является важным шагом в сторону утверждения рационалистических взглядов на мир), но вовсе не расчетливости и хозяйственной эффективности. В официальной ценностной идеологии на троне прочно восседал принцип любви в его христианской интерпретации, хотя он и очень слабо коррелировал с реальными нравами. Преобладали поведенческие нормы и правила сословного и общинного солидаризма, которые в значительно большей степени соответствовали реальным нравам, и которые тем не менее не следует постфактум как-то идеализировать в духе "почвенничества" (любопытен в этом плане материал книги Л.С.Хока "Крепостное право и социальный контроль в России", изданной в Москве в 1993 году).

“Мораль вторая”

Ситуация начинает коренным образом меняться на выходе из традиционных социумов и при становлении индустриально-урбанистической цивилизации - в "большом" социуме, в макром мире гражданского общества. Люди попадают в него, когда добровольно или же вынужденно катапультируются за пределы своих чуть ли не чувственно воспринимаемых микромиров общин, самодостаточных малых групп, локальных общностей, из которых состояли традиционные социумы. Этот процесс протекал и в России, но, ввиду "скомканности" (по выражению известного культуролога) общественного развития,

этот процесс шел с незавершенностью начатого (причины этого требуют отдельного рассмотрения), с постоянными откатами и возвратами на предшествующие стадии развития ценностного мира. Процесс не был завершен, преодолен, изжит, он, так сказать, загонялся в общественное подсознание, в архаические слои сознания, в состояние предморальности. И это состояние продолжало существовать и тогда, когда всю шло формирование зрелой моральности с рациональным выбором самостоятельной линии поведения и образа жизни, с отделением внешнего и внутреннего законодательства, с развитым механизмом самоконтроля. Все это препятствовало синтезированию разнородных компонентов морального сознания и приводило, как известно, к ситуации социокультурного раскола, к яростному драматизму противостояния данных компонентов (нравов города и сельских общин, дворянства и буржуазии, просвещенных и непросвещенных групп населения и т.д.).

Между тем в новой цивилизации значительная часть поведенческой аксиоматики ("так надо!"): правил, установлений, обычаев и даже сакрализованных заветов, которые столь прочно цементировали традиционный социум, придавая человеческим добродетелям очевидный характер, начинает - в новых-бескрайних-социальных пространствах, в радикально изменившихся сетях человеческих отношений - утрачивать свою обязывающую силу. Эти отношения уже складываются между участниками углубляющегося разделения труда и обмена результатами специализированной деятельности; именно на таких обменных процессах расширяющейся специализации и формах сотрудничества и зиждется "открытое" общество, присущая ему дисциплина.

Не надо обладать каким-то особым образом натренированным социологическим чутьем или утонченным воображением, чтобы представить себе, сколь неуместными выглядят на рыночной площади и на политическом поприще, тем более в конфликтных отношениях, требования типа "возлюби ближнего твоего, как самого себя" или же знаменитое "золотое правило нравственности". То же относится и к упомянутым выше кодексам великодушия и щедрости, с презрением отвергающим договорные, а не "органические" отношения, так называемую "моральную бухгалтерию" - расчетливость и "крохоборческое" правило эквивалентности воздаяния.

В "открытом" обществе нет единых целей, подобно тому, как это имеет место в локальных общностях и общинах с их ориентацией на Дом, а не на Мир. Но чтобы усилия людей оказались каким-то образом "склеенными", скоординированными и только потому эффективными, люди вынуждены соблюдать некие универсальные и абстрактные правила рыночного и политического поведения. В одном из предше-

ствующих номеров Вестника (см. "Этика успеха", выпуск 2) мы предложили называть эти нормы и правила нетрадиционной, "неестественной", *рациональной моралью*, занятой, по саркастическому выражению Ф.Ницше, "объестествливанием" моральных ценностей.

Претенциозно было бы думать, будто эти правила и нормы кем-то сконструированы, упорядочены в соответствии с какими-то научными процедурами, являются результатом удачного экспериментирования с ценностями, кем-то отлиты по заранее выверенным моделям. Выразимся парадоксально: "неестественная" мораль является *естественным* продуктом длительной культурной эволюции. Именно она и отбирает все, что наилучшим образом приспособлено к этой эволюции, к ее непредсказуемым (а лишь предугадываемым) зигзагам, петляющим ходам и поворотам.

Следуя таким нормам, индивиды могут во все большей степени служить удовлетворению потребностей незнакомых им лично людей, расширяя тем самым границы человеческого сотрудничества, обеспечивая некоторое единство в сообществе, реализуя присущее ему свойство самоорганизации и самоуправления. Принципы и нормы взаимной выручки, солидарного и бескорыстного поведения, тем более – товарищества и братства, столь понятные в "малом" социуме, весьма справедливо кажутся - за небольшими исключениями - рискованными и, пожалуй, даже излишними в агональных, конкурентно-соревновательных отношениях между людьми. То же происходит с моральной доктриной приоритета благополучия общности, общины, коммуны над благом отдельного человека, его семьи.

Так или иначе, но рынок и политические институты просто не могут нормально функционировать, не будь у них мощной подпорки в виде норм и ценностей рациональной морали с ее универсальными правилами, обязательными для всякого, кто вступил на публичную площадь, независимо от того, оказалось это выгодно ему лично или же почему-то не оказалось. Данная мораль как раз и позволяет утвердиться такому порядку, который способен прогрессировать на основе спонтанного и добровольного сотрудничества, соблюдая при этом строгие правила честной игры (политической, хозяйственной, социально-педагогической и т.п.).

Рациональную мораль и ее сердцевину - этику успеха ("успех", наконец, обретает здесь не винительный, а родительный падеж относительно "этики") нельзя трактовать в качестве "гуманистического намордника", надетого на своекорыстный разум и волю. Напротив, ее следует считать живым способом преодоления оторванности автономного разума от гуманности и справедливости. Это - самоконтрольный разум, уберегающий его от сползания в голую рассудочность,

способный соотносить свои и чужие интересы, и, вместе с тем, он является гарантом от произвола нравственных чувств. Очень предусмотрительно поступил Ф.Хайек, поместив рациональную мораль на нейтральной полосе между разумом и инстинктом.

Нет достаточных оснований предполагать, будто ценности дорациональной морали при всем этом каким-то образом девальвируются: ведь альтруизм, товарищескую солидарность, коллективную взаимопомощь с полным на то правом - пусть и несколько высокопарно - именуют "Абсолютами" морали. Именно они "очеловечивают" социум, социальные связи людей, особенно тогда, когда усиливается их формализация, не допускают превращения человеческих отношений в джунгли, где безраздельно правят бал произвол, право сильного, свинцовые инстинкты, аффекты без сдерживающих начал. "Абсолюты" остаются навигационными огнями в ценностном мире, непререкаемыми ориентирами человеческих помыслов и поступков в масштабах малых групп, общин, приходов, в традиционных секторах "открытого" общества. И за этими границами они остаются "фаворитами" морали, но применяются там более сдержанно, так сказать, взвешанно и избирательно. Особый случай - экстраординарные ситуации, когда данные ценности смещаются от периферии к центру нравственной жизни и вновь являют всю свою мощь и духовную красоту.

В макромире, на рыночной площади и политическом поприще, люди выступают не только как подданные или производители, но как граждане, которые действуют, определяя свои жизненные стратегии вполне самостоятельно. Они сориентированы на жизненный и деловой успех. При этом "репертуар" их выбора определяется не столько высокой степенью слитности с группами общинного или средневеково-корпоративного типа, сколько широтой их гражданского кругозора и собственной неповторимостью. Их мораль уже не выражает духа беззаветной любви к ближнему и коллективистской сплоченности, но она - суть этика ответственности. Она требует не доброжелания и симпатий, а беспристрастности и уважения между агентами гражданского общества. Не столько мотивы поступка и характер намерений, сколько позитивные результаты - таков критерий добра и зла с точки зрения этой этики: ибо "всякому воздастся по делам его!". Но поскольку, ориентируясь на успех, человек как бы "обречен" приносить благо другим, пусть даже не испытывая расположения к ним, а лишь являя почтение по отношению к долгу, к правилам, то что, спрашивается, может помешать нам называть его мотивы верности нормам рациональной морали и уважения к людям, образно говоря, "бескорыстным достижительством" или, еще лучше - "безадресным альтруизмом"?

“Мораль третья”

Рациональная мораль с ее этикой успеха заключает в себе и потенциалы саморазвития - таково одно из ее существенных преимуществ. В недрах этой морали вырастают инвективы против варваризированного рынка, политики в духе нравов "дикого поля", рыночных и политических стихий в том их виде, в каком они предстают вне и до насыщения ценностями культуры и этики. Рациональная мораль обеспечивает эффективность работы рыночной экономики, своеобразного политического рынка, огромных организаций профессионалов любой направленности и делает это вовсе не путем их идеализации, апологетических восхвалений, а за счет суровой, систематической, нелицеприятной *моральной* критики. Именно такая - моралистическая - критика, сколь не третировала бы ее "чистая" наука, якобы освободившаяся от ценностей, - приводит в движение "человеческий фактор" рынка, политики, организаций. Моральная критика содействует достижению хрупкого, но все же равновесия *пользы и добра, рационального и чувственного в самой морали, утилитарного и бескорыстного* путем обуздания сумеречных страстей - неуемной жажды скорого и несправедливого обогащения, бесконтрольной власти, которые вместе способны дать ужасающий синергический эффект.

Такая критика позволяет снизить силу кризисных факторов, погасить влияние губительных для цивилизации тенденций, предложить средства от засилья морального релятивизма и догматизма, от чрезмерности приверженности к социокультурным основаниям рыночной, политической и профессионализированной деятельности, от убаюкивающей мифологии в общем-то вполне жизненных концептов Призвания, связанного со служением Делу, с хорошо просматриваемой ориентацией на успех. Но, впрочем, сделать все это она способна только частично, до определенных пределов, так как негативные тенденции в нравственной жизни, феномены морального отчуждения возникают не только тогда, когда нарушаются нормы рациональной морали, но и тогда, когда большинство агентов общественной жизни худо-бедно следуют предписаниям этой морали.

Между тем вся индустриально-урбанистическая цивилизация неумолимо вползает в полосу затяжного кризиса, который был прежде всего кризисом духовным, моральным - об этом уже говорилось в самом начале статьи. В то же время, такой кризис, вопреки ходячим мнениям, - не просто хаос, распад, тем более не агония морали, ее коллапс и полное вымирание. Это - не развал нормативно-ценностной системы общества, а растянутый во времени - иначе просто не может быть - и необычайно трудный *процесс обновления*, если угодно -

перестройки данной системы. Это - время проявления не только деструктивных тенденций в нравственной жизни общества, но и накопления *контртенденций*, с которыми связаны обнадеживающие перспективы.

Если быть лаконичными, то можно было бы сказать так: явственно обнаружился предел для продвижения процессов модернизации как вширь, так и вглубь.

Это определяет границы существования нашей цивилизации. Ее дальнейшее беспрепятственное и слабо-контролируемое развитие, неразрывно связанное с ним функционирование рациональной морали вместе с этикой успеха - в бизнесе, политике, профессиональной деятельности, в социальной педагогике - предполагало бы признание нескольких допущений:

- качество рыночных механизмов способно чуть ли не само по себе приближаться к совершенству;

- в распоряжении нашей цивилизации имеется неограниченное обилие ресурсов, и существуют возможности для экспотенциального роста общественного производства в результате суммирования всех видов достижения;

- это безукоризненным образом способно содействовать общественному благу, сделав сие даже в неблагоприятных условиях ресурсных дефицитов;

- стало быть, нет никакой необходимости вносить радикальные изменения в нормативно-ценностную систему общества, во все ее подсистемы (политическую, предпринимательскую, воспитательную и т.п. этики).

Увы, практика свидетельствует об обратном: все эти допущения носят произвольный характер. Перед лицом опыта трагических потрясений XX столетия, нарастающих мировых угроз речь, по существу, идет о кризисе техногенной цивилизации, в том числе, повторим, и о *моральном кризисе*, что в полной мере относится к рациональной морали во всех ее ипостасях. Уже не первое десятилетие идет процесс осмысления морального кризиса и интенсивных поисков выхода из него: прославленные в наших палестинах сакраментальные вопросы "что с нами происходит?", "кто виноват?" и "что делать?" отнюдь не монополю принадлежат лишь России.

Трактуется моральный кризис на множество ладов: сколько существует в мире идеологий, столько и способов критики цивилизации. Больше всего обращают внимание на контрасты техногенного развития, когда производственные, технологические, организационные, информационные достижения удивительным образом сосуществуют с ростом отчуждения, с актами вандализма и терроризма, с "откатом" трудовой морали, с утратами в сфере смысложизненных значений. В казавшихся естественными принципах всеобщей полезности и безостановочной экономической экспансии (в чем, напомним,

отнюдь не последнюю роль играет укорененная в нравах ориентация на успех, которая поэтому несет свою долю *ответственности* за прозаичность и потребительство "довольного сознания", за грех сытости, за пуританское ханжество, воинствующее мещанство) обнаружили зияющие бреши. Стало ясно, что названные мегатенденции не просто навязаны обстоятельствами, но и являются одновременно результатом *свободного выбора*. Выбора, который всегда присутствовал в прошлом, драматизировался в точках бифуркации развития, но амплитуда которого необычайно возросла при исходе из одной - техногенной - цивилизации и вхождении в коридоры перехода к другой - информационной, постиндустриальной.

Политические и культурные лидеры наперебой предлагают свои рецепты и варианты программ выхода из кризиса, немыслимо даже представить панораму всех аналитических описаний кризиса и проектов выхода из него, перехода к новому мировому порядку, к перестроенной нормативно-ценностной системе глобальной цивилизации.

Со своей стороны мы полагаем возможным говорить о том, что нравственное развитие человечества вступило в какую-то новую фазу, достигло в этом развитии новых рубежей, обрело новую аутентичность, и в связи с этим - о возникновении в мире и в России "третьей" - "*пострациональной*" морали, в которой производятся как переоценка ценностей, так и обновление самих регулятивных механизмов. Нет спора, что можно как-то иначе обозначить происходящие на наших глазах парадигмальные сдвиги в таком развитии, в осознании кризиса и поиске способов выхода из него (в чем-то сходные термины предлагают исследователи нравственности, например, Н.Моисеев, А.Назаретян, А.Зотов и др.). Но в логике предшествующего изложения нам кажется уместным именно такое обозначающее выражение.

Пострациональная мораль не воплощает какой-то авангард в туманном ценностном мире. Она не вытесняет предшествующие "морали" куда-то на обочину нравственной жизни общества и даже не просто следует за ними во временной линейной последовательности. Она не является и каким-то приращением к ним, но определенным образом "надстраивается" над ними, видимо, по законам спиралеобразного движения. Она ищет и обретает особые способы *существования* предшествующих фаз развития. Причем на равных основаниях, без снисходительного взирания на "отставших", "мизерабельных", "социальных призраков".

Лучше всего ее, пожалуй, следовало бы охарактеризовать в духе принципов *дополнительности* и аксиологического *плюрализма*. Она ставит в один ряд как приверженцев этики успеха, так и тех, кто в большей или меньшей степени предпочи-

тают уклоняться от подобной ориентации по каким-то нравственно-мировоззренческим мотивам (или по таким вполне прозаичным резонам, что без труда способны получить нравственное одобрение). Она против того, чтобы уклоняться от ценностей и норм этики успеха как-то клеймить, дискриминировать, отодвигая в маргиналии нравственной жизни. В изменяющемся обществе, конечно, не исчезает потребность в универсальных моральных нормах, но удовлетворяется она не за счет ограничений для иных, в том числе культурных ценностных ориентаций. (Кстати говоря, почти повсеместно поворот в сторону универсализации норм на основе рационализации жизненного процесса, по-видимому, плохо справляется с проблемой взаимодействия с нарастающим влиянием этно-национальных культурных образцов, что остро ощущается не просто в России, но и в отдельных регионах).

Не улетучивается, как дым, и потребность в инновациях и инноваторах, в людях, обращенных лицом к ценностям успеха, не происходит отказа от фундаментальных ценностей демолиберализма. Но смещения в самой этике явно происходят. Так, пострациональная мораль побуждает к ревизии установившихся взаимоотношений между ценностями делового и профессионального успеха, между этими ценностями - и ценностями жизненного успеха. И те, и эти определяются по различным основаниям и измеряются по разным критериям с неодинаковым соотношением в них объективных и субъективных начал (в оценке всех разновидностей успеха всегда пульсирует субъективное начало, и оно вписывает успех в уникальные биографические лоции жизненного пути человека, используется им только "для внутреннего потребления", для самооценки, что придает всей проблематике успеха феноменологический смысл).

По-новому пострациональная мораль подходит и к личностной проблеме соотношения *ценностно-рационального* и *целерационального* типа социального действия (в терминах М.Вебера), когда, с одной стороны, ставятся цели, ориентированные на индивидуальный или корпоративный успех, и - с другой, когда преследуется достижение каких-то не ориентированных непосредственно на успех ценностей (допустим, поиск истины в жизненном или исследовательском плане или же ориентация на самореализацию), но эти ценности тоже способны принести успех, однако, как бы само собой, ненамеренно, скорее всего в отдалении. В пострациональной морали ставится и положительно решается вопрос о моральном праве на предпочтение одного из этих типов социального действия другому, об оптимизации их сочетания, их конфигурации в жизнедеятельности в целом или же в ее узловых отрезках, в критических точках жизненной траектории.

Пострациональная мораль, в отличие от рациональной морали, которая грешила эзотермизмом и заносчивостью "людей успеха", свободно легитимизирует каждое из названных предпочтений, терпимо относится к любым их пропорциям и комбинациям. Когда-то, сопоставляя воззрения Эпикура и Аристотеля, молодой Маркс писал, что первый воплощал "божественный покой", а второй - "божественную энергию". Ныне крайности сходятся, но не так, как прижимаются от холода друг к другу дикообразы. Принцип уважения к личности, выпестованной на ценностях энергетике успеха в рациональной морали, оказывается здесь не столь уж несовместимым с уважением к личности, воспитанной в духе ценностей солидаризма, любви к "выси" и "далям" (по выражению Н.Бердяева). И даже к принявшим квиетизм - "философию покоя", не говоря уже о тех, кто исповедует мужественный стоицизм.

В рамках пострациональной морали возникают и зреют новые доминанты - экологические, неоаскетические, неогалитаристские, локалистские и т.п. Важно, что в силовом поле детерминант деятельности перестают быть конфронтационными традиционная и модернистская нормативно-ценностные системы, кладется конец старинному (возникшему на рубеже XVII и XVIII веков) "Спору о древних и новых", так как "новейшие" предпочитают союзные отношения между "древними" и "новыми" в морали.

Такие неведомые для прошлого отношения, разумеется, не избавят реципиентов пострациональной морали от трудностей идентификации при сопряжении, как образно выражался Мих.Ломоносов, "далековатых понятий", не исключат множества психологических смещений, фрустраций, тягостной утраты идентичности.

В свое время отвержение традиционной морали вызывало потрясения, которые хотя и не были прямыми революционными катаклизмами, но по своим последствиям превзошли любые революции. И теперь в мире - и у нас в стране - наблюдается неприятие нового как с позиций инерциального свойства, неофобии, так и с позиций с весьма обоснованной мотивацией. В России переход от патримониальной модернизации к современной, усложненной постмодернизационными процессами, создает ситуацию, когда человек ощущает себя в положении шукшинского мигранта, проживая в двух культурах одновременно, причем в обеих он интегрирован лишь частично. Это - *locus minoris resistentiae* современной модернизации.

Нравственная мудрость, на которую опирается пострациональная мораль, предполагает ясное осознание того неустранимого факта, что, с одной стороны, *рациональная мораль* и этика успеха содержат в себе сильнейшую угрозу иссушения нравственных чувств людей, их машинизации, с

другой - что одна только *естественная* мораль способна сделать людей совершенно неприспособленными для существования в "открытом" обществе. Мудрость вводит запрет на отсечение двух ценностных миров друг от друга или на восприятие их как "низших" или "высших". Она предполагает понимание того обстоятельства, что нельзя обойтись без рыночной экономики, но, вступая на рыночную площадь, впитывая, ассимилируя ценности этики успеха, человек не вправе утрачивать приверженности сокровенным ценностям, выработанным поколениями, нельзя пренебрегать и иррациональными глубинами человеческого сознания - не там ли затаились истоки добра и зла? Обе эти "морали", так сказать, обязаны "знать свое место" и отказаться от гегемонистских притязаний.

Улаживая спор "древних" с "новыми", "новейшая" мораль полагает, что различия между ними берут свое начало не столько из разных исторических эпох, сколько из различных сфер жизнедеятельности (публичной и частной, профессиональной и внепрофессиональной, протекающей в рамках иерархически выстроенных организаций или вне их). Не очень-то просто осознать данные различия и их источники. Но неизмеримо сложнее овладеть нравственной мудростью "новейших", искусством переключения из одного ценностного мира в другой. Как ни стараться, но духовные издержки при этом неизбежны - с этим ничего не могут поделать ни нравственная мудрость, ни самое изощренное искусство переключения. Подобное признание не предвещает "новейшим" сладкую нравственную жизнь, - останутся, как ни крути, и драмы поиска смысла жизни, и трагедии его не нахождения.

Президентская эйкуменнистика

Возвратимся теперь к сюжету вводной части статьи. У футурологов прежде бытовала шуточная фраза: "Трудно предсказывать, особенно будущее". Эта трудность отпугивает и нас от ремесла предсказателей судеб морального кризиса и роли в нем "трех моралей". Тем более, в такой труднообозримой и практически не поддающейся исчислению области. Есть только один способ, не превышая разумной дозы риска, заглянуть в будущее морали: внимательно проследить ведущие тенденции ее развития, охарактеризовать потенциалы перемен.

Большинство аналитиков, экспертов, публицистов и т.п., исследующих социальные процессы современной России, специфику переживаемого ею кризиса, будто сговорились, усматривая способ спасения в духовном, нравственном *возрождении* страны. Против этого невозможно спорить, и мы согласились бы с таким заключением, если бы "возрождение"

зачастую как бы ненароком не отождествлялось просто с "возвращением". Но к чему?

В самом деле, многие духовные процессы, хотя и шли у нас с трудом, крайне противоречиво, но все же шли. И были грубо прерваны в годы революционного лихолетия. Позднее возник уродливый феномен, который можно было бы назвать "этатизированным этосом". Он подменил собой подорванную традиционную нормативно-ценностную систему и последовательно выживал ценности рациональной морали, которую в России представляли различные городские слои, предпринимательские круги, российская меритократия, группы зарождающегося среднего класса.

Так к чему же тогда призывают нас "возвращаться", *возрождаясь*? Создалось впечатление, что многие аналитические материалы как-то обходят стороной данную проблему. Между тем хотя общество и пресытилось *прогрессистскими* идеями, но оно и не обрело гарантий от опасности *регрессизма*. Какова же торная дорога в развитии морали, на что может сделать ставку институция президентства, озадаченного обновлением своего курса, и - самое трудное - как оно это сможет сделать?

Мы попытались в общих чертах определить русло, магистраль цивилизованных изменений культурно-нравственного плана, чтобы - припомнив эпитафию к этой статье, взятую из текста Д.Гранина, - уйти от опыта познания грядущих времен по *моделям неуспеха*, лишь отчасти возмещенного некоей "трепетной духовностью". России предстоит положить конец затянувшемуся в ней спору "древних" (традиционная мораль, идеология соборности) и "новых" (рациональная мораль с ценностями этики успеха), не оказывая исключительной и демонстративной поддержки ни той, ни другой стороне, делая ставку на то, что возвышается над ними, не умаляя ни ту, ни другую.

Ценностным основанием обновления политики институции высшей власти страны может быть, как нам думается, *политика поддержки сосуществования* "трех моралей", особо чуткое внимание нарождающимся формам пострациональной морали. Эти формы - повторим - не являются какими-то экстравагантными отклонениями от первых двух, некоей случайной патологией традиционности и рациональности. Они - естественный результат развития лучших, вертикалистских тенденций, творческих возможностей как традиционной, так и рациональной морали, иначе говоря - этики, дезавуирующей по нравственным соображениям непосредственное стремление к ценностям успеха, достижения, и - этики успеха как побудительного (и ограничительного) фактора поведения. В новой складывающейся социальной реальности России есть, так сказать, место и "подвигу успеха", и нравствен-

но трепетным мотивам отказа от успеха - равно делового, профессионального или даже в целом жизненного.

Каковой же должна быть, как говорил Пьер Бурдьё, "этическая поза" президентства в отношении морали вообще, "трех моралей" в частности? Институтция, понятно, испытывает искус стать Государственным Воспитателем страны, чуть ли не демиургом новой морали общества. Его еще только предстоит преодолеть без сожалений. Как и, впрочем, преодолеть искус стать Великим Дидактом, исправляющим общественные нравы стилем своего собственного поведения, используя себя самого в качестве наилучшего наглядного пособия по части морали (что приемлемо для Америки - хотя и там эта миссия президента скорее лишь декларируется, нежели реально используется - обязательно ли подходит для России?).

Итак, еще раз: кем или чем может быть российское президентство в отношении к нравственной жизни общества? Как именно *президентская* политика (а не вообще политика) может и должна влиять на мораль? И как президентская политика в ее *обновленном* виде способна впитать в себя импульсы, идущие из сферы нравственности?

Прежде всего, она призвана быть чуткой к обновленческим процессам в самой морали, к инновациям в духовной ситуации страны. Это и чуткость к новым моральным запросам общества, уставшего от конфронтации, от экзальтации противостояния, от поиска моральной аргументации для обеспечения этого противостояния. Это и восприимчивость к многообразию таких запросов (не забудем, что советский человек привык к мономоральности, и плюрализм в морали его смущает еще больше, чем плюрализм в политике), и отказ от попыток насильственными средствами повлиять на моральную ситуацию в обществе, и отказ от чисто наблюдательной позиции, от "хвостизма". Президентская политика обновления не должна, подобно философии (по Гегелю), "приходить слишком поздно". И "слишком рано" не должна приходить. Вовремя!

Так, опыт ставки на ценность успеха в первую президентскую пятилетку в России показывает, что политика "не увидела" ни *полного потенциала* этики успеха, ни тех *перемен*, которые произошли в этой этике тогда, когда стала формироваться пострациональная мораль. По существу, эта политика делала ставку на *устаревшую* версию ценностей и норм этики успеха, уже изживаемую в цивилизации, продвинутой к постиндустриализму. К тому же, акценты этой политики на воспроизводство в России рыночных институтов и демократических форм правления игнорировали необходимость выращивания соответствующих ценностных позиций у носителей "недорациональной" морали. Вместо установки на *существование* приверженцев этики успеха с приверженцами "недорациональной морали" была избрана - скорее всего

неумышленно - позиция такой же острой *моральной конфронтации*, как и той, что поразила социально-экономическую, политическую и культурную сферы жизни общества (о консенсологическом потенциале моральной ситуации того периода см.: На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса. - Центр прикладной этики.- М., 1991).

В итоге президентская политика опиралась лишь на одну из сторон морального потенциала общества - вместо всеобщей "моральной мобилизации".

Используя парафраз, можно сказать, что все то в президентской политике нравственно, что содействует пострациональной морали, а стало быть, умеряет чрезмерные амбиции этики успеха и усмиряет реваншистский дух традиционализма.

Такого рода предпочтение пострациональности в моральных основаниях президентской политики, предполагающее сосуществование всех трех типов моральности, нельзя трактовать в качестве некоей беспринципности, неразборчивости. Речь идет о толерантности, причем в ее сильной, а не слабой версии, которая (последняя) предполагает, что каждая из взаимодействующих сторон ради сосуществования отказывается от чего-то важного для себя, подобно тому, как истину представляют в виде ослабленных крайностей. Обновляемая политика должна придерживаться такой версии толерантности, когда ставка делается на развитие всего перспективного, неувядаемого, *нравственно прекрасного* в каждой нормативно-ценностной системе.

Разумеется, образ такой версии трудно, не впадая в утопию, представить в конкретных и завершенных чертах. Но уже сейчас очевидно, что каждая из граней обновляемой президентской политики не может не быть пронизана обновленным этическим смыслом.

В.Г.Иваницкий

**АРХЕТИП ОБНОВЛЕНИЯ ВЛАСТИ.
РУССКИЙ САКРАЛИЗМ МЕЖДУ МАГИЕЙ И ЗАКОНОМ**

1. Фон: Россия как тавтология и парадокс *

Трансакционный аналитик Э.Берн, широко известный по книгам "Люди, которые играют в игры" и "Игры, в которые играют люди", предложил неформальное понятие "марсианской логики".

Так вот: с точки зрения марсианина президентство в нашей стране пока является моделью успеха в той же степени, что и моделью неудачи.

Кредо триумфа и фрустрации, кодекс победы и поражения и, соответственно, - этика успеха и этика краха в России трогательно совпадают.

Различия наблюдаются лишь в эстетике.

Спору нет, сказанное верно не только для нашего отечества. Просто на примере "страны особого пути" все модельное, типичное видней.

Парадокс амбивалентности верховной власти неоднократно отмечался. Однако как нам его методологически интерпретировать? Исходить ли из того, что, например, система целеполагания, вшифрованная в ментальность российского правителя, почти никогда не соответствует неумолимой логике развертывания его судьбы?

В самом деле. Трудно предположить, что "царь-освободитель" Александр II, давая волю негосударственным крестьянам, в действительности стремился погибнуть как мученик от руки террориста. Что другой "царь-освободитель", М.Горбачев, затеявая реформы и переходя к президентству, закладывал в свои планы послефоросский крах и унижительную передачу чемоданчика отменившему его лицу. Что всенародный любимец Б.Ельцин свалится в рейтинговую яму в 94-95 гг. и попадет в тупик чеченской войны сознательно, добровольно и с удовольствием.

Катехизисная реплика: "Ничего не попишешь – политическая борьба. Человек предполагает, а Бог располагает!" - ничего не объясняя, симулирует диалог, поддельывая бессмертную надпись на фронтоне нашей эпохи, которую вновь, по выражению Б.Пастернака, бурно слабит жидким мрамором. "Хотели как лучше - а вышло..."

---

* Как термин гештальт-психологии "фон" составляет формальную пару "фигуре" - см. заголовок параграфа 2.

Свежесть транзакционных подходов, несколько не сомневаясь в неизбежности этого "всегда", позволяет перевернуть вопрос и задать его иначе: "а что - разве действительно хотели как лучше? как иначе?"

Взглянем на дело в таком ракурсе. Если в России, как стране, переизбирают президента, то это, несомненно, комплекс политически рациональных актов передачи власти. Но это в стране.

А в сознании, подсознании страны? В голове человека, живущего в этой стране?

И в том числе того человека, что стоит на вершине властной пирамиды. И тех бесчисленных, из которых состоит ее монолитный костяк.

Никто не исключение: наблюдатель, если верить Н.Луману - тоже. Общество давно занято референциями собственных референций. И, по Луману, самое лучшее, на что может рассчитывать наблюдатель, - знать, что и "любой другой есть лишь наблюдатель, который не видит, чего именно он не видит" [1].

Так возникают "эффекты заслонения": характерные тавтологии самоописания и свойственные обществу неизбежные результаты приложения различения к самому себе - парадоксы самоописания.

Частный случай тех и других в культуре - так называемые "ценности". Ценности - суть "слепые пятна, которые вооружают способностью к наблюдению и действию" (Н.Луман).

В отношении же особо навязчивых для культуры конфигураций тавтологий и парадоксов самоописания предположим, что информация как "форма формы" преобразуется в конструкты, отныне изоморфные к преобразованиям.

Мне кажется, именно так - прагматически - полезно подойти к изрядно затрепанным от неумелого употребления понятиям "модель", "традиция", "архетип".

Следующий ниже каталог российских тавтологий и парадоксов самоописания почерпнут из различных источников, в том числе и из Вестника "Этика успеха", 5/95. Обобщенные полуцитаты, конечно, следует рассматривать не более как опыт пластического чревовещания без всякого поползновения вынести себя за скобки (что по определению невозможно).

У нас нет института президентства, есть институт ельцинизма... Борис Ельцин стал и царем, и мессией... Что такое российское президентство, не знает никто. Возможно, знает только Президент РФ. Порядок должен быть в государстве: почему? Потому что государство - это порядок... Президент России - царь, который в России всегда был президентом... Президент - конкретное лицо и президентство - вещи разные... Президентство - лишь форма власти, в которую можно облечь любое социальное содержание... "Фашист! - Нет,

это ты фашист!"... Случилось то, что случилось... Демократия, теряющая престиж в глазах народа и приближающаяся к краху с каждым победным шагом... Россия станет демократической только с Пиночетом во главе (далее иногда следуют банальности о банановой республике вечной мерзлоты)... Прогресс - это обращение к истокам: чем быстрее Россия избавляется от родимых пятен прошлого, тем сильнее в него влипает... Президент, настолько соответствующий быстро меняющимся ожиданиям народа и настолько всепонимающий и информированный, что никого не слышит, и в первую очередь самого себя... Коррупция, прямо пропорционально растущая от усилий общества обратить на нее внимание общества... Президентство у нас - какое есть, такое и будет. Потому что - такое и было... Народ созрел для выборов... Народ совершенно потерял интерес к политике... Русский человек так долго был монархическим, что еще не созрел для свободы: поэтому и в дальнейшем нужна монархия... На протянейшем нужна монархия... На протянейшем ни одного примера нормальной передачи власти... Распространено мнение, что президентство в России - институция молодая, и поэтому национальная модель президентства не выработалась; я бы с этим не согласился...

Прервем цитирование, тем более занятное, что схожие высказывания принадлежат непримиримым противникам, а диаметрально противоположные - случаются, одному и тому же лицу. Заметим лишь на полях, что русский фаталистический скепсис и русский юмор (близнецы-братья) очень чутки ко всяческим парадоксам, вырастающим из текста жизни, но бывают по-детски бессильны перед каменными тавтологиями: население было способно, способно и, кажется, будет способно заблудиться, как в трех соснах, рубленых лозунговых безапелляционностях.

Вышеописанное состояние ментальности покойный М.Мамардашвили называл в строгом смысле неопишваемым, "третьим состоянием", "зомби"-ситуацией - "голова волосами внутрь" и сравнивал с кафкианским кошмаром дурного сна, "в котором любая попытка человека мыслить и понять себя, любой поиск истины оборачивается поиском уборной" [2]. Безвыходно находясь в поле вырожденных смыслов-без-смысла, плотно утрамбованных мифологем-ярлычков, легко всерьез "зевнуть" полную смену знака российской политики* .

---

* Забегая вперед, рискну дать общий критерий распознавания гипотетических сползаний и изменений знака политики через форму аутопрезентации власти. Если парадоксы самоописаний превалируют над тавтологиями, можно надеяться, что мы еще находимся в стадии реформ. Если наоборот - начался процесс построения новой (реставрации старой) идеологической утопии.

2. Фигура: Архетип временного царя аграрного ритуала

Возвратимся к вопросу о целеполагании.

Так "не соответствует" - или все-таки на каком-то глубинном уровне адекватна картина мира, принадлежащая подсознанию носителя высшей российской власти, той картине мира, что вытекает из стороннего рассмотрения его логики принятия решений и исторической судьбы? Если да, наша цель уяснить, какой архетип избирается (негодное выражение, но другого нет) страной, а затем подстраивающимся под нее властителем или властителем, а вслед за ним страной.

Технология описания создает впечатление, что поле маневра существует и велико. Убедительно выглядят примеры Ивана Грозного и Ленина, сумевших не один раз резко изменить всю модель государственности за время своего правления.

В политико-социальном и экономическом плане это бесспорно, но едва ли может быть понятно, если речь пойдет о глубинных архетипах выдвижения, властвования, низвержения и преемственности.

Дабы не повторять сказанного в моей статье о депутатстве [3], - намеренно коротко о сакральном инварианте власти, жреческом механизме ее божественной легитимации и матрицах понимания власти в архаике, привожу общее место культурной антропологии и фольклористики, хорошо известное как "священный брак": высший правитель (претендент) мужского пола "женится" на всей стране. Страна мыслится как "жена", но еще и как "земля-мать". Так Эдип женился на Клитемнестре. Понимание такого союза как брачного - условно и не совсем верно. Временный "священный брак" - вынужденная модель древнего мышления, т.к. относится не столько собственно к власти в нашем понимании, сколько к ритуалам плодородия (контроль за стихиями природы, обеспечение урожая, приплода скота, рождаемости). Периодическое возобновление времени (смена сезонов - не что иное как волевой акт царя-мага) гарантируется его молодостью, красотой+сексуальностью и особой магической силой* .

Власть царя-жреца велика, любовь и вера в него абсолютны, но велика и зависимость его от населения. Так, любое сомнение в вышеперечисленных качествах для него фатально. Всякое нарушение заведенного монотонного порядка вещей (стихийные бедствия, мор, катастрофы, неурожай) ставят в вину именно центральной сакральной фигуре.

Поэтому неудивительно, что на мифы о бракосочетании богини-земли (страны) со священной особой царя или героя прямо наложены мифы об его умерщвлении. Нередко убийцей

---

* Не буквальное, но довольно точное соответствие - "харизма".

становится преемник (герои сказок убивают старого царя; в русских - старый царь пытается омолодиться и жениться на царь-девице, но либо осмеивается и устраняется, либо сама процедура омоложения бывает для него губельна), но чаще это обязательное ритуальное действие: жертвоприношение не ради преемника и не вследствие борьбы за власть, но ради блага страны.

А вот происхождение избранника богов может быть различным; единственное условие: его рождение, закалка (Моисей, Зигфрид, Ахилл) или получение им силы (Илья Муромец) должны быть "особыми". Проблема голубой крови стала проблемой много позднее. Для архаического мышления гораздо важнее, чтобы он оказался тем, что называется в мифологии "культурным героем", т.е. победителем зловредных стихий, укротителем хаоса и установителем правильного Порядка, включая сезонный*. В наиболее архаическом варианте - он чужестранец по отношению к зоне властвования: "пришел издалека" и мало известен**. В этом случае особая сила претендента подвергается проверке с помощью испытаний. Роль института передачи власти играет сама царица-страна. Власть-молодость. В политологическом контексте - еще не опробованность, не членство во власти. Новая фигура поэтому кажется "моложе", в ней хотят видеть неизрасходованные силы, а старая властная фигура часто интерпретируется массовым сознанием - вопреки логике: ведь старый властитель приобрел опыт - как "отработавшая", лишенная сил. Тут корни повышенного небезразличия народа к внешнему виду, манере говорить первого лица. Как назло, (природа власти? нагрузка?) год-два в роли предстателя-за-всех так действуют на человека, что оправдывают подобный интерес.

Власть царя-мага не абсолютна, она, строго говоря, вообще не совсем власть: реальное управление может осуществляться за его спиной несменяемой коллегией жрецов или старейшинами (по мнению защитников теории матриархата - царицей, воплощающей страну).

Нет сомнения: описанный архетип самозамкнут и неререформируем. И, однако ж, историческая очевидность - он претерпел разительные изменения. Несмотря на то (или как раз

---

*Слыхали мы и такое: имея в виду власти, советский обыватель в сердцах о погоде: "Что хотят, то и творят!". По иронии судьбы при современных средствах управления климатом ассоциативная связь получает новую актуальность, - особенно на государственные праздники.

** Полная структурная тождественность в переводе на российские реалии в том, что занять всероссийский престол - проблема для столичных уроженцев.

потому), что юрисдикция гораздо моложе магии, она в человеческом обществе, вовсе не отменяя последнюю и служа ей иллюстративным уточнением, ритуалистским закреплением, а позже механизмом легитимации "ценностей" (в специфическом смысле, см. первый параграф), настолько видоизменяет синкретическое сознание и суть первобытного явления, что может рассматриваться как антагонист старшей "сестры" в культурологическом поле.

Тем не менее предаваться просветительским иллюзиям о том, что историческое время - улица с односторонним движением, пока рановато. Во-первых, жизнь властителя в нашем государстве (да и только ли в нашем) типичная вечная вооруженная тревога жреца храма Дианы, картинно описанная Дж.Фрэнклом в "Золотой Ветви". Во-вторых, живучесть архаики норовит подтверждать себя тем, что механизм передачи власти в России цивилизным путем все время дает сбой. Едва ли это цепь досадных случайностей, плод "ошибок" и т.п. - скорее закономерность. Балансируя меж магией и законом, страна периодически заикливается на вечном возвращении*. В-третьих, мы не успели рассмотреть вариант не желающего уходить царя-жреца. А ведь давно известно, что надо делать, если хочешь навечно переключиться в разряд Великих Мудрых Старцев (сверх-отцов). Для этого следует остановить эпическое время, т.е. попросту время от времени приносить в жертву когонибудь другого вместо себя.

Причем вовсе не обязательно реальных претендентов.

3. Морфология: Скромная попытка тезауруса

Представляется уместным предложение авторов проекта "Обновление президентской политики" развести понятия смены верховной властной фигуры и обновления власти.

Переберем, не претендуя на полноту, варианты ухода и/или потери власти первого лица государства, абстрагируясь от вопросов о передаче власти и легитимности процессов.

1. Естественная смерть правителя
2. Дворцовый переворот
3. Революция снизу (бунт)
4. Становление "Новой Династии"

---

* Наблюдается своеобразный закон сохранения: когда осуществление власти в России утилитарно, прагматично и граничит с цинизмом, способ ее аутопрезентации (идеология - костыль вне-этичных режимов) и низовое отношение к власти (ее смене, курсу, первым лицам) окрашиваются в магико-сакральные тона. И наоборот.

5. Реставрация "Старой Династии"*
6. Метаморфоза власти (Япония эпохи сегуната, Великобритания нового времени)
7. Самовольное отречение
8. Легитимный отзыв ("снятие") правителя: остракизм, суд, импичмент
9. Переизбрание
10. - ?

(При этом сущность правления, оформление фасада и характер политики могут, конечно, меняться или оставаться прежними; возникает веер вариаций).

В России, если порыться, обнаруживается все или почти все. Видимо, пересечения вариантов допустимы: по крайней мере, кентавр из 4+5+? дает магико-юридический акт, который выдернул из-под Горбачева и государство, и президентство - уникальная комбинация, по всей вероятности, не имеющая аналогов.

Естественны ожидания обнаружить свой список моделей - манипулятивных способов сохранить за собой власть, избежав ее передачи. Его построение выходит за рамки данной работы.

Однако удивительным образом оказывается, что каталог *конечных итогов* подобных усилий в общем и целом сводим все к той же 9, а их цель в подавляющем большинстве случаев почти исчерпывающе описывается вариантом 1.

Яд, образно говоря, оказывается иногда противоядием - в данном случае от другого яда.

Скажем, на опасность 3 режим может закрутить гайки и либо добиться исхода 1, либо, если силенок не хватит, впоследствии нечто в разбросе от 2 до 8 включительно. На 4 можно ответить 5, на угрозу 6 есть средство 7+2 (с вариантом +5) и т.п.

Ясно, что типы угроз и ответов, постоянно просчитываемых и проигрываемых связей (пусть в уме; угроза сильнее исполнения), косвенно характеризуют степень демократичности данного государственного образования. Ряд 1 - 2 - 2 - 1... - типичная "восточная тирания". На противоположном

---

* Термин "Династия" тут употребляется условно и вынужденно с целью покрыть максимально широкую полосу значений: режим, система правления, тип государства, правящий дом и т.д. Каждый из 9-ти вариантов может осуществиться в спектре конкретных сценариев, например "Новая Династия": а) захват иноземной "Династией"; б) породнение домов и объединение; в) территориально-династические новации (династия Сун в Китае XII в.); г) "выборы царя" во время смуты; д) возникновение нового государства в тех же или новых границах; е) чисто динамический кульбит, в т.ч. волюнтаристские новации по типу самозванства и наполеонизма.

конце спектра - государства, на любой "вызов" отвечающие 9 (8 - про запас, на всякий пожарный случай).

Думается, этот критерий, увы, все еще важнее наличия или отсутствия Конституции у той или иной страны и конкретного содержания ее статей.

4. Стилистика: от магии к юрисдикции?

Наблюдаются интуитивные ожидания обновления президентской политики РФ к весне-лету 96-го года. При широте полномочий, заложенных в Конституцию, между президентской политикой и политикой РФ очень соблазнительно поставить знак равенства. Но, во-первых, обновление политики может произойти или не произойти независимо от того, кто победит на президентских выборах, если они состоятся. Во-вторых, важно отличать дух и идеологию правления от механизмов и юридических оснований государственного строя. Последние могут остаться не поколебленными при полной смене первых (кажется, первый прецедент - реформа Эхнатона).

Вполне на поверхности лежат две вещи, - с общего голоса в пересказе.

1) Россия приближается к очередной точке бифуркации: не простым выборам, - чуть ли не первым легитимным перевыборам вообще, - но выбору между какой-то демократией и авторитаризмом. Какой именно демократией, чьим авторитаризмом, - не очень ясно...

2) Интуитивные ожидания, о которых упоминалось выше, хорошо вписываются в народный стандарт восприятия политики властей и "русских горок" русской истории: послабления-реформы → последующее закручивание гаек и наведение порядка, переходящие в застой. Иначе говоря, короткая оттепель и долгая зима.

Сей маятниковый ход во всем, хотя и не совсем безосновательно, сам давно перешел в разряд архетипов массового сознания россиян, во всяком случае достоин такого звания. Какая вырисовывается схема? Хрущев → Брежнев; НЭП → Сталин; Февральская революция → военный "чекизм"; Александр II → Александр III; Александр I (молодость) → Николай I; Екатерина II (начало правления) → Екатерина II (конец)+ Павел I... И - "дальше, дальше, дальше" ... как в прошлое, так и в будущее*.

---

* Инстинктивно пытаюсь уйти от парадоксов и тавтологий самоописания, русский дискурс симптоматично выбирает аналогию. Споры нет, средство мощное - особенно *post factum*. Но едва ли пригодное для прогностики. Впрочем, есть и другие мнения.

Как бы ни влек этот путь, наша задача здесь иная: анализ инструментального пространства, в котором возможны воспроизведение, редуцирование и гипотетическое преобразование архетипов власти.

Если в духе М.Вебера выделить "чистые", диаметрально противоположные "идеальные типы" - "этику убеждения" и "этику ответственности"[4], то в инструментальном поле им будут соответствовать магизм и юстиция. Там - таинственная благодать харизматика, здесь - очерченная безличность закона. Специалист по исторической психологии Ж.-П.Вернар [5] так прослеживает переход от первого ко второму, от Микенского царства к греческому полису*, от мифа к логосу. Слово фактически впервые утрачивает ритуальную сущность, претензию на изречение истины; полная публичность и дискуссия становятся отличительными чертами проявлений общественной жизни... Возникает особая технология дискурса, властные функции базилевса или знатных родов, носителей *agche*, становятся под контроль всех граждан, культура и религия через религиозно-героическую поэзию делаются достоянием всего демоса; нормы полиса, в противоположность абсолютизму царской власти, требуют, чтобы все в равной мере принадлежало отчетности (*eythynai*), законы больше не навязываются силой властного авторитета, их правильность и полезность должны быть обоснованы. Письменность прекращает быть тайнописью, но распространяет знания, бывшие ранее уделом немногих и находившиеся под запретом, возникают зафиксированные письменно законы. Тайное знание мистериального типа преобразуется в совокупность публично обнародованных истин [5].

Ну а сама власть? Институт власти древнего "Анакса" синкретически включала в себя все: законодательное право, жречество и святость, лечебно-магическую силу, командование войском, управление, владение, суд, хтонию - некое начало, связанное с землей и ее богатствами, отправление политических ритуалов (на уровне отношений государств), монополию на главные хозяйственные нужды (например, торговлю). Но затем в целом выстраивается ряд разделения властей. Тогда как в геродотовой Скифии "государь еще предстает как персонаж, стоящий вне и над различными функциональными группами общества; он представляет их всех, в нем в равной мере сосредоточены истоки их добродетелей, а сам он не принадлежит ни к одному из них" [6], - афинские легенды повествуют, как от базилевса отщепилось иеросине

---

* В свете того, что мы сегодня знаем о Микенском мире и греческой архаике, построения Вернара кажутся несколько прямолинейными, но ход мысли показателен.

(жреческая функция) и архе (начало властвования), в свою очередь распавшееся на хтонию, метис (тайны магии и ремесел), кратос (правление)...

Скифия и Россия тех веков, когда государь, будучи неограниченным монархом и главой Церкви в одном лице, явно или неявно совмещал в своей фигуре все и вся...

Сходство властного синкретизма отрицать трудно, зато имеется один многозначительный нюанс: в Российской Империи (а затем фактически в СССР) "фокусирование" власти, концентрация и нерасчлененность ее - явление вторичное, с обратным вектором по отношению к первоначальному состоянию. И такие моменты обратного тока между полюсами "магия/ юрисдикция" случались не раз. Правовая ситуация в области разделения властей и - уже - дифференцирования понятия "власти" в России Ивана Грозного, Петра I, середины XX века - результат модернистской деградации юрисдикции и права, что бы ни было написано в документах той поры. Перед нами новое срастание расходящихся тропок.

Можно выдвинуть три версии: либо наше отечество еще сохраняет рудименты аграрно-магического синкретизма, либо с XX века (или раньше?) в мире обозначился серьезный поворот вспять к синкретизму в социополитической сфере в качестве компенсации за скачок сложности и дифференцированности картины мира, либо - что менее вероятно - у России всегда и во всем особый путь. Но, как уже было сказано, на особом и типичное вдвое видней.

В любом случае нелишне принять во внимание тлеющую способность "духа юрисдикции" к обратной инверсии - в "дух магии", что может быть чудовищно в высокотехнизированном обществе. "Чингисхан с телеграфом хуже Чингисхана без телеграфа".

Будет ли меняться модель смены? Или мы станем свидетелями того, что российская власть сменит и перейдет с традиционалистских (по мерам аутопрезентации, методике формирования) рельс на рационально-прагматические? Сменится ли парадигма Страшного Суда трезвым разводом с "Отцом нации"? И - по М.Веберу - "аскеза подчинения и властвования" - аскезой чисто мирской; метафизическая идея органического государства - деловым представлением о нем? Пока сомнительно.

Собственные интенции высшей власти, которую И.Клямкин и В.Лапкин справедливо называют самой сгруппированной и плотной структурой в реструктурированном состоянии государства и (еще на порядок) общества - как они видны невооруженным глазом, противоположные. Президент все больше походит на царя, власть - на единодержавие, а русское единодержавие ставит знак равенства между "править"

и "иметь". Если понятие власти и собственности не развести, любой дележ собственности в свирепую борьбу за власть...

Пока в условиях краха проекта Вождя нации вне власти (судьба А.Солженицына) президентство существует как редкое сочетание тяги к авторитаризму и "либерального" идеала. Оформление горбачевского президентства - 1-й, а ельцинского - 2-й пик подобного альянса. Неустойчивый (или устойчивый - предстоит решить) - он предполагает совмещение в одном сакральном лице фигуры высшей власти и духовного ориентира. При убывании второй компоненты устойчивость и действенность конструкции зримо снижается. Здесь давно наметился спад, хотя Б.Ельцина явно рановато объявлять политическим трупом.

Но главная забота в ситуации, когда смутные ожидания толкают предпочесть выбор нового выбору лучшего даже ценой возвращения в "прекрасное вчера" (опыт бывших - ? - соцстран и стран Балтии), - можно ли демпферировать "квантовые переходы" из крайности в крайность при помощи стабильной политико-правовой модели, где смерть или уход правителя не будут означать форс-мажорных обстоятельств?

Посмотрим; практика - единственный способ разорвать "аутопойесис коммуникации" и остановить тавтологические самоописания.

Литература

1. Социологос. Вып.1. - М., 1991, с.193.
2. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. - М., 1992, с.112,114
3. Иваницкий В. Культурология и мифология депутатства в базовых моделях и архетипах. - Этика Успеха, 1995, N 6.
4. Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990, с.696.
5. Вернар Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. - М., 1988, гл.4.
6. Там же, с. 62-63.

А.С.Ахиезер
**ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ВОЗМОЖНОГО ОБНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ
ПОЛИТИКИ**

В Вестнике "Этика успеха" NN 4-6 я пытался анализировать ценностную основу власти России. Была высказана мысль о существовании специфических нравственных идеалов: вечевое, распадающегося на соборный и авторитарный; утилитарного, распадающегося на умеренный и развитый, и - либерального. Каждый из них функционирует как относительно гомогенная культурная основа для интеграции деятельности людей, ориентированных на соответствующий идеал. Он выступает для этих людей как общая основа: смыслообразования, возможности коммуникаций, целостного воспроизводственного процесса, участия в общих воспроизводственных ритмах, формирования целей, ценностей, норм, превращения культуры отношений в предмет творчества, строительства государственной власти и т.п. Каждый такого рода идеал является нравственной предпосылкой некоторого особого типа интеграции общества, единства его специфических многообразных культурных и организационных форм.

Однако существование нескольких идеалов создает для общества серьезную проблему их совместимости. Содержащиеся в разных идеалах программы деятельности могут находиться в крайне сложных отношениях, вплоть до раскола, до взаиморазрушения. Это несет в себе опасность для общества, для государства. Важнейшее средство ограничения этой опасности заключается в стремлении остановить, ограничить появление новых идеалов, как факторов, дезорганизующих ранее сложившуюся жизнь, т.е. противостоять распаду синкретизма (о синкретизме см.: А.С.Ахиезер. Синкретизм или либерализм // Рубежи. 1995, N 4), а если процесс уже "пошел", интегрировать элементы распада, формировать из них гибриды.

Отсюда существование в обществе нравственных идеалов гибридного типа. Их специфика заключается в том, что жизненно важная проблема интеграции общества достигается тем, что стихийно, а возможно, и искусственно, силами идеологов, объединившихся с государственной властью, силами интеллигенции культивируется иллюзия существования некоторого гомогенного нравственного идеала. Реальные существовавшие различные нравственные идеалы, например, вечевой и либеральный, рассматриваются, расцениваются в этом случае как тождественные, неразличимые, что, казалось бы, противоречит здравому смыслу, очевидности. Их различия либо вообще игнорируются, либо расцениваются как несуществен-

ные, как результат возможности описывать явления не только понятийно, но и метафорически, т.е. расцениваются как связанные не с их сутью, а со способом описания реальности.

Например, рассмотрение того или иного общества как "империи зла" можно расценивать как метафору, как иллюстрацию научного анализа, ее неполноценный аналог. Но "империю зла" можно рассматривать и как симптом донаучного мифологического, манихейского подхода к миру, проявление донаучной культуры. Из факта существования двух далеко разошедшихся типов культуры можно сделать разные выводы, не только теоретические, но социально-практические. Общество может отреагировать на эту ситуацию как на правомерный плюрализм, в котором надо жить на основе диалога. Но можно и не видеть этого различия, игнорировать его. Можно пытаться его подавить, пытаться убедить всех, что это различие временное и нереальное. Тем не менее эти различия не второстепенны для общества, ибо они тяготеют к разным типам общества.

Социальный и политический смысл гибридного идеала, независимо от причин его возникновения, очевиден. Этот идеал - имитация гомогенного пласта культуры, основа интеграции общества. Он всегда - проявление распада, противоречия, раскола между социальными отношениями и культурой, в которой слитность, синкретизм продолжают оставаться высшей ценностью.

Гибридность может выступать в двух формах. Она может быть формой исторического ограниченного распада синкретизма, когда процесс формирования специфических идеалов уже начался, но не дошел до того, чтобы превратиться в предмет рефлексии, чтобы люди, тяготеющие к разным идеалам, осознали свою специфику, свое особое место в обществе, свое специфическое место в воспроизводстве государства, свои особые потребности и, главное, легитимность этой специфики, ценность плюрализма жизни. В этом случае гибридность как результат непреодоленного синкретизма представляет собой органическое явление, которое может консервироваться, но может и постепенно рассасываться. Это создает основу для формирования диалога мифопоэтического и понятийно-точного мышления (Г.Померанц. Выход из транса. М., 1995, с.342-344). Такая форма гибридности на Западе исторически предшествует развитию либерального общества.

Однако далеко зашедший раскол может создать на этой исторической основе и иную форму гибридности. В условиях мощного влияния синкретизма лишь небольшая часть общества, лишь духовная элита может вести диалог о расколе на языке науки, философии. Для остальных же эта проблема приобретает характер поисков злодеев, которые якобы в силу "порчи естества", по злобе, в результате подкупа, наущения и т.д. каким-то способом разлагают синкретизм, тем самым

создавая для большинства дискомфортное состояние. При этом какая-то часть общества, прежде всего полуобразованная интеллигенция, превращает раскол в средство разгрома государства, якобы ответственного за распад синкретизма. В России еще в прошлом веке возникла ситуация, когда это меньшинство носителей мифологического сознания, использующего научную лексику, пыталось "раскрыть глаза народу", довести до его сознания "правду", "научную истину", что власть в России "антинародна", разрушительна для жизни. То же самое продолжается и сегодня. В царской и советской России власть отвечала на это подавлением деятельности таких людей, что, однако, в обществе с далеко зашедшим распадом синкретизма оказалось неэффективным фактором, который порождал лишь дезорганизацию.

Несовместимость разных пластов культуры может в условиях раскола выйти за рамки несогласия по поводу разных типов государства, разных типов и форм интеграции. Возможно несогласие по поводу самого существования государства. Более того, это вполне естественно в обществе, где ценности синкретизма имеют массовое влияние. В конце концов, именно существование государства является повседневным свидетельством далеко зашедшего распада синкретизма. В этой ситуации было бы странно, если бы идея ликвидации (или во всяком случае ослабления) государства не рассматривалась тяготеющими к синкретизму как путь воплощения архаичных ценностей. Именно по этому пути прошел идущий к власти большевизм.

Советская система, возникшая на массовой волне, направленной на возврат к господству архаичного догосударственного синкретизма, была нацелена на формирование идеологии и практики псевдосинкретизма всеми возможными методами, вплоть до террора. Псевдосинкретизм был направлен против угрозы массового осознания реальной гибридности господствующей идеологии, против угрозы разоблачения иллюзорности "морально-политического единства". Крах этой утопической попытки роста массового самосознания, однако, вовсе не означал, что одновременно исчезла сама проблема гибридности, что автоматически появилось осознание ценности массового разномыслия, консенсуса, реального диалога, как это многие наивно полагали. Но крах этого варианта псевдосинкретизма свидетельствовал, что в существенно изменившихся условиях, прежде всего, в результате слома террористического механизма, исчезновения массовой поддержки избиения "кулаков", "врагов народа", изменился механизм воспроизводства гибридности.

Именно этот качественный сдвиг и должен стать важнейшей проблемой исследования путей обновления президентской политики.

Специфика современной ситуации заключается в том, что эта многоплановая проблема может и неизбежно становится предметом обсуждения. Нельзя закрывать глаза на то, что в этом есть определенная опасность. Обсуждение реальности раскола в мифологических формах вновь открывает путь для формирования из государства образа мирового зла, для осмысления всех проблем в мифологических представлениях "козней" и "заговоров".

1. Президентская политика, как и политическая жизнь в России вообще, вся пронизана гибридностью, т.е. по своим культурологическим, нравственным характеристикам "склеена" из различных, возможно исключаящих друг друга, нравственных пластов. Президентская политика не отличается пластами ценностей от политики других субъектов политической жизни, хотя и может отличаться удельным весом каждого из этих пластов. Президентская политика, возможно, отличается динамикой изменения соотношения этих пластов между собой.

Фактор, облегчающий исследование этой проблемы, заключается в том, что в центре гибридности идеалов лежит, по сути, одна достаточно простая схема основных идеалов. Тем не менее сложность исследования заключается в том, что соотношение между ее элементами может постоянно изменяться. Например, советский период можно разделить на семь этапов, каждый из которых характеризуется специфическими соотношениями между элементами гибридного идеала (А.С.Ахиезер. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993, N 1). В рамках каждого этапа возможны постоянные изменения соотношения идеалов в каждой точке общества, вплоть до разрушения гибридности.

Общая схема сложившегося в России гибридного идеала уже излагалась мною в Вестнике "Этика успеха". Три основных элемента схемы характеризуются весьма замысловатыми динамичными соотношениями между собой. Эти соотношения формируются как попытки российского расколотого общества умозрительно соединить, отождествить исторически сложившийся вечевой идеал (его разновидности) с либеральным (который при этом может быть сведен к усеченной форме, его ценности могут быть редуцированы до средств). Отождествление этих двух идеалов выступает в бесконечных конкретных формах, например, как отождествление воли и свободы, вечевого института - с демократией, крепостного - с развитой личностью, народного здравого смысла - с наукой, народной правды - с истиной и т.д. Тем самым для традиционализма открывается возможность использовать для защиты своих ценностей язык, накопленное богатство либеральной суперцивилизации и, одновременно, для либерализма - возможность использовать энергетический потенциал сил традиционализма для реализации своих целей. Разумеется, это создает сложнейшие, запутан-

ные, крайне плохо осознаваемые исторические коллизии, которые должна распутывать историческая наука.

Важнейшей проблемой анализа этого гибрида является исследование границ возможностей отождествления идеалов, возможности их распада, который может иметь разрушительные последствия для общества, спровоцировать дезинтеграцию в различных формах, вплоть до гражданской войны. В повседневной жизни гибридное слияние идеалов может постоянно эродировать, переживать постоянную неустойчивость, тление распада. Отсюда импульсы дезорганизации не только культуры и нравственности, но и социальных отношений, смыслообразований, решений, воспроизводственного процесса.

Двухэлементный гибрид, как результат неизбежного в большом обществе распада синкретизма, может стимулировать государство и на попытку замаскировать и задержать распад. В этом случае он перерастает в трехэлементный - в него включается утилитаризм, как это и имело место в России. Специфика России сказалась в том, что в ней этот третий утилитарно-манипуляторский элемент получился столь гипертрофированным, что воплощался в полной нравственной беспринципности государственного управления, в массовом возведении беспринципности в принцип.

Развитие утилитаризма характеризуется способностью человека превращать все элементы окружающего мира в средства для исторически сложившихся целей. В средство превращается все, что может стать предметом манипулирования, т.е. не только материальные элементы окружающей человека среды и духовной жизни. Сама культура, нравственность могут стать предметом утилитарного манипулирования. Развитие утилитаризма формирует ситуацию, когда основополагающие ценности, представления о добре и зле, об истине и лжи и т.д. могут перестать быть естественной самоценностью. Утилитаризм открывает путь превращения самой нравственности в средство ее отрицания, правды - в орудие лжи, как, впрочем, и наоборот. Это означает, что постоянная опасность распада гибридного слияния традиционализма и либерализма могла стать предметом осознанной корректировки.

Такая возможность может расцвести на уровне утилитарной личности. Утилитарный человек может сменить веру, следуя не внутренней убежденности в том, что именно так приблизится к Богу, к высшей правде, но уверенности в том, что это можно сделать превращением высших ценностей в средство избегания преследований или достижения благосостояния. Возможность делать это столько раз, сколько меняется ситуация, конъюнктура вполне допустима в ограниченной утилитарной системе ценностей. Эта возможность открывается и перед властью, но лишь в том случае, если она обладает

способностью подавлять движение мысли, подчинять культурные процессы задаче, лежащей вне этого процесса, а, прежде всего, в сфере ценностей государства, его сохранения, обеспечения интеграции общества. Большевиком с его постоянным стремлением навязывать обществу конъюнктурно изменяемую идеологию с помощью профессиональных идеологов, не отделяющих себя от государства, достиг в этой сфере высшего совершенства.

Сегодня высшая власть, вновь управляя расколотым обществом, в котором пласты традиционализма и либерализма то сливаются в синкретическое целое, то угрожают распадом, вынуждена предотвращать опасность распада в условиях легального разномыслия. Это означает, что способы, пути самовыражения сегодняшней президентской политики в России, с одной стороны, тождественны самовыражению высшей власти в прошлом - в обоих случаях власть вынуждена во избежание необратимой дезорганизации общества утилитарно манипулировать как традиционными, так и либеральными ценностями. С другой стороны, сегодня способы самовыражения существенно различны - общество создало ситуацию, вынуждающую власть делать ставку не столько на манипулирование силой, сколько на спонтанные процессы динамики нравственных идеалов.

2. Преобладание в России инверсионных типов решений означает, что в обществе недостаточно развиты массовые способности эффективно разрешать сложные проблемы. Две катастрофы государственности в XX веке - достаточное свидетельство этого. Положение осложняется тем, что остается опасность конфронтации носителей синкретических ценностей - и общества с его далеко зашедшим распадом синкретизма. Сохраняется опасность того, что Россия вновь будет напяливать на себя псевдосинкретические одежды, пытаясь обмануть всех и, прежде всего, себя, в том, какая она есть на самом деле - расколота в каждой клеточке между ценностями традиционализма и либерализма.

Выход заключается в поиске позиции, которая позволила бы обществу осознать свои собственные проблемы в формах мысли, адекватных этой сложности. Гибридность мешает этому. Однако гибридность невозможно отменить силами государства, так как она результат массового страха перед неспособностью вписаться в лавину изменений, неумения жить ценностями плюрализма и диалога, слабого осознания ценности государства. Теоретически решение этой ситуации имеется. Если справедлива гипотеза, что сложные трехэлементные формы гибридности сложились на основе более простых органических форм гибридности, то открываются определенные возможности сдвигов трехэлементной гибридности к ее более простым формам, к тем, о которых писал Г.Померанц. Эта возможность не может не учитываться президентской политикой.

3. Ни современное, ни прошлое состояние России невозможно понять без анализа сути и причин динамики гибридности нравственных оснований массовых форм деятельности, воспроизводства. Без этого невозможно и выработать эффективную политику высшей власти. Гибридность нельзя рассматривать как арифметический результат различий, многообразия в обществе. Ее суть определяется исторически сложившимся характером отношений между нравственными идеалами, опирающимися на них социальными силами. Отношения между элементами гибрида следует рассматривать в диапазоне между взаимопроникновением, диалогом между нравственными идеалами, с одной стороны, и расколом, взаимоотталкиванием, взаиморазрушением, с другой стороны. Для общества, приближенного к второму полюсу, характерно превращение утилитаризма как третьего элемента гибридного идеала в сердцевину нравственности целого. Стабилизация общества требует сдвига к первому полюсу.

4. Гибридность, складывающаяся в результате распада синкретизма, выступает как попытка вопреки этому процессу сохранить солидарность общества на основе желания как бы не замечать этого распада, постоянно стараясь восстанавливать его в культуре - даже если она распалась на мифологический и рациональный пласты. Сложнее с солидарностью на основе гибридного идеала, возникающего как мучительная попытка вернуться назад к синкретизму. Такое возможно тогда, когда общество уже пережило в значительной степени распад синкретизма, произошел реальный разрыв, возможно, кровавый, сокрушивший государство. Здесь гибридный идеал является основой скорее псевдосолидарности - наряду с фактическим псевдосинкретизмом. Попытка достичь солидарности в этом случае происходит посредством массового избиения одной части общества другой. Государственность, возникшая на этой основе, ставит своей задачей достижение солидарности, но она возможна лишь при опоре на террор, на насилие одной части общества над другой. Отсюда эфемерность, чистая ритуальность этой формы солидарности.

5. Существование гибридного идеала позволяет понять некоторые формы критики в обществе, включая и критику президентского курса. Гибридность всегда содержит в себе потенциал взаимокритики полюсов, вплоть до разрушительной попытки уничтожить друг друга. Эту борьбу монологов уже трудно назвать критикой.

Реальная критика включает в себя творческий, рефлексивный элемент, самокритику, способность самоизменения с целью повышения эффективности деятельности субъекта, повышения способности преодолевать раскол, ограничивать дезорганизацию общества. В этой связи в том, что называется критикой президентского курса, следует выделить

критику в собственном смысле слова, т.е. нацеленную в конечном итоге на стабилизацию и гармонизацию общества, на предотвращение дезорганизации. Другая форма критики есть, по сути, ее имитация, на основе которой формируются попытки дезорганизовать как нравственные основания общества, так и государство.

Проблема заключается в том, чтобы внутренний потенциал критики направить на такую выработку президентского курса, который бы нацелил развитие гибридного идеала на преодоление раскола общества, чтобы минимизировать критику, которая пыталась сдвинуть этот курс политики президента к крайним полюсам, стимулировать максимально допустимый уход от поиска выхода в одном из полюсов расколотого общества в ущерб другому.

6. Все государственные институты России обладают способностью утилитарно манипулировать различными нравственными основаниями в зависимости от изменения конъюнктуры. В этой связи возникает необходимость оценки всех учреждений, всех сообществ, организаций и субкультур с точки зрения их способности функционировать в расколотом обществе, т.е. способности этот раскол преодолевать.

Советский опыт показывает, что высокое совершенство в сфере утилитарного манипулирования стимулировалось не стремлением преодолеть раскол, но нацеленностью на приспособление к нему. Именно эта направленность должна быть преодолена.

Отсюда необходимость существенного усложнения политики высшей власти, задача формирования своеобразной ее двухъярусности. Ярус повседневного манипулирования не может исчезнуть ни при каких обстоятельствах, т.к. никогда не исчезает необходимость принимать решения в исторически сложившихся условиях. Однако одновременно необходима разработка политики преодоления раскола. Повседневная политика должна стать предметом постоянной рефлексии, превратиться в предмет критического исследования. Важнейшее значение должна приобрести разработка теоретических основ и программ, ставящих своей целью нащупать пути, принципиальные возможности ослабления раскола. Сложность этой задачи, в частности, в том, что ее решение необходимо каким-то образом вплести в решение повседневных задач.

Можно предполагать, что недостаточная осознанность этой проблемы, слабая вероятность получения от ее решения быстрых и конъюнктурно полезных результатов не позволят своевременно сформировать этот рефлексивный уровень принятия решений. Скорее следует предполагать вероятность длительного процесса, чреватого серьезными трудностями, противоречиями.

7. Исторически сложились достаточно мощные механизмы, противостоящие переходу от приспособления к расколу - к его ограничению и преодолению. Отсюда исключительные трудности на пути решения этой задачи. Точно так же, как наше общество переходит к добыванию все более труднодоступных ресурсов, оно стоит и перед жизненной необходимостью решать все более трудные задачи, требующие нарастающего нравственного и интеллектуального напряжения.

Оказывается крайне проблематичным формирование идеологических оснований для совершенствования, качественного развития рефлексии государственной политики. Подобный проект неизбежно - на первых этапах - может остаться элитарным, культивироваться в сфере носителей повышенной рефлексии. Сама идея еще требует значительной проработки, развития в форме теоретической концепции. Однако эта идея должна постоянно существовать в хоре разномыслия, открывшегося после прекращения террора.

8. Речь, следовательно, не идет о коренном ценностном обновлении президентской политики (она неизбежна остается на обозримый срок гибридной, трехэлементной), но о механизме ее постоянной экспертной оценки, о теоретической корректировке под углом зрения долгосрочной цели преодоления раскола.

Программа формирования рефлексивного уровня политики (если бы она была соответствующим образом разработана) имеет мало шансов на принятие, так как в сложившихся условиях раскола идеологи - при всем, казалось бы, многообразии форм идеологии - слабо ориентированы на рефлексии, самокритику, на включение в политику элемента самокритики, т.е. в некотором смысле, элемента собственного отрицания. Сложившаяся в России идеология ориентирована не столько на самосовершенствование, сколько на поиск виновных. Преодоление опасностей раскола и гибридности требует постоянного возвышения над ситуацией, как теоретического, так и в форме принятия сложных решений. Вопрос лишь в культурных и организационных формах этого возвышения.

9. Я уже говорил, что гибридный нравственный идеал несет в себе элементы, направленные на воспроизводство солидарности. Однако с той поправкой, что эта солидарность может оказаться неустойчивой. Как показывает история России, в значительной степени она достигалась сочетанием иллюзий и насилия. Иллюзии эти в возрастающих масштабах подвергались эрозии под влиянием носителей "Правды" и "Истины", которые, впрочем, могли быть субъектами иных иллюзий, а насилие могло сталкиваться с еще большим насилием. Тем не менее, несмотря на пережитые страной катастрофы, имевшие место достижения в деле восстановления интеграции общества не могут игнорироваться.

Президентская политика в условиях, когда власть лишена возможности силой террора навязывать идеологию, неизбежно тяготеет к солидаризму, хотя возможны разочаровывающие исключения. Прогресс этой политики должен быть направлен на развитие в обществе глубоких оснований для солидарности, прежде всего - на развитие способности к диалогу. Именно подобные сдвиги должны лежать в основе успешной модернизации. Однако институт президентства в России может принять подобную политику как реальное руководство к действию лишь после ее соответствующей научной проработки в различных сферах общества, его культуры и идеологии.

Г.С. Батыгин

**ВОСПРОИЗВОДСТВО И ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ**

Политическое лидерство имеет две стороны: осуществление реальной политической и административной власти и символическое выражение общественной интеграции. Роль национального и политического символа могут выполнять институты, не оказывающие существенного влияния на текущую политику (например, королевская власть в Великобритании, Дании и Швеции), но при республиканской форме правления в роли символа национального единства выступает лидер, обладающий значительными административными полномочиями и вместе с тем олицетворяющий национальное и политическое единство. Ему приходится служить двум господам – административному управлению и электорату.

Вождь нации может выиграть войну, но проиграть выборы, не сумев понравиться публике. Превращение электората в аудиторию массовой информации и пропаганды влечет необратимые изменения в поведении политического лидера. Отныне он обязан не только служить народу, но и нравиться ему. Намного проще и очевиднее задачи "вождя нации" в тоталитарном государстве. Он не должен бороться за популярность с другими лидерами, опасаться разоблачительных нападок прессы, и уже в силу этого обстоятельства имеет неограниченную власть. Вероятно, именно поэтому смерть вождя воспринимается как национальная катастрофа и нередко является фактической катастрофой, поскольку схема воспроизводства лидерства предполагает назначение преемника самим вождем.

В отличие от "звезд" кино, сцены и спорта политический лидер, вынужденный играть в "представительную демократию", имеет возможность воздействовать на публику только посредством "означивания" ее интересов, демонстрации своего отношения к проблемам внутренней и внешней политики. Обычно предполагается, что репертуар политических проблем, находящихся в фокусе президентской риторики, задан "реальными" (или мнимыми) трудностями, которые переживает страна. Достаточно хорошо изучен вопрос о влиянии общественного мнения на декларации и решения политических лидеров. Но вопрос о конструировании и воспроизводстве репертуара общественных проблем в рамках политической риторики обсуждается редко. В 1985 году Р.Беер и Ш.Йенгар показали реакцию публики на выступления президентов США по отдельным проблемам[1]. В 1995 году опубликована статья Дж.Козна, который проанализировал темы, содержащиеся в выступлениях американских президентов с 1953 по 1989 год (речь идет преи-

мущественно об экономической политике, внешней и политике в области регулирования гражданских прав и свобод), и сопоставил их с данными опросов института Гэллупа о наиболее важных проблемах общества[2].

Социально-политическая ситуация в России 1990-х годов обычно описывается как кризисная. При обследовании общественного мнения акцент делается на "проблемах общества", которые "тревожат больше всего". В первой половине 1995 года, по данным ВЦИОМ, тематический диапазон "общественных проблем" охватывал рост цен (76,5%), рост числа уголовных преступлений (57,8%), рост безработицы (48,0%), кризис в экономике, спад производства (46,8%), слабость, беспомощность государственной власти (34,7%), резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов (33,2%). Список включает также коррупцию, взяточничество, конфликты в руководстве страны, вооруженные конфликты на границах России, угрозу военной диктатуры, кризис морали, культуры, нравственности, нехватку продуктов питания и т.п.[3] Взятые в качестве элементов политического текста, воспроизводимого массовым сознанием, эти проблемы скорее всего отражают информационный репертуар, задаваемый "масс-медиа". Например, на рост цен как тревожную проблему указывается чаще руководителями, чем учащимися, а рост безработицы имеет для руководителей почти такое же значение, как и для рабочих. Конфликты в руководстве страны беспокоят всех примерно в одинаковой степени[4].

Не исключено, что аналогичные проблемные репертуары и соответствующие тексты формируются как порождаемые инструментом опроса артефакты - стоит только включить в вопросник соответствующие позиции, и они начинают "работать" с большим или меньшим частотным наполнением. Так, по данным репрезентативного опроса взрослого населения Москвы, наиболее значимыми были проблемы: состояние окружающей среды, работа правоохранительных органов, социальная поддержка нуждающихся слоев, жилищная проблема, работа медицинских учреждений, общественного транспорта, проблема трудоустройства, торговля продуктами питания, работа школьных учреждений, учреждений культуры, торговля промтоварами, работа учреждений бытового обслуживания, дошкольных учреждений[5]. Здесь не упоминаются конфликты на границах России, беспомощность государственной власти, спад производства, коррупция и т.п. Вероятно, дело не в том, что у жителей Москвы совсем иные проблемы, чем у населения России. Политическая риторика качественно меняется в зависимости от инструментального контекста. Фокусирование на "проблемах семьи" воспроизводит иную "агенду" - больше половины москвичей озабочены низкими доходами, на второе место попадают проблемы здоровья и лечения, бытовые и

жилищные трудности, усталость, переутомление, безысходность, отсутствие перспектив, недостаток свободного времени, взаимоотношения в семье и пьянство кого-либо из ее членов[6]. Сопоставления проблемных диапазонов вряд ли покажут существенные различия между "семейной" и политической "агендами". Можно предположить, что семейные проблемы находятся под меньшим влиянием стереотипов массовой информации, но и в данном случае прототекст, означающий жизненные затруднения, остается скрытым от наблюдения. В октябре 1995 года массовые опросы зафиксировали среди наиболее тревожных проблем "конфликт в Чечне", "слабость, беспомощность государственной власти", "коррупцию, взяточничество"[7]. Скорее всего в данном случае работает массово-информационная "агенда".

В представительной демократии основным инструментом является политическая риторика*, демонстрирующая публике возможность лидера выразить общественные интересы. В более широком плане говорят о "риторических ресурсах", которыми можно распоряжаться с большим или меньшим успехом, а также о восприимчивости аудитории к воздействию со стороны "демагогов". Здесь следует заметить, что само положение президента представляет собой значимый ресурс общественного воздействия, поскольку он находится в фокусе общественного внимания. Иными словами, ни один политический деятель не располагает такими возможностями воздействия на аудиторию, как президент. Иной вопрос, что возможностей использовать эти ресурсы у него несравнимо меньше. Как символический лидер президент должен уловить общественное настроение - прототекст - и выразить его средствами политической риторики.

Обычно предполагается, что совокупный политический текст, воспроизводимый партийными лидерами (независимо от их "убеждений"), соответствует объективным предпочтениям определенных социальных групп или "гражданским интересам". Такова принципиальная теоретическая установка экономической версии представительной демократии, разработанная И.Шумпетером [8] и развитая А.Даунсом[9]. В соответствии с этой теорией репертуар социальных целей и проблем, которые

---

* Здесь можно было бы использовать более точный термин "демагогия", буквально означающий "воздействие на публику", если бы в своем общеупотребительном значении он не связывался с беспринципными и лживыми декларациями. На самом деле демагогические тексты, как правило, отличаются искренностью и непосредственностью. Иное дело, что они не подтверждаются фактами, но это не означает их дефектности и низкой эффективности.

должно решать правительство (эти социальные цели и проблемы и составляют содержание политического текста), создается и тематизируется гражданским обществом и отражается в декларациях и риторике политических партий. Иными словами, совокупный политический текст и содержащиеся в нем "темы" воспроизводятся "снизу" - из народа. Более того, сама идея "народа" и соответствующая риторика о благе народа, служении народу и т.п. являются необходимым следствием теории общественного блага. Очевидно, что идея представительства народных интересов в политике предусматривает ряд условий, важнейшие из которых связаны с предположением, что каждый член сообщества осуществляет рациональный политический выбор и владеет максимально полной релевантной информацией для принятия решения, которое должен довести до конца "уполномоченный" политик.

Предполагается, далее, что текст, с помощью которого "народ" и политик означивают свои "темы", содержательно и риторически однороден - просто политик более профессионален и изощрен в формулировании общественных "тем". Концепция формирования политической "агенты" "сверху вниз" основывается также на неявной посылке, что политики хорошо знают предпочтения народа и стремятся осуществлять их в своей профессиональной деятельности, собственно говоря, делать то, что обязывает их профессиональное призвание независимо от частных интересов.

Предположение о рациональности политического представительства может быть опровергнуто с фактической точки зрения, но еще более сомнительна гипотеза о воспроизводстве политического текста и актуальной "агенты" "снизу вверх". С другой стороны, допустимо предположение, что теоретическая модель формирования репертуара политических предпочтений "сверху вниз" содержит принципиальный тезис о ведущей роли профессиональных политиков, определяющих, в частности, тематику информационных сообщений в "масс-медиа", которые, в свою очередь, навязывают публике "актуальные проблемы". В 1922 году У.Липпман сформулировал существенную поправку к этому распространенному тезису: средства массовой информации определяют не что мы думаем, а о чем мы думаем[10].

В конечном счете концепция "сверху вниз" позволяет интерпретировать деятельность политика как спектакль, где и речи не идет о реальных общественных проблемах[11]. Я.Кляйн-ниенхиус и Э.Ритберг показали, что текст, воспроизводимый средствами массовой информации, играет самостоятельную роль в формулировании актуальных политических тем и трудно вписывается в концептуальную модель представительной демократии[12]. Они обозначили альтернативную модель вектором "сверху вниз" и понятием "медиакратии". Возможно, именно "медиакраты" и публицисты воспроизводят "агенту" и,

таким образом, создают тематическое пространство как для политики - "вверху", так и для общественного мнения - "внизу". В этом плане вполне справедливо предположение, что "медиа" являет собой не дополнительное, а ключевое звено системы господства в современной представительной демократии, где "представляются" не столько рационально осознаваемые и артикулируемые интересы социальных "акторов", сколько тексты, воспроизводимые в рамках "агенды" – самореферентного пространства политической коммуникации[13]. "Медиакратия" создает мир псевдособытий, заменяющий реальные проблемы, и в одинаковой степени навязывает иллюзорную картину мира и публике, и политикам. Отсюда также следует, что "агенда" становится, по крайней мере, одним из средств самоконституирования общества и осуществления господства.

Концептуальная структура воспроизводства совокупного политического текста включает, таким образом, следующие компоненты. Первый компонент - реальные экономические и культурные ценности, которые обладают объективной значимостью для выбора жизненных стратегий. Эта "объективная реальность" постулируется в качестве независимой переменной, независимой прежде всего от тех "состояний сознания", которые сопровождают выбор жизненных стратегий и политических ценностей. Например, "авторитарное сознание" (по Т.Адорно) или "закрытое сознание" (по М.Рокичу) вовсе не обязательно сосуществует с действительно авторитарными и "закрытыми" установками. Последние могут вытесняться из артикулированных мифологий и если уж подлежат обнаружению, то посредством декодирования "состояний сознания".

Иными словами, никогда нельзя быть уверенным в надежности самооценки "актера". Его трансцендентальное "Я" дистанцировано от его же собственных целей и ценностей, становящихся в данном контексте объектами экспертизы. Здесь вполне уместна отсылка к термину "Me", введенному Д.Мидом для обозначения того компонента индивидуального "Self", которое служит объектом восприятия со стороны "I", способного превратить "Me" в объект собственного созерцания в присутствии "обобщенного другого". В любом случае, нет убедительных оснований считать, что "Я" умеет сознавать свои собственные состояния без существенных затруднений и систематических ошибок. Если так, то исходным материалом для производства и воспроизводства социального и политического текста являются вовсе не ценности и установки, а в лучшем случае итоги "экспертизы" людьми самих себя.

Именно "экспертизы" являются вторым компонентом совокупного политического текста. Вопрос о достоверности такого рода экспертиз может быть изучен экспериментальными средствами. Некоторые существенные переменные, описывающие поведение индивидов и сообществ, осознаются достаточ-

но адекватно, другие - активно вытесняются из "сознаваемой реальности". Например, агрессия и ксенофобия приписываются, как правило, чужим. Самооценка моральных качеств тем выше, чем в меньшей степени "актер" мотивирован моральными соображениями. Теория относительной депривации основана на неоднократно демонстрированной зависимости оценочных суждений от принятого стандарта ожиданий, а не от реальных условий деятельности. Ухудшение жизни далеко не всегда влечет снижение удовлетворенности жизнью, а возможности профессиональной карьеры воспринимаются как менее благоприятные как раз там, где возможности карьеры благоприятны. Более широкая постановка вопроса опять же ведет к идее самореферентности коммуникаций, которые заняты именно тем, что коммуницируют себя[14].

Далее, правомерна постановка вопроса о том, располагают ли "актеры" - носители исходного материала для производства политического текста - пригодными для этого дела дискурсивными средствами. Иначе говоря, могут ли они выразить "на языке" то, что у них "на уме". В некоторых нормативно-культурных контекстах искреннее выражение "на языке" своих внутренних состояний является предметом табу, в других контекстах категорически не запрещается, но в любом случае искренность сопряжена с немалым риском нарушения обычая, этикета либо техники жизни. Поэтому в технологии производства политического текста возникает еще один "участок" - прототекст, размещенный в "бытовом языке". Это третий компонент совокупного политического текста.

В методологии массовых опросов предпринято немало попыток проникнуть в оригинальную речь, где ценности, мнения и установки обладают, как предполагается, аутентичным существованием. Однако подобная иллюзия, навеянная мифом о возможностях неструктурированных нарративных инструментов, быстро исчезает, как только исследователь осознает, что "дом бытия" надежно защищен от непрошенных гостей. Есть легенда, что С.Аксаков для сближения с народом надевал простую рубаху, выходил к мужикам, разговаривал о нравоучительном и пел народные песни. Мужики с горя пели вместе с ним, хорошо сознавая, что "барин дурит".

Политический прототекст содержит не только понятийные ряды разной степени сложности, но и образные, а также символические средства речевой репрезентации. Один из таких элементов - "политическая идентичность", порождаемая чувством эмпатической связи с харизматическим лидером. В условиях социальной дезинтеграции, аномии либо быстро обновляющихся нормативных структур при неразвитых регламентах политической деятельности и функционирования партийной системы латентные, плохо артикулируемые "политические идентичности" приобретают ключевое значение. Воспроизвод-

ство и репрезентация политического текста осуществляются преимущественно средствами образно-символического ряда. Если так, то нет резона искать в текстах, создаваемых в условиях харизматического господства, логически осмысленных секвенций. Повинуясь своему чувству, политик воздействует на массу не логикой, а скорее манерой - безоглядной свободой, непосредственностью выражения агрессии и уверенностью в будущем. Именно эта манера вскоре делается лишней в рутинизированной структуре господства, где в дело вступают договоренности по поводу раздела сфер влияния и распределения ресурсов. Соответственно изменяется и политическая риторика - она адресована уже "игрокам", просчитывающим свой выбор.

Политический дискурс создается там, где в дело вступают профессиональные демагоги - риторы и публицисты. Этот "дом" вмещает уже иное бытие, чем то, в котором живут и выбирают свою судьбу, в том числе и политическую, "актеры" с улицы. "Корявыми, немывыми речами они свою обживают жизнь...", - так сказано о тех, кто воспроизводит бесформенную и темную массу прототекста, лишь изредка подсвечивающуюся повседневной коммуникацией. Первые же создают жанрово, тематически и риторически структурированный корпус суждений, из которого формируются идеи и политические мифологии. Здесь начинается воспроизводство четвертого компонента совокупного политического текста - собственно "агенды", направленной на массовую аудиторию.

Обычно понятие "политической агенды" сводится к актуальным проблемам, которые находятся в фокусе внимания власти и общественности. Проблема заключается в соответствии правительственной "агенды" и проблем, стоящих перед "общественностью". Здесь целесообразно ввести некоторые спецификации. Можно установить "общественную агенду", обозначающую репертуар идей, запросов и ориентаций, которые артикулируются в рамках так называемого общественного мнения. Очевидна эпифеноменальная природа такого рода "агенд". Неизвестно, действительно ли они соотносятся с восприятием "актером" проблем, которые ему приходится решать самостоятельно, или он транслирует то, что воспринимает от "медиакратии". Так или иначе, "народный дискурс" тоже самореферентен и не смешивается с тем, что производят профессиональные политики и публицисты. "Политическая агенда" - декларации профессиональных и квазипрофессиональных политиков - претендует на институционализацию ценностей и целей. Партийные лозунги ("Наш дом - Россия", "Социализм с человеческим лицом", "Правительство - к ответу") определяют темы, которые значимы лишь в одном контексте - в контексте обращения к массовой аудитории. Тексты же, адресованные узкому кругу "своих" или "чужих" (например,

обещания или угрозы) не являются в прямом смысле политическими, даже если речь идет о политике. Они артикулируют отношения конфликта и взаимодействия.

"Агенда", воспроизводимая массовой информацией, составляет особый компонент воспроизводства политического текста. Публицисты имеют собственные корпоративные интересы и могут быстро объединяться перед лицом внешней угрозы, но логика их деятельности подчинена условиям борьбы на рынке массовой информации. Поэтому содержание и риторика текста, воспроизводимого "медиакратией", определяется конъюнктурой треугольного позиционного конфликта. В периоды общественной стабилизации "медиакратия" образует альянс с институтами власти и корпоративными структурами. Когда равновесие нарушается, "медиа" вступают в альянс с "народом" и форсируют (с большей или меньшей степенью осмотрительности) противостояние с властью.

Несомненно, массовая информация формирует общественное мнение, но и здесь существует порог самореферентности: как показали П.Лазарсфельд и Э.Кац, элементы массовой информации входят в массовое сознание только тогда, когда становятся темой межличностной коммуникации[15]. В эти периоды массовое сознание и "медиакратия" вступают в резонанс - резко возрастают тиражи газет и журналов, возникают созвездия знаменитых публицистов и издания, задающие тон в атаке на институциональные порядки, распространяются образцы "нового мышления". Разрушение советской системы в эпоху "гласности" обозначилось мощным альянсом прессы и "народа", где роль центральной объединяющей идеи играл тезис "Иного не дано". Обновление политического лексикона в середине 90-х годов ориентировано уже на "порядок", "стабильность" и национальные интересы даже в том случае, когда речь идет об экстремальных ситуациях, требующих правительственного вмешательства.

В странах представительной демократии центральное место в репертуаре политических проблем занимают налоги и распределение бюджета. Этот факт, казалось бы, свидетельствует в пользу "вертикальной" версии формирования политической "агенды". Однако проблемы налогов и распределения бюджета обычно выдвигаются на первый план в предвыборной кампании, а в спокойные периоды репрезентируются в вялотекущей форме[16]. В кризисных же ситуациях артикулируются темы борьбы и насилия, вектор массовой информации направлен на поиск врага и соответствующая риторика воспроизводится в предвыборных текстах политических лидеров.

Россия середины 1990-х годов характеризуется не просто структурной разнородностью социально-политических ориентаций. Наблюдается углубляющееся рассогласование "слоев" общественного сознания; политическая риторика (в том

числе тексты политических лидеров) воспроизводится массовой информацией независимо от проблем, которые вынуждены решать люди в повседневной жизни. Помимо всего прочего это объясняет популярность "антидемократических" идей, которые также обладают эпифеноменальной природой и представляют собой идеологический миф постперестройки.

Кто бы ни был завтрашний политический лидер, он будет вынужден использовать те риторические ресурсы, которые созданы его предшественниками в альянсе с "медиакратией". Но и у него нет никаких подходящих текстов для артикуляции общественных настроений, если только не предпринять парадоксальный и эффектный ход, заявив своему электорату: "Я не обещаю вам ничего хорошего". Беда в том, что и этот ход станет элементом сценического действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Behr R., Iengar Sh. Television News, Real-World Cues, and Changes in the Public Agenda // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 49, p. 38-57.
2. Cohen J. Presidential Rhetoric and the Public Agenda // *American Journal of Political Sciences*. Vol. 39, N. 1. February 1995, p. 87-107.
3. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень/ ВЦИОМ; Интерцентр; Академия народного хозяйства. 1995, N 5, сентябрь-октябрь.- М.: Аспект-Пресс, 1995. с.67.
4. Там же.
5. Зубова Л.Г., Ковалева Н.В. Социально-экономические проблемы в оценках жителей Москвы // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень / ВЦИОМ; Интерцентр; Академия народного хозяйства. 1995, N1, январь-февраль. М.: Аспект-Пресс, 1995, с.34.
6. Там же, с.35.
7. Экспресс-95-14. ВЦИОМ: Информационный материал. Октябрь, 1995.
8. Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: George Allen & Unwin, 1943.
9. Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Row, 1957.
10. Lippmann W/ *Public Opinion*. New York: Harcourt Brace, 1922.
11. Edelman W. *Constructing the political spectacle*. Urbana, Ill.: University of Illinois Press? 1964.
12. Kliennijehius J., Reiberg E. Parties, media, the public and the economy: Patterns of societal agenda-setting // *European Journal of Political Research*. 1995. Vol.28. P. 95-118.
13. Ibid, p.118.

14. Луман Н. Что такое коммуникация? / Пер. с нем. Д. Озирченко // Социологический журнал. 1994, N 3.
15. Katz E., Lazarsfeld P. Personal Influence: The part played by People in the Flow of Mass Communication. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1955.
16. Mueller D. Public choice II. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

ЭТОС УСПЕХА: ИДЕОЛОГИЯ ОБНОВЛЕНИЯ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

- *Какие изменения глобального и национального уровня делают обновление президентской политики исторически неизбежным процессом?*
- *Какие ожидания изменений модели президентской политики господствуют сегодня в массовых настроениях российского общества и в структурах самой российской власти?*
- *Какую ценностную программу и систему целеполагания действующий президент и кандидаты на этот пост могут уже сегодня анонсировать и предъявить обществу?*
- *По каким правилам игры может и должно осуществляться изменение сегодняшней модели президентской политики?*
- *Какая идеологическая доктрина - будучи минимально заполитизированной - сможет удовлетворить интересы и ожидания базовых социальных слоев общества? Какие существуют сценарные инварианты предъявления обществу системы целеполагания - с максимально солидаристическим потенциалом - для дальнейшего развития российской модернизации? Какой сценарный проект ценностно-мировоззренческой самокритики способен сохранить перспективу ценностного континуитета в продолжении реформ? Возможен ли проект идеологического обновления при сохранении общей позитивной тональности сегодняшней линии российской модернизации?*
- *Свидетельствует ли исторический опыт России о том, что политическое примирение не противоречит ценностям и нормам взаимоотношений власти и общества в нашей стране? Какой метафизический пласт российской культуры мы затрагиваем, когда ведем разговор об общественном примирении? Если предположить, что его инициатором выступает Первое Лицо государства, то какое ценностное обоснование общественного примирения оно должно предложить обществу и какой личностный образец примирения способно продемонстрировать?*

Б.Г.Капустин
ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
поиск модальности сопряжения

Официально развернувшиеся баталии парламентских выборов и в еще большей мере "президентская кампания" вызвали повышенное внимание к идеологии. Точнее было бы сказать о внимании двоякого рода. Одно имеет утилитарный характер интереса к идеологическим средствам достижения электорального успеха и овладения властью. Другое отличается социокультурной ориентацией, и для него идеология скорее - цель, достижение которой, как представляется, позволяет, пользуясь словами П.Рикера, выйти из ситуации, в которой из-за "утраты общей перспективы" "разрозненные события не имеют больше смысла"[1]. Если нынешнюю российскую действительность видеть как совокупность такого рода событий, то восстанавливаемая или производимая заново идеология предстанет той "символической схематизацией" действительности(К.Герц)[2], без которой Россия не может иметь социокультурного измерения, т.е. быть определенным социумом, и этим обуславливается центральность проблематики идеологии. Сопряжение интересов первого и второго рода происходит в форме представления о том, что победить политически - особенно в президентском туре борьбы за власть - может лишь та идеология, которая способна "смыслообразовать" Россию, вывести ее из ситуации "разрозненных событий", в связи с чем и раздаются настойчивые призывы разработать такую идеологию.

При таком подходе она обычно видится, во-первых, как идеология "обновления" или "модернизации", т.е. содержащей выраженную на языке символов и ценностей "программу" переустройства российского общества; во-вторых, как идеология консенсуса, т.е. способной выражать и генерировать общее согласие о некоторых "базисных" ценностях, возвышающихся над предметами фракционных раздоров и могущих мотивировать коллективное действие; в-третьих, - вследствие такой своей "надфракционности" - как идеология в своей сущности и основе деполитизированная. Эта идеология по необходимости мыслится "доминантной" - не просто в силу фактических обстоятельств ее политической победы над конкурентами (что и удостоверяется результатами выборов), но вследствие обладания ею особым "онтологическим" статусом: она репрезентирует искомую "общую перспективу" российского общества, выражает его "базисную" "символическую схематизацию".

Наша цель - разобраться с таким подходом, с его концептуальной обоснованностью, соответствием российской действительности, степени реалистичности порождаемых им

надежд. Поэтому целесообразно хотя бы конспективно сформулировать основные тезисы автора, с одной стороны, определяющие его несогласие с изложенным выше подходом, а с другой - образующие ядро методологии рассмотрения им идеологической проблематики современной России, о чем речь пойдет далее.

Первое. Политическая успешность идеологии не является необходимо или тем более автоматически связанной с ее способностью дать "общую перспективу" фрагментированной действительности. Политическая успешность идеологии может проистекать из адаптации - ее собственной и ее сторонников - к ситуации "бессмысленности" и отсутствия "общей перспективы", из затухания или эффективного гашения воли к преодолению этой ситуации, иными словами, - из эксплуатации общественной фрустрации и поражения политической воли. Не только "феномен Жириновского" декабря 1993 года, но и само сохранение "ельцинского режима" в условиях утраты им даже подобия "кредита доверия" являются свидетельствами такого положения.

Увязка политической успешности и социокультурной "продуктивности" идеологии имеет место только при наличии "поля политической воли". Его же образование или восстановление зависит не от усилий экспертно-аналитических умов, а от практики определенного рода коммуникаций социальных групп в данном обществе. Хотя для интеллигенции (категориально отличая ее от "экспертов") крайне важен вопрос о том, что она может сделать для содействия становлению таких коммуникаций. Так или иначе в нынешней ситуации в России возможность политического успеха идеологий, лишенных социокультурной продуктивности, никак не может быть исключена.

Второе. Актуальной и реалистичной задачей является не разработка "надфракционной" идеологии "общей перспективы", не консенсус о "базисных" ценностях, а нахождение прагматичного, создаваемого по принципу *ad hoc* для каждой специфической исторической ситуации *modus vivendi* различных конфликтных политических идеологий. Единственным ориентиром такого *modus vivendi* является согласие о ценностях согласия (а не о неких "онтологических" ценностях российского бытия), единственным принципиальным путем его установления - дискурсивное генерирование взаимопризнания (в гегелевском смысле), пересекающем границы отдельных идеологических общностей[3]. Если тезис о вступлении России в Современность имеет какой-либо смысл за рамками примитивного эволюционизма теорий "модернизации" 50-60-ых годов, то он предполагает признание той фундаментальной ее - Современности - характеристики, которую К.Манхейм[4] в свое время передал формулировкой о распаде "объективного онтологического единства мира", о дезинтеграции "интеллектуального единства в его основе", произошедших именно потому, что базисные цен-

ности соперничающих групп стали "мирами (существующими) врозь"*. Провал попытки Просвещения заменить объективно-онтологическое единство мира единством соотношения его с (неисторически и несоциологически взятым) монообъектом ("сознанием вообще") создал Современную ситуацию "тотальности идеологии", в которой нет и не может быть "подлинной" универсальности, существующей вне и помимо конфликтного взаимодействия множества субъектов, как нет и какого-либо "привилегированного" носителя ее. Любая субъектная позиция есть в этом смысле "предвзятая" и "односторонняя" точка зрения и потому - в отношениях с другими такими же точками зрения и Властью, организующей фрагментированную действительность, - "лишь" идеология.

В этом плане фрагментированность России и отсутствие у нее "общей перспективы" есть не ее идиосинкразия, тем более - не черта ее "переходного" (к чему-то) состояния, а "родовая" характеристика Современных обществ, которая у посткоммунистической России вследствие ряда специфических обстоятельств (долженствующих быть изученными конкретно) получила особо выпуклое, бескомпромиссное отображение. В своей фрагментированной бессмысленности Россия более Современна, чем какое-либо западное общество. Ориентиром ее выхода из этой ситуации (если такой ориентир вообще ищется) может быть не "назад к западной Современности", т.е. к присущим ей институциональным механизмам обхода и тривиализации проблемы фрагментированности (такие институты не то, что не воспроизводимы в России в принципе, но не воспроизводимы в этой самой функции обхода и тривиализации), и тем более - не "назад к западной и/или российской доСовременности", что предполагает устранение проблемы фрагментированности реконструкцией или конструкцией "общей перспективы" и "онтологического" единства ценностей. Ее ориентиром может быть "постСовременность" (не путать с постмодерном в духе Ж.-Ф.Лиотара и др.) как дискурсивно производимое поле взаимопризнания конфликтных и не редуцируемых к общему знаменателю идеологий.

---

* См. русское издание: К.Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: "Юрист", 1994, с. 62, 63. В общетеоретическом плане эта тема восходит к веберовской "войне богов" и далее - к Ф.Ницше и имеет позднейшее развитие далеко не только в рамках так называемой "социологии знания". См., к примеру, ее примечательную интерпретацию у И.Берлина: I.Berlin. The Pursuit of the Ideal; The Decline of Utopian Ideas in the West. In: I.Berlin. The Crooked Timber of Humanity. Ed. N. Hardy. L.: John Murray, 1991.

Третье. Если верно, что формирование *modus vivendi* конфликтных идеологий является актуальной и реалистичной задачей, то это предполагает не деполитизацию, а напротив - политизацию дискурсивной практики, в которой такой *modus vivendi* только и может сложиться. Политизация означает, как минимум, во-первых, рефлексию всеми участниками возможного дискурса своеобразия своих ценностей и интересов, что противоречит нынешней российской тенденции смазывания такого своеобразия вплоть до содержательной неразличимости программ и платформ партий и блоков - во всяком случае в зоне так называемого "центра", расползающегося по политической жизни России как своего рода антиматерия политики. Она аннигилирует возможность *согласия различного*, создавая худшую ситуацию бессмысленной для общества *схватки под ковром схожего или даже тождественного*.

Во-вторых, образование политической воли субъектов, носителей различных идеологий, которая единственно способна формировать устойчивые и (в дальнейшем) легитимные институты, т.е. решать проблему Начала институциональной и правовой структуризации и кристаллизации политической (и не только политической) жизни, пребывающей сейчас в состоянии суспензии, являющейся по существу состоянием "войны всех против всех".

В-третьих, политизация означает направленный поиск модальности, в которой возможно сопряжение различных политических волей, модальности их взаимопризнания и взаимоприспособления, которая и дала бы выход из обесмысленной и фрагментированной действительности. Именно под этим углом зрения мы и рассмотрим далее идеологические парадигмы современной России, стремясь понять не столько вероятность их политического успеха на предстоящих выборах, сколько то, в какой мере они продуктивны для образования *modus vivendi* идеологического множества.

Иными словами, мы рассмотрим их с точки зрения способности к рефлексии, проблематизации действительности и артикуляции "соответствующих" ценностей и интересов; с точки зрения волеобразования "соответствующих" политических субъектов, их мобилизации и ценностно-смысловой идентификации; наконец, с точки зрения возможностей коммуникативного сопряжения с другими идеологиями и участия в образовании *modus vivendi*.

Такой способ рассмотрения переводит обсуждение привычных для отечественной публицистики тем "идеологического вакуума" и "доминантной идеологии" в другую плоскость. "Идеологического вакуума" в ситуации Современности, строго говоря, не может быть. Этот образ имеет смысл лишь для обозначения неэффективности идеологий с точки зрения исполнения ими основных функций, о которых пойдет речь

ниже. Что касается понятия "доминантной идеологии", то оно лишается метафизических и "онтологических" коннотаций, обретая "скромное" значение конкурентно эффективной (в данных условиях) идеологии. Однако до перехода к рассмотрению этих сюжетов целесообразно сделать два уточнения.

Первое. Ни в данном тексте, ни у тех авторов, на которых в нем делались ссылки, тезис о распаде ценностного единства и фрагментации социальной действительности не увязывался с представлением о прекращении каких-либо интеграционных процессов в обществе, о разрушении его "символической схематизации" вообще. Язык и все связанные с ним коммуникативные средства, символические ряды товарно-денежных отношений, образы общей культуры и т.д. - все это есть прочные фигуры "символической схематизации", хотя и они не обладают полным иммунитетом к тенденциям фрагментации, развертывающимся на других уровнях социальной действительности. Речь идет о другом: могут ли эти фигуры явиться сами по себе необходимым и достаточным основанием для коллективного политического действия, если его собственные "общие перспективы" и ценностные обоснования стали "мирами, существующими врозь"?

Уровень действительности, на котором наиболее зримо и с самыми далеко идущими последствиями происходит фрагментация, есть уровень осуществления политического действия и формирования потребной для него воли. Именно здесь возникает нужда в идеологиях как, пользуясь метафорой Герца, "картах" для незнакомой и проблематичной местности, служащих в то же время "матрицами формирования коллективного сознания". В политиях, твердо укорененных в традиции, в рамках которой фигуры "символической схематизации", так сказать, первого уровня (язык, архетипные образы общей культуры и т.д.) непосредственно репрезентируются в "символической схематизации" политического действия, идеологические "карты" и "матрицы" не нужны[5].

Идеологии как специфические продукты эпохи распада онтологического единства ценностей и моносубъекта есть кроме всего прочего свидетельство автономии политики по отношению к "первичной" "символической схематизации" жизненного мира и - в индустриально-капиталистическом обществе - товарно-денежного обращения. В той или иной мере происходящее на Западе "снятие" такой автономии есть, несомненно, способ "стабилизации" общества именно в смысле обхода и тривиализации проблемы фрагментации, но цена такого "снятия" - деполитизация, выступающая в форме и посредством упразднения публичной политической сферы раннего капитализма и замены ее "манипулируемой публичностью", взаимопроникновение общества и государства (того, что Ю.Хабермас называл

"неомеркантилизмом" и "рефеодализацией" современного общества) и подстановка технологии и науки на место идеологии[6].

Второе. Большое упрощение - приписывать спаянность институциональных конструкций современным западным обществам якобы имеющемуся в них консенсусу относительно ценностей и "общих перспектив"*. Но несомненно то, что проблема фрагментации социальной действительности не стоит там с российской остротой. Разница эта обусловлена прочностью и взаимопереплетением на Западе институтов рынка и национального государства, сложившихся в более ранние эпохи, воплотивших и явившихся продуктами коллективных действий совсем иного рода, чем те, которые функциональны для нынешней системы в стадии ее "зрелости" и которые репродуцируются ею. "Воспроизводство социального порядка, - писал Дж. Томпсон, - может зависеть меньше от консенсуса относительно доминирующих ценностей или норм, чем от *отсутствия консенсуса* в той самой точке, в которой противоположные подходы могут быть транслированы в политическое действие"[7]. Эта "точка" и есть то надежное (пока) институциональное сито, которое не только пропускает в поле практического действия лишь - если говорить о "правиле" - системно приемлемые "подходы", но и субординирует их, создавая, так сказать, весьма жестко стратифицированный идеологический плюрализм‡. Как долго и насколько эффективно

---

* Как пишет М.Манн, "... ни социальная гармония, ни общее чувство легитимности режима не являются необходимыми для сохранения капитализма за рамками военного времени. Даже исследования, проведенные в условиях относительной гармонии 50-ых - начала 60-ых годов, показывают, что консенсус относительно ценностей не существовал в сколько-нибудь значительной степени в Британии и Соединенных Штатах помимо разве что общей приверженности ценностям материализма". M.Mann. The Ideology of Intellectuals and Other People in the Development of Capitalism. In: Stress and Contradiction in Modern Capitalism. Ed. L.Lindberg et. al. Lexington (MA): D.C.Heath & Co, 1975, p. 276. См.: J.S.Dryzek and J.Berejikian. Reconstructive Democratic Theory. In: American Political Science Review 87, 1 (March 1993), p. 48-60.

‡ То, как и посредством чего это достигается, - популярная тема в современной западной политической науке. Суть же дела можно передать, приводя рассуждения Милтона Фридмана. Показывая то, что "использование политических каналов" всегда вызывает напряжение в спайках общества, тогда как предоставление свободы рынку порождает "единодушие без конформизма", он пишет: "Чем шире спектр видов деятельности, охваченных рынком, тем меньше проблем, требующих политических решений, и следовательно - таких, по которым

это сито будет действовать и дальше - вопрос, которым мы в данном случае не можем заниматься. Отметим только то, что если для России и есть нечто важное и актуальное в опыте Запада, то это в первую очередь не нынешние способы функционирования его институтов, а их Начало, то, как и почему они стали возможны с той колоссальной инерционной силой, которую они демонстрируют до сих пор в условиях отсутствия общественного консенсуса относительно ценностей и вопреки такому отсутствию. Сделав эти уточнения, перейдем к рассмотрению идеологических парадигм современной России.

Развитие идеологической ситуации в России за последнее десятилетие отмечено не менее драматичными переменами и парадоксами, чем то, что происходит в сферах экономики и политики. Подъем массового демократического движения и падение коммунизма были связаны с формированием влиятельной, хотя концептуально слабо проработанной идеологии, соединявшей на раннелиберальный манер ценности и идеалы свободы (прав человека), равенства (требования ликвидации привилегий), суверенитета народа и национального возрождения (свободная Россия против репрессивного СССР). Парадокс, впрочем, исторически легко объяснимый, заключался в том, что подъем этой идеологии воспринимался массами и подавался тогдашними "властителями дум" в качестве "конца идеологии", освобождения от идеологии (отождествляемой с официальной идеологией КПСС).

Как бы то ни было, эта идеология оказалась в состоянии выполнить главные функции политической идеологии, которые состоят в следующем: а) "смыслообразование" (объяснение - не в плане "истины", а именно в плане "смысла" - развертывающейся ситуации и обоснование в этом контексте коллективного действия); б) интеграции политического субъекта - в данном случае массового демократического движения (выработка совокупности символов/верований, которые образуют идентичность субъекта, и приверженность к которым мотивирует деятельность составляющих его индивидов и групп); в) политическая коммуникация (взаимоузнавание членов данного

нужно достичь согласия. В свою очередь, чем меньше проблем, по которым нужно согласия, тем больше вероятность достижения согласия при сохранении свободного общества" (M.Friedman. Capitalism and Freedom. Chicago & L.: Univ. of Chicago Press, 1982, p. 24). Институциональные механизмы, уменьшающие число политически обсуждаемых проблем и отсортировывающие те, которые допускаются к обсуждению, с тем, чтобы остальные предоставить (квази-) "естественной" регуляции рынком, описываются другими (как правило, уже не консервативными) авторами.

субъекта через использование общих символов и общение посредством их); г) легитимация/делегитимация (в данном случае - делегитимация существующей власти и самолегитимация контрвласти); д) производство "утопий" (т.е. того взгляда на действительность из "ниоткуда", который фиксирует реальные противоречия существующего общества, показывает возможности их разрешения, выводящие за рамки статус-кво, мобилизует для этого общественные силы, сколь бы иллюзорным ни было в "утопии" представление о том идеальном состоянии, к которому должны привести такие действия. В данном случае утопией была идея мирной, правовой, рыночной, вернувшейся на "большак мировой цивилизации" России).

Вскоре после падения коммунизма началась дезинтеграция этой идеологии. В основе такого процесса - практическое обнаружение массами того, что между рынком, демократией и процветанием Российской государственности нет никакой автоматической "естественной" связи. Проведение рыночных реформ оказалось сопряжено с усилением авторитарных тенденций в управлении страной, со столь радикальными изменениями геополитических, социо-культурных, территориальных ее параметров, что связывать с ними процветающую Россию становилось невозможно. Проблематизация связи рынка-демократии-России вела к образованию современного идеологического спектра, пришедшего на смену старой оппозиции "коммунисты-демократы", к формированию его основных парадигм, каждая из которых ветвилась в многочисленных платформах и программах различных партий, движений, объединений, составляющих данный идеологический куст.

Основные различия этих парадигм состоят в следующем: в каком причинно-следственном соподчинении выстраиваются символы рынка, демократии и России; как толкуются различные компоненты этой цепочки; были ли ориентированы данные парадигмы (и вырастающие из них конкретные идеологии) на то, чтобы быть лишь обозначениями тех или иных конкурирующих элит при сохранении вытесненности масс из публичной политики, или же на то, чтобы мобилизовывать массовые движения, потенциально способные менять существующую систему.

К настоящему времени образовались или тяготеют к образованию четыре основные парадигмы, которые мы обозначим как "демократическая правая" (ДП), "авторитарная правая" (АП), "авторитарная левая" (АЛ) и "демократическая левая" (ДЛ). Три первые - представляются в значительной мере сложившимися, четвертая - в лучшем случае - обладающей некоторыми предпосылками и потенциальностью образования.

До перехода к рассмотрению этих парадигм отметим еще один парадокс идеологического развития посткоммунистической России. Именно тогда, когда весьма эффективная идео-

логия времен слома коммунизма, функционировавшая под знаком деидеологизации, оказалась в решающей мере разрушенной, среди российских политиков (в том числе и даже в первую очередь среди самых убежденных сторонников "деидеологизации") стало быстро распространяться осознание потребности в сильной идеологии. Поворотным пунктом здесь можно считать декабрьские выборы 1993 года, принесшие неожиданный для многих успех ЛДПР и коммунистам. Многим "демократам" стало казаться, что остановить В.Жириновского и коммунистов без "новой мощной интегрирующей идеи" (Е.Гайдар), без заполнения "духовного вакуума", образовавшегося после падения коммунизма (М.Салье), и т.п., нельзя. Обнаружилось и то, что даже для осуществления самих рыночных реформ опрометчиво полагаться просто на игру частных интересов, а необходимо "мобилизовать... волю россиян" (Гайдар). Без такой мобилизации, как афористически заметил главный российский монетарист Б.Федоров, "граждан России нет, ...есть только граждане ВПК, АПК, Метровагонмаша и иже с ними... Защита России от развала в прямом и любом другом смысле не является актуальной". Казалось бы, тем самым осознана и признана роль идеологии для современной России, во всяком случае, ее функция образования сильного политического субъекта, способного идти дальше и решительнее, чем это позволяли бы частные интересы. Но по прошествии полутора лет после этих прозрений "мощная интегрирующая идея" по-прежнему не найдена. И, видимо, не случайно.

Иногда демократию определяют как "способ и метод открытия". Это - нечто другое, чем просто трансляция в сферу власти интересов и мнений, которые уже известны до осуществления "демократического метода". Его результаты как бы двояки: это и решение, что данной общности делать, но одновременно и ее самоуяснение, что она суть, к чему стремится во всем многообразии ее членов, как обрабатывать, "процессировать" все эти различия и нетождественности, если жить вместе. В некоторых более стабильных исторических ситуациях понимание результатов демократии как "метода открытия" можно ограничить рамками того, А или Б сидеть в кресле X и увеличить ли (сократить ли) статью бюджета В на p или q процентов. В других ситуациях ее результатами оказываются самоуяснение обществом основ собственной жизни и соответствующие действия по их созданию. Если этого не происходит, общество оказывается в беде.

В ДП, которую представляют образования от "Выбора России" до "Нашего дома - России" (но отметим, что представительство парадигм конкретными структурами весьма мало-существенно. Если сами парадигмы обусловлены глубинными тенденциями развития российского сознания, то их представительство теми или иными партиями и движениями,

возникающими, исчезающими, резко меняющими свои ориентации, зависит от конъюнктурных и во многом "случайных" факторов), ценностная цепочка в принципе выстраивается следующим образом: экономический строй - политический строй - Россия. Это означает, что формирование рынка, представляемого в качестве приоритетной задачи, должно вести к созданию "стабильной демократии", и вместе они обусловят процветание России, отождествляемой с нынешней РФ.

Конечно, сейчас - в контексте разговоров о "мощной интегрирующей идее" и попыток эксплуатации "российского патриотизма" и "государственнической темы" - данная схема не представляется в том первоначальном виде, какой она имела на заре "рыночного романтизма". Однако принципиальный отказ от нее в рамках ДП невозможен. Эту парадигму делает "правой" именно детерминирующая роль идеи рынка по отношению к другим целям и выведение из сферы демократического обсуждения вопросов о роли и месте рынка в общественной жизни, которые полагаются чем-то "естественным". Таким образом вопрос о рынке утрачивает собственно *политический* характер и превращается в вопрос *технический*: какими темпами продвигаться к рынку, насколько и как он может быть регулируем государством и т.п. Разногласия по этим техническим вопросам обуславливают различия идеологий куста ДП при том, что деполитизация самого вопроса о рынке определяет их коренное единство. Можно сказать, что это ограничивает демократию как "метод открытия" и, собственно, определяет ее как тип "экономической (шумпетерианской) демократии"[7]. Тем не менее ДП привержена идее представителю демократии, рассматриваемой в качестве ценности, что и делает ее *демократической* правой. Ограничение демократии в указанном смысле проявляется и в том, что ДП не готова подвергнуть процедуре "демократического открытия" само понятие России - и в его социально-культурном и в более узком смысле: территории, состава, структурной организации.

Если взглянуть на парадигму ДП с точки зрения основных функций идеологии, то видна ее слабость во многих существенных отношениях. Прежде всего она малоэффективна в плане "смыслообразования". ДП способна объяснить (идеологически "оправдать") испытываемые обществом тяготы, лишь придавая им смысл "трудностей переходного периода". Не говоря уже о тождественности этого приема с давно дискредитированным методом апологии коммунистической идеологией "строительства социализма", он порождает бесконечную фальшь обещаний и наигранного оптимизма "уже начавшихся улучшений", опровергаемых очередными статотчетами и непосредственным самочувствием миллионов большинства россиян. Исчерпанность "кредита доверия", т.е. по существу распад легитимности власти, которую на разных

этапах образовывали различные представляющие ДП группы, слишком известна, чтобы останавливаться на этом подробно. Условием сохранения власти стала не политическая поддержка ее волей (большинства) населения, а апатия - отсутствие политической воли и отсюда - замыкание политики на возню элит, к чему и свелась политика в нынешней России.

Невозможность придать правдоподобный смысл настоящему через будущее сочетается с такой же невозможностью "объяснить" его через прошлое. Пока советский период представляется только как "проклятое прошлое", на которое списываются все трудности настоящего, связь времен российской истории не может быть восстановлена, сегодняшний день останется бескорневым, распад "фольклора" народного сознания сохранится, что сделает невозможной политически эффективную идеологию.

Неудача попытки смыслообразовать настоящее приводит к малоэффективному исполнению других основных идеологических функций. ДП не может и не сможет создать собственный массовый политический субъект, ее интегративный потенциал мал. Нужная для этого утопия начисто отсутствует в идеологиях ДП, будучи подменной (псевдо-) прагматикой "сегодняшних забот". В этой связи уместно вспомнить слова К.Маннгейма, автора знаменитой "Идеологии и утопии", о том, что общество, не знающее утопии, есть общество, которое уже больше не находится в "созидании". Видимо, это справедливо и для партий. О функции легитимации речь уже шла. ДП стремится, но не может эффективно легитимировать существующую власть, но не может реально обосновать и контрвласть, как свидетельствуют все "фрондерские" акты по отношению к режиму, предпринимавшиеся (к примеру, в связи с чеченской авантюрой) "Выбором России".

В чем ДП преуспела значительно больше, - это в функции политической коммуникации. Многие рыночные образы и метафоры не просто вошли в язык политического общения, но во многом определяют его, причем далеко за рамками собственной идеологической зоны ДП. Во многом это сформировало стиль мышления "экономического детерминизма", усвоенный и многими оппонентами ДП. В определенной мере этот коммуникативный успех можно объяснить десятилетиями доминирования "экономдетерминистской" идеологии советского коммунизма, по отношению к которой ДП дает пример "рецепции-инверсии", а отнюдь не преодоления.

Отмеченные слабости идеологий ДП можно признать слабостями, только если подходить к ним с мерками политически мобилизующей идеологии. Но это не так. ДП была и остается парадигмой идеологий демобилизации и деполитизации населения, обслуживающей элитную политику в рамках "экономической (шумпетерианской) демократии". С этой точки

зрения ДП вполне функциональна и удовлетворительна. Ее представители могут рассчитывать на (скромный) успех, в том числе и на грядущих парламентских выборах, поскольку сохранение этой модели демократии в обозримом будущем весьма и весьма вероятно.

АП в нашей классификации представляют образования от ЛДПР до Национально-республиканской партии, Русского Собора и откровенно фашиствующих организаций. АП выстраивает другую ценностную цепочку: Россия - политический строй - экономический строй. Это означает следующее. Из определенного образа России выводятся представления о политическом режиме, способном этот образ осуществить практически, а экономический строй определяется как условие, обеспечивающее функционирование данного режима. Пока нас не занимают различия в образах России, как они изображаются разными идеологическими ветвями куста АП (скажем, отличия имперско-государственных образов, в случае ЛДПР почти полностью лишенных историко-культурных "почвеннических" смыслов, от тех образов, которые густо окрашены красками Volksgeist, как то имеет место у Русского Собора и т.д.).

АП делает "правой" центральная установка на формирование национал-капитализма при различных вариациях связанной с ним темы патронажного "государства благоденствия". "Авторитарной" АП делает то, что представительная демократия либо принципиально отвергается, либо допускается в виде возможного при определенных обстоятельствах технического решения проблемы политического устройства, но никогда - как ценность и неперемное условие будущего России. Россия не отождествляется с нынешней РФ, представляя либо империей (в тех или иных желательных границах), либо этническим государством русских (с включением безоговорочно признавших их ведущую роль "дружественных народов"). Политический режим предстает либо прямой диктатурой, либо, используя орвелловский язык, "демократией" для "наших". Экономический строй всегда предполагает рынок, хотя с той или иной степенью жесткости подчиненный политическим целям государства и зависимый от последнего.

С основными функциями идеологии АП справляется во многом иначе, чем ДП, в ряде случаев - более эффективно, хотя эффективность имеет разный смысл, если рассматривать различные идеологические ветви АП.

Тяжкое настоящее получает смысл как результат обмана народа алчной и коррумпированной властвующей элитой, что в более радикальных версиях АП трактуется как "национальное предательство", "продажа России" иностранным и антирусским интересам и т.п. Подобное "отрицание настоящего" позволяет смыслообразовать его, если оно представляется как "отпадение" от некоторой насыщенной положительной символикой

традиции прошлого и как трагическое преддверие утопического светлого будущего. Иными словами, смыслообразование настоящего предполагает идеологическое повествование об истории. Рассматривая идеологии АП под этим углом зрения, мы видим в них важные различия, отражающиеся на том, как и в какой мере они справляются с основными функциями идеологии. Так, для ЛДПР характерно то, что она не пытается построить такое повествование. Настоящее отрицается сугубо прагматически, потому что оно не удовлетворяет *интересы* (определенных групп, маргинализированных им), но не потому, что оно изменяет некоторым ценностям и идеалам. ЛДПР обращается к тому же типу эгоистического потребителя, что и идеологии ДП, но в первом случае это - типаж не удовлетворенный и без больших надежд на удовлетворение при сохранении нынешней линии развития России, тогда как адресат идеологии ДП - типаж удовлетворенный или верящий в возможность удовлетворения при продолжении этой линии.

Отсюда - характерная черта идеологии ЛДПР (точнее, общий знаменатель той крайней эклектики, которая изображается в качестве ее идеологии): государство, занимающее в ней столь важное место, оказывается лишенным какого-либо культурно-исторического символического значения, оно предстает сугубо раздаточно-распределительным механизмом, так что даже "бросок на юг" мотивируется созданием на берегах теплых морей домов отдыха для тех, кто сейчас не может позволить себе провести неделю на турбазе на Клязьме. Обращаясь непосредственно к частным интересам атомизированных (и "фрустрированных") индивидов, идеология ЛДПР не в состоянии вызвать чувство преданности и приверженности общему делу, способное двигать людьми дальше той черты, до которой ими двигают частные интересы. Она никогда не создаст движения, способного совершить свой "марш на Рим", ее самые ревностные адепты никогда не будут биться в горах Гиндукуша до последнего (хотя могут расторопно сдать, если паче чаяния вдруг окажутся в таком положении) ради строительства пансионатов у Аравийского моря и тем менее - ради вящей славы России. Но она - при неэффективности других идеологий осуществлять функцию интеграции политического субъекта - может позволить собирать достаточно голосов тех, кто не готов инвестировать в политику больше времени и сил, чем требуется для того, чтобы опустить бюллетень в избирательную урну.

Строго говоря, идеология ЛДПР не смыслообразует настоящее, а адаптируется к отсутствию в нем смысла и эксплуатирует это обстоятельство. Успех ЛДПР - свидетельство распада смысла настоящего России, как и того, что при сохранении этого состояния ЛДПР (или ее аналоги) не устранима с политической арены. Она непобиваема партиями, не способными найти новый смысл существования России. Не

случайно, самая яростная критика ЛДПР и Жириновского исходит от других ветвей куста АП.

Альтернативные ЛДПР представители АП (в рамках "новых" и "традиционных правых") в разной мере тяготеют к "фольклорным" идеологиям, представляя государство носителем или хотя бы средством осуществления некоей "Идеи" России. Их характерная черта - составление исторического повествования о России, смыслообразование настоящего через соотнесение с Традицией и утопическим будущим. Эти идеологии значительно сильнее "жириновщины" с точки зрения реализации основных функций идеологии. Представляя символы и образы с высокой степенью этно-религиозно-нравственной заряженности, они создают или могут создавать сплоченные движения, преданные "Идее", формировать яркие политико-культурные идентичности, выдвигать притягательные утопии, выстраивать эффективные политико-коммуникативные связи.

Вся проблема в том, что эти партии и движения не могут не быть в современной России *сектантскими*. Их сила, позволяющая создавать интегрированные и высоко мотивированные движения, оборачивается их слабостью - неспособностью вызывать массовые движения или обращаться к сколько-нибудь широкому электорату. Дело в том, что эти идеологии исходят из того, что *ясно*, что такое Россия (по отношению к которой произведена измена, и которая должна быть восстановлена). Такая ясность присутствует в очень ограниченных кругах россиян, способных отождествить себя с той или иной "традицией" политико-культурной интерпретации России, более того, считать ее единственно "аутентичной". Этим и только этим кругам могут быть адресованы рассматриваемые идеологии АП. Культурной же действительностью нынешней России является как раз порушенность традиций, неясность в отношении политико-культурного и социально-исторического смысла России. Эта неясность может быть устранена не произвольным (с точки зрения большинства) выбором той или иной традиции в качестве "аутентичной", а демократическим "методом открытия", сопрягающим в политической практике и идеологическом дискурсе различные "ощущения" и проясняющим их до состояния "взглядов" и "убеждений".

В свете этого авторитаризм идеологий АП приобретает дополнительное и, вероятно, более важное значение: он заключается не просто в отвержении или конъюнктурно-инструментальном отношении к институтам представительной демократии, но и в отказе от демократии как "метода открытия" базовых ценностей российского общежития, в авторитарном полагании их априорно ясными и обязательными для всех ("наших").

АП представляют структуры от КПРФ до РКРП и ВКРПБ. Ценностная цепочка АП выглядит следующим образом: политический строй - Россия - экономический строй. Это озна-

чает то, что (при всех различиях ветвей куста АЛ и новейших модификациях коммунистической идеологии, особенно заметных в "национал-ревизионизме" КПРФ) первоусловием решения всех проблем российского общества изображается "возврат на путь социализма", достигаемый посредством восстановления Советского строя, который полагается чем-то само собой соответствующим чаяниям "трудового большинства" россиян.

Восстановление Советского строя (путем "мирных революций" в странах СНГ - по версии КПРФ, путем открытой, презирающей парламентские игры классовый борьбы - по взглядам, в частности, ВКПБ) должно привести к возрождению "многонациональной Советской державы" и таким образом - к решению проблемы "России", а также - к установлению соответствующего экономического строя (от прямой сталинской версии "экономики социализма" до "многоукладности переходного периода", в которой находится место и для "патриотических предпринимателей", по взглядам КПРФ).

АЛ является "левой" в том изначальном смысле, что она апеллирует к умонастроениям униженных и угнетенных и стремится политически актуализировать их. Попытки дискредитировать эту связь АЛ с "ощущениями" униженных и угнетенных утверждениями о том, что низы останутся низами и в случае победы сил, представляющих АЛ, свидетельствуют лишь о непонимании того, как функционируют идеологии, и прежде всего того, что они не "проверяются" фактами истории, хотя - через цепь духовно-интеллектуальных опосредований - "подрываются" ими. В любом случае, использовать этот аргумент против АЛ не менее, но и не более уместно, чем против ДП, имея в виду то, что реальному, снизу растущему предпринимательству (в виде ИТД, кооперативов и т.д.) после прихода к власти представителей "демократической правой", мягко говоря, отнюдь не стало лучше, чем было при власти коммунистов в конце "перестройки".

АЛ является "авторитарной" потому, что - при тактико-конъюнктурном признании представительной демократии в отдельных ветвях АЛ - она в целом ориентирована на восстановление Советов. Показать возможность их демократического функционирования, исключаящую повтор реального бюрократическо-административного перерождения Советов, как оно произошло в СССР, идеологии АЛ явно не в состоянии. Они являются и "антирыночными" - даже не вследствие "зарегулированности" рынка в их образах "экономики будущего" (если рынок вообще в них допускается), а потому, что рынку вновь отводится роль преходящего элемента переходного общества, а не необходимой сферы и составляющей его "нормальной" жизни.

Проблемы, с которыми сталкиваются идеологии АЛ в осуществлении функции смыслообразования настоящего, во многом сходны с теми, какие имеются и у АП (кроме ЛДПР). Иде-

ологии АЛ не только отрицают настоящее, но и вписывают его в историческое повествование. Для более ортодоксальных, чем КПРФ, компартий настоящее - отпадение от советско-коммунистической традиции (вследствие "измены", "предательства" перестроечной и постперестроечной верхушки), которое должно быть исправлено и искуплено возвратом к социализму (здесь проявляется утопическое измерение этих идеологий). Такая схема смыслообразования настоящего одновременно эффективна и неэффективна: она позволяет создать интегрированные и мотивированные, но сектантские движения, поскольку может быть воспринята лишь теми, для кого Советский строй "как таковой" предстает как ценность. После 80-ых и половины 90-ых годов таких, кажется, совсем не много.

Смыслообразующая схема КПРФ (зюгановская линия) является гораздо более изощренной, хотя поразительно эклектичной (что само по себе для идеологии - не упрек, покуда разнородные ценности сопряжимы хотя бы "ассоциативно". В какой мере последнее удастся зюгановской идеологии, - другой вопрос). Изображение советского периода в виде борьбы двух противоположных тенденций, каждая из которых в разное время брала верх, позволяет не только скрещивать ревизованный коммунизм с национальной идеей (на что сразу обратили внимание многие наблюдатели), но и производить селекцию "хорошего" и "плохого" в опыте социализма, который в принципе (но уже только в принципе) подлежит восстановлению в будущем. Это открывает гораздо большую свободу для последователей КПРФ в интерпретации ценностей при сохранении их стержневого символа-образа "Советский социализм".

Любопытно, что логически ту же работу производили на закате "перестройки" идеологи КПСС горбачевского круга. Однако их метод селекции "хороших" сторон социализма вел к абстрагированию от реального опыта социализма в СССР и отождествлению их с универсальным "гуманизмом вообще." Идеологи же зюгановского круга, напротив, препарируют реально состоявшуюся советскую историю, именно из нее отбирая "хорошие" стороны для своего образа социализма, что делает его "национально значимым" и поэтому идеологически в контексте настоящего более эффективным и обращенным к весьма широким общественным группам.

Это позволило идеологии КПРФ успешнее реализовывать и другие функции - политической коммуникации и интеграции политического субъекта, причем, что особенно важно, - в двух его ипостасях политического движения и электората. В той мере, в какой идеологии КПРФ удастся и далее смыслообразовывать настоящее через связь протеста униженных и угнетенных против социальной несправедливости с "модульно" комбинируемыми ценностями социализма, она сможет расширять свою аудиторию за рамками "пенсионной"

возрастной группы. Реальным противоядием этой экспансии - при отсутствии альтернативных массово-мобилизующих идеологий - похоже, могут стать только апатия и деполитизация населения, т.е. тот фон, на котором основными участниками политического состязания будут те или иные представители ДП и структуры типа ЛДПР.

Попытки Г.Зюганова и его единомышленников протянуть селективно реинтерпретированную советскую традицию "вглубь истории", абсорбировать "уваровскую формулу", через нее показывая место коммунистов в раскладе патриотических сил, не только нелепы теоретически (что опять же само по себе - не упрек идеологии), но едва ли продуктивны политически. Вряд ли легко будет даже "ассоциативно" связать свинцовую уваровскую "народность" с раннекоммунистическим пафосом борьбы за социальную справедливость, воскрешение которого является залогом эффективности идеологии КПРФ. Конфликты же, порождаемые попытками установить такую "ассоциацию", в аудитории КПРФ заметны уже сейчас и вряд ли станут слабее в дальнейшем. Сами эти попытки, видимо, являются свидетельствами недостаточной уверенности Зюганова и его коллег в дееспособности коммунистической идеологии (как "модуля" "хорошего" в опыте СССР) на собственной основе. А зря: коммунизм "естественно" воспроизводится режимами типа того, который имеется сейчас в России. Сила коммунизма - (прямо?-) пропорциональна устойчивости такого режима, а не степени растворения коммунизма в национализме.

Но не все обстоит благополучно с осуществлением идеологией КПРФ основных функций идеологии. В "зюгановщине" "перестройка" и августовская 1991 года зарница демократии выглядят таким же "провалом истории", каким в радикальных версиях ДП (достаточно вспомнить идеологию "ДемРоссии" периода ее расцвета) выглядит советское время. Для многих (не миллионы ли их?), кто в этом "провале истории" видит свет своих ценностей, смыслообразование настоящего по методу КПРФ не может быть приемлемым. Уже по этой причине идеология КПРФ, явно не будучи сектантской, оказывается достаточно жестко локализованной в социальном пространстве.

К тому же эффекту приводит предлагаемый ею метод селекции "хорошего" и "плохого" в социалистическом прошлом. Дело в том, что он опять же исходит из ясности относительно того, что "хорошо", а что "плохо". В сущности, это тот же, хотя более гибкий, априоризм, которым отмечены все авторитарные идеологии. И по той же причине он едва ли может быть принят большинством россиян. Может ли для них быть привлекательна утопия, предлагаемая КПРФ, которая представляет собой все тот же, пусть "подправленный", советский социализм?

Проблема с утопической функцией в идеологии КПРФ состоит не в том, что ее утопия - слишком утопична, а в том, что

она недостаточно утопична, слишком легко "узнаваема" близостью к известным и для многих отталкивающим реальностям. Утопия КПРФ не может намагнититься страстью преодоления мерзостей настоящего, и в этом - ее слабость как утопии.

Описание ДЛ представляет самую большую трудность, ибо это - рассказ о том, что в России еще только нарождается. Очень легко перечислить заявителей на представительство российской "демократической левой" от совсем гротескных "Социал-демократов" Гавриила Попова, блока "Памфилова - Гуров - Лысенко" до "Яблока" и рыбкинского левого центра и бесчисленных социал-демократических и социалистических союзов и союзников. Но все это перечисление не позволило бы снять один убийственный вопрос: может ли в стране, не имеющей сколько-нибудь развитого рынка, быть "левая демократия", ассоциирующая себя с акцентированием его "социального измерения"? Или с государством благоденствия при отсутствии основ благоденствия? Или с сильной социальной политической государством, когда нет легитимного и дееспособного государства вообще? Или с представительством национальных интересов (противопоставленных узкоэгоистическим интересам господствующих групп) при неясности не только относительно содержания таких интересов, но, что важнее, рамок и смысла их определения как "национальные"?

Исторически ДЛ всегда корректировала либо то, что - в качестве лидера - делала ДП, либо - те или другие версии авторитаризма, т.е. национально-государственное устройство, механизмы рынка, системы идентичностей и прав... Если российская ДЛ собирается делать то, что делал ее аналог на "столбовой дороге" человечества, отождествляемой с путем Запада, то сейчас ей в России вообще нечего делать. В "цивилизованном мире" "демократическая левая" не возглавляла процессы создания государств, наций, рынка и т.п. Относительно современной России встает очень конкретный вопрос: могут ли в ней дееспособное государство, некая этно- или культурно-политическая общность, называемая "россияне", эффективный конкурентный рынок сложиться под водительством ДП, АП или АЛ? Только отрицательный ответ на этот вопрос дает шанс ДЛ в современной России. В противном случае придется ждать или симулировать политическую и идеологическую самостоятельность.

Обосновать отрицательный ответ на поставленный вопрос в данном тексте у нас нет возможности. Однако предположим, что такой ответ имеется, и попытаемся представить, какой могла бы быть парадигма ДЛ для решения указанных проблем. Видимо, в этой парадигме приоритет имела бы демократия как "метод открытия", причем открытия именно в смысле того самоуяснения общества, о котором шла речь ранее. Этот приоритет был бы лишь признанием неясности

относительно этих ценностей и устоев у большинства и конфликта "ясностей" у меньшинств в условиях разрыва связи времен, проблематизации всех традиций, распада или эрозии всех, некогда устойчивых, социо-культурных форм.

Это - признание того, что Россия очередным зигзагом своей истории вошла в ситуацию "постСовременности". Что не в отвлеченном умозрении, а практической "повесткой дня" России поставлен гефтеровский вопрос о "Мире миров", альтернатива решению которого в лучшем случае - прозябание, в худшем - "распад до конца". Этот метод, практикуемый, по крайней мере, в масштабе общенародной дискуссии 80-ых годов о "сталинизме", должен был бы прояснить не то, насколько допустимо государству вторгаться в рынок, а каковы его место и роль в будущем устройстве российской жизни; не то, какими спец-договорами отодвигать коллизии республик с российским "Центром", а что вообще считать "Россией" и на каких основаниях так считать.

"Метод открытия" в ходе своего осуществления уточнял бы и постоянно возвращался к (пере-) определению того, кто есть законный участник дискуссии и каковы его полномочия, по каким процедурам она происходит и что может служить основанием "законности" ее результатов. Все это не может быть ясно априорно. "Метод открытия" дал бы народное "учредительное собрание", но опираясь на неформальные результаты его деятельности, могло бы создаться и формальное учредительное собрание.

Таким образом, конфигурация ценностей ДЛ выглядела бы следующим образом:

→ экономическое устройство

политическое устройство

→ Россия

Проще всего отмахнуться от этих рассуждений как от утопии. Но не было ли еще в 1760-ых годах утопией проектно-договорное создание нового государства и новой нации, которые были явлены миру через десятилетие-другое в виде США? Не было ли утопией еще несколько десятилетий назад рожденное демократическим движением экологическое законодательство, определяющее то, в какой мере, при каких условиях, где и когда природопользование может быть доступно рыночной регуляции? Разве это не есть, пусть частичное, определение места и роли рынка в национальной жизни демократической волей? А с другой стороны, не утопия ли думать, что решить "чеченский вопрос" как имя собственное и как имя нарицательное для всех существующих и возможных вопросов присоединений/отсоединений в отношении с Россией или России с самой собой можно как-то иначе, кроме "метода открытия"?

Остроловом замечено, что проблема с утопиями в XX веке состоит в том, что они слишком легко претворяются в жизнь. Но даже когда они не претворяются, когда остаются "зо-вом", то все равно делают свое преобразующее дело. Если демократия как "метод открытия" останется лишь зовущей утопией идеологии ДЛ, то последняя все равно сыграет ту специфическую и необходимую роль в современной России, которую только она и может сыграть, и это будет ее роль, а не та чужая, в которой ДЛ может оказаться лишь как наспех подобранный дублер ДП или АЛ. Эта утопия, возможно, даст образы и символы достаточной силы для интеграции "движенческого" политического субъекта (только практика покажет, будет ли он сектантским или массовым). Эта утопия способна смыслообразовать настоящее не как грехопадение и преддверие искупления, не как "естественноисторическую" банальность перехода к "цивилизованной нормальности", но как возможность, рожденную нашей великой трагедией и мукой, и от нас зависит, будет ли использована она.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. Ed. G.H. Taylor. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1986, p. 180.
2. Geertz C. Ideology as a Cultural System. In: Ideology and Discontent. Ed. D. Apter. Glencoe: The Free Press, 1964.
3. Barber B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley: Univ. of California Press, 1984, p.173-198.
4. Mannheim K. Ideology and Utopia. N.Y.: Harvest Book, n.d. (1-st edition 1936), p. 65, 66.
5. Geertz C. Op. cit., p. 63, 64.
6. Habermas J. Technology and Science as "Ideology". In: J. Habermas. Toward a Rational Society. Boston: Beacon Press, 1970; J. Habermas. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge (MA): The MIT Press, 1989, p. 142 ff., p. 178 ff.
7. Thompson J.B. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge: Polity Press, 1984, p. 63.
8. Капустин Б.Г. Грядущие выборы и правила шумпетерианской демократии. Ч. 1, 2. // "Этика успеха". 1995, N 5, 6.

А.Ю.Согомонов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Гипотетически правомерно допустить, что *традиционная* логика и даже стиль анализа "президентской политики" сегодня не просто социокультурно неадекватны российской политической культуре, но к тому же еще и цивилизационно некорректны. Россия, пожалуй, единственное государствоное новообразование всего постсоветского пространства, которое, как кажется, постепенно становится в самом широком культурном смысле страной *постсовременной*, а поэтому содержательно и по строго формальным признакам традиционный анализ буквально всех политических и социальных феноменов оказывается, рассуждая культурологически, несколько "устаревшим".

Концентрируясь на проблеме "президентская политика", легко обнаружить, каким образом сочетание новой культурно-политической реальности с традиционным аналитическим аппаратом рефлексии политического феномена дает "на выходе" неадекватное понимание и всяческие аналитические парадоксы. В отношении современной российской "президентской политики", в частности, по-прежнему задаются "отжившие свой век" вопросы о том, какова ее социальная база, каким образом эта политика возможна в отсутствии "президентской" партии, есть ли какие-либо альтернативы конкретных "президентских политик" и т.д.

В глобальном измерении Россия, очевидно, вступила в пространство "*новой*" президентской политики. Проблема же заключается в том, как эту "новизну" концептуализировать, точнее - как ее адекватно выразить лексически и эмоционально. Не замахиваясь на эту непростую задачу, постараемся описать то "новое" социокультурное качество постсовременного мира и политики, которое, собственно, и результировало в обновлении модели "президентской политики".

Макротейоретически допустимо постулировать следующий тезис: несмотря на то, что реально уже свершилось обновление модели "президентской политики", это обновление, будучи идеологически не выраженным и логически не отрефлексированным, сохраняет парадоксально онтологический смысл и воспринимается чаще всего интуитивно и сегментарно.

Условно говоря: тот политический феномен, который все еще не артикулирован и не вербализован в публичном дискурсе, теоретически отсутствует и в самой социальной реальности. Но поскольку обновление модели "президентской политики" есть продукт более глобального цивилизационного сдвига, естественен поэтому наш первичный исследовательский интерес к

прояснению именно социокультурных предпосылок обновления модели "президентской политики" (что, впрочем, сравнимо с необходимой процедурой форматирования компьютерной дискетки до процесса записи на ней некой информации - если позволительна будет подобная аналогия в отношении публичного дискурса).

1. Обновление социокультурного проекта модернизации

Социокультурная модель политики и социального устройства общества так называемого индустриального типа переживает сегодня цивилизационную трансформацию. Причем, речь в данном случае идет и о структурном кризисе развитых индустриальных демократий, и о посттоталитарной "переходности" бывшего коммунистического мира. Иными словами, социокультурная трансформация охватывает буквально все страны "осовремененного" мира - мира успешных проектов модернизации, и не важно при этом каковым был исторический путь каждой конкретной страны в "современность", то есть какой по средствам и механизмам политико-культурный проект модернизации был реализован - демократический ли, авторитарный или "большевистский".

Едва поспевают за этой социокультурной трансформацией современная социальная и политическая макротеория, хотя, конечно же, в арьергарде всего этого культурно-познавательного процесса плетется обыденное политическое сознание, все еще традиционно пытающееся объяснить и понять политические процессы в категориях "классического" - рационального - модернизационного анализа, порождая, соответственно, неадекватный политический дискурс вокруг явлений принципиально новой культурной природы.

Обновление модели президентской политики в сегодняшней России является прежде всего обновлением когнитивного и идеологического аспектов того, что фактически и так переживает "обновление" (независимо от воли политиков и простых граждан). То есть в обновлении первым долгом нуждается собственно социальная макроконцепция "политики".

Постсовременное общество отличается, по крайней мере, тремя культурно-эпохальными "сдвигами". Во-первых, нарушается естественная для современного индустриального общества дихотомизация природы и культуры, производящая в свое время специфические социокультурные формы семьи, поло-возрастной композиции общества, трудовых отношений и т.д. Во-вторых, происходит культурно-политическое разочарование масс в символической значимости коллективных и групповых смысловых конструкций, интегрировавших ранее современные индустриальные общества (к примеру, классовое сознание, солидаристическая вера в прогресс и т.п.). В-третьих,

общество социально проблематизирует главным образом те угрозы и риски, которые само же производит, что приводит к тотальному нарушению принципов социальной теории общественной безопасности. Отсюда становится ясным, что концепция "общества риска" является не примитивным выражением катастрофического сознания интеллектуалов на исходе XX столетия, а эвристичной попыткой определения культурно-политических рамок "новой цивилизации" постсовременного мира (См., к примеру: Beck U. Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1986).

Разумеется, что "президентская политика" в постсоветской России неизбежно - идеолого-стратегически - концентрируется вокруг проблемы дальнейшей модернизации российского общества. И уже одно упоминание самого понятия "модернизация" вынуждает политика или аналитика к предъявлению собственной позиции относительно а) понимания места "большевистского" модернизационного проекта в процессе осовременивания России, а также б) разведения двух нетождественных процессов - "намеренного реформирования" и "ненамеренной модернизации". Если "большевистскую" модернизацию правомерно культурологически и макротеоретически рассматривать как завершающий этап процесса намеренного осовременивания России, то сегодняшнее "реформирование" общества, напротив, идет вдогонку саморазвивающейся глобальной модели модернизации постсовременных обществ. В этом смысле Россия, наряду с другими осовремененными странами, культурно, политически и социально самообновляется, вступив в принципиально новую фазу - посттрадиционное состояние.

Обратимся к одной из версий концептуализации посттрадиционных культуры и политики, где социальная теория и сам социальный проект феноменологически слиты - к теории "рефлексивной модернизации". "Рефлексивная модернизация" есть особый культурный проект "высокой современности" (по образному выражению У.Бека), конфронтационности общества к самому себе. "Рефлексивная модернизация" означает, по сути, цивилизационную трансформацию, ставшую возможной не революционным путем и не через кризис, а именно благодаря победе западного проекта модернизации. Само понятие не получило пока широкого распространения в литературе, число активных адептов этой теории все еще невелико: Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990; Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity, 1991; Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Cambridge: Polity, 1994).

"Рефлексивная модернизация" вносит кардинальные "поправки" в культурную логику построения политики и структурирования социальных отношений. Прежде всего, "реф-

лексивная модернизация" означает ре-индивидуализацию политики (нередко аналитики пишут о "персонифицированной" политике). "Индивидуализация" в данном случае несет в себе новые смыслы: речь идет не об атомизации личности, не о социально-политической изоляции субъектов действия, не о социокультурном одиночестве индивида (субъекта политического или социального действия), не о "конце" социальности как таковой, а о принципиальной смене модели социокультурного выбора личностью своей "судьбы", своей идентичной "биографии". Стандартная биография человека становится объектом выбора, то есть происходит сдвиг в сторону того, что А.Гидденс именует "рефлексивной биографией".

Этот сдвиг, в свою очередь, приводит к последовательной дивергенции политики и государства, ставших сегодня явлениями предельно разного порядка. Политическая субъектность как бы вырывается из чисто политической системы и политической организации общества. Партии (по крайней мере, в их традиционных смыслах, телеологии и дизайне) переживают внутренний политико-культурый кризис, новые "партийные" структуры по старому сценарию отныне не создаются. Политическое пространство оказывается заполненным многочисленными "рефлексирующими" субъектами, естественно - по стилю своего мыслительного участия в политике - приносящих с собой "новую" политическую и культурную амбивалентность. Постсовременная политика оказывается по ту сторону традиционных политических метафор, типа "право" и "лево", "консерваторы" и "либералы", хотя по-прежнему остается угрозой "радикализации" политического лидерства.

Прямолинейная инструментальная рациональность в политике дезинтегрируется. Соответственно, происходит демополизация социально-политической экспертизы, означающая прежде всего то, что люди отныне сомневаются в том, что администраторы или эксперты "точно знают" или, по крайней мере, "знают лучше других", что хорошо, а что плохо для общества. Этот процесс логически открывает путь к более широкому представительству людей в политическом процессе, к утверждению тезиса о всеобщности экспертных ролей ("все граждане - эксперты!"), к деформализации процедуры законотворчества, к смене модели "закулисных" переговоров экспертов и "лиц, принимающих решения" на модель публичного диалога максимально большого числа заинтересованных лиц – политических и социальных актеров (модель "круглого стола" в политике). Наконец, мы наблюдаем в постсовременных обществах генезис специализированных (частных) форм публичности и, соответственно, метаморфозу традиционной модели государства.

Наступление эры "рефлексивной" модернизации, согласно ее теоретикам, приводит к конфронтационности двух макро-

моделей политического пространства: политики, "ориентированной на следование правилам", и политики, "ориентированной на изменение правил". У.Бек предлагает классификацию базовых характеристик обеих моделей следующим образом (Beck U. The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization // Reflexive Modernization. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 34-38).

Таблица

	Политика, ориентированная на следование правилам (простая модернизация)		на изменение правил ("высокая современность")
Система "политики"	политика "символов", политика роста, полной занятости, технического и социального прогресса		политика экономической реактивации, метаморфозы государства
Политическая система	"простая" экспертная рациональность, технократизм, бюрократизм		"реформа" экспертной рациональности, "предпринимательство" в политике, "призвание" как политическое действие
Условия политической субъектности	парламентское большинство, забастовка, правительственные инициативы, коллегиально-индивидуальные решения и т.д.		принцип "консенсуса", самореформирование процесса принятия и реализации политического решения и т.д.

2. Новая президентская политика в контексте "рефлексивной модернизации"

Артикуляция "новой" президентской политики в России происходит в условиях опережающего "вхождения" страны в проект "рефлексивной модернизации" (предложенный титул этого модернизационного проекта в данном случае непринципиален и может быть заменен на любой другой, к примеру, на "высокую современность").

В соответствии с концептуально обозначенными выше глобальными тенденциями изменения политического простран-

ства (говоря "глобальные", мы имеем в виду прежде всего универсальный характер изменений социального и политического пространства государств "высокой современности") и вне зависимости от личности Первого Лица российского государства (абстрагируясь, разумеется, от радикальных "патологий"), идеологическое и вербальное оформление "новой" президентской политики будет неизбежно стремиться к осознанию

- социокультурной завершенности исторического этапа "простой" модернизации (модернизации "традиционных" оснований общества и его нормативной базы);

- неизбежного "вхождения" страны в контекст "глобального" общества, общества, в котором национальная специфичность вплетена в ткань универсальных социальных и политических тенденций и, естественно, подчинена им;

- кардинальной метаморфозы телеологической, юридико-технологической и идеологической модели государства (в некотором смысле, процесс отчуждения государства от политики);

- глобального кризиса партийно-институциональной базы политического процесса (своего рода "конец" партий "классического" образца и, соответственно, "классической" идеи бинарности партийно-политической структуризации общества на "правый" и "левый" фланги);

- экспертно-консенсусных оснований процесса принятия решения (отказ в легитимности принципам "классической" демократии, к примеру, легитимное предпочтение принципа консенсусного способа принятия решения versus принципа "большинства" в любой из его модификаций);

- универсальности "гражданской" экспертизы (нарушение эзотеричности "рациональной" экспертизы и технократического или формально-бюрократического способа управления социальными и политическими процессами в обществе и признание всеобщего гражданского права на "экспертное" суждение).

Предложенный список социокультурных предпосылок парадигмальной смены модели "политики" в России может быть продолжен за счет более тщательной детализации каждой из обозначенных выше мегатенденций "глобального" общества. Однако, как кажется, даже самого беглого анализа этих тенденций достаточно, чтобы прийти к аналитическому заключению о постепенном и уверенном "вхождении" России в проект "рефлексивной модернизации".

Артикуляция и вербальное оформление этого "вхождения" "устаами" любого политического субъекта, кроме российского президентства, маловероятны и, по-видимому, малоэффективны. И дело, возможно, не только в том, что президентство олицетворяет собой верховную власть в стране, а посему от него как бы неотделимо право на инициацию культурно-идео-

логических проектов, реально обладающих наивысшим солидарно-легитимационным потенциалом, но и в том, что собственно российское президентство скорее всего и является тем самым единственным общественно-политическим институтом, который уже продемонстрировал свою готовность-и-способность к роли высшего "рефлексивного" субъекта страны.

В частности, российское президентство, как кажется, отказалось от идеи построения президентской партии, от политики социальных - разумеется, бюрократически понятых - приоритетов, от стратегии искусственных экономических или социальных стимуляций и тактики "профилактики" ретроградных хозяйственных и общественных феноменов, от консервирования "правил игры" в государственный механизм управления и контроля и от многого, многого другого, что могло бы со всей очевидностью свидетельствовать, что сегодняшняя модель российского президентства все еще не вышла из поля "политики, ориентированной на соблюдение правил", то есть - парадигмально из эпохи "простой" модернизации.

Новая президентская политика "рефлексивной модернизации" в России все еще *in statu nascendi*, и пока этот процесс вполне может носить обратимый характер. Это не означает, конечно же, что "неудачи" сегодняшнего курса реформирования страны могут обернуться возвратом к "большевистскому" инварианту "простой" модернизации. Этот возврат невозможен, хотя бы и потому, что социокультурно цели большевистского проекта модернизации достигнуты. Но ошибочно также и распространенное суждение о том, что "курс" рационального реформирования посттоталитарного общества безальтернативен. Напротив, именно рефлексия альтернатив социокультурно отличает "высокую современность" от "простой" модернизации.

Анонсирование "новой президентской политики" в этой связи вряд ли станет единовременным или одноактным действием. При любом политическом раскладе ожидаемое анонсирование возможно именно как сочетание привычных-и-шоковых выступлений, актуализированных надвигающимися президентскими выборами и совершаемых как бы вне оглядки на это событие, причем главным стержнем всего политического цикла, видимо, явится как раз-таки анонсирование "вхождения" России в поле политики, ориентированной на изменение правил, политики, открытой для поиска консенсуса между всеми рефлекслирующими субъектами социального и политического действия.

Л.А. Радзиховский
**ИНТЕНЦИИ ОБНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ
ПОЛИТИКИ**

Не в обиду будь сказано авторам очередного выпуска Вестника "Этика успеха", но тема предложенной мне анкеты сформулирована с истинно профессорской рассеянностью. "Интенции обновления президентской политики" - эх, куда хватили! Эдакая академическая тема, проблемная ситуация ... И когда же формулируется эта тема? Не раньше, не позже, как в ноябре 1995 - за 7 несчастных месяцев до выборов президента! А вдруг седьмой выпуск Вестника выйдет в канун выборов.

Согласитесь: в такое время даже в благополучных США думают не об "интенциях обновления", а только о том, как бы не обновилась не какая-то там "политика", а нечто куда более важное - сам президент. Самосохранение президента - вот и вся его политика в канун выборов (ну, а что там будет дальше - гадать сейчас бесполезно).

Уж наверное, то же самое справедливо и для России. Так что о выборах президента я и буду дальше говорить. Есть лишь одно различие - американский президент может сохранить пост в пределах традиций своей страны, т.е. в результате выигранных выборов. Русский президент может сохранить пост в пределах традиций своей страны, т.е. любым способом. Впрочем, один способ традициями России не предусмотрен - перевыборы президента.

Их, перевыборов, никогда не было. Вспомним историю хотя бы последних 200 лет, исеченную шрамами - сменами царей и вождей. Павел I - задушен. Александр I - умер. Николай I - умер (покончил с собой?). Александр II - разорван бомбой. Александр III - умер. Николай II - сброшен с трона революцией. Керенский - сброшен в результате октябрьского переворота. Ленин - умер. Сталин - умер. Хрущев - сброшен в результате дворцового переворота. Брежнев - умер. Андропов - умер. Черненко - умер. Горбачев - сброшен в результате двух заговоров ("августовского путча" и "беловежского сговора").

Таковы традиции смены царей и вождей. До сих пор спокойных, легитимных перевыборов царя в России не было ни разу. Ельцина, кстати, тоже "отрешали от должности" (сентябрь 1993), на что он ответил вполне по-русски, вполне в духе традиции...

Правда, Ельцин же традицию и нарушил. Если не было перевыборов царей и генсеков, то ведь никогда, ни разу не было и всенародных выборов. Поэтому наивно-льстивое выражение "всенародно избранный президент" - поразительно глупое, если бы речь шла о президенте США или Франции, и полно смысла,

когда речь идет о России. Точнее - оно полно не смысла, а надежды...

Так что же будет делать Ельцин в июне 1996? И дальше ломать традиции, проводить выборы, подражая всяким там Древним Грециям и прочим Америкам-Европам? Или вспомнит, наконец, о наших лучших традициях, о самобытной культуре российской - и отменит эти дурацкие выборы к едрене-фене?

"Рано или поздно я уйду из политической жизни. Уйду по регламенту, по конституции, по закону. Я точно хочу создать прецедент нормального, цивилизованного, спокойного ухода политика".

Прочитав эти строки в "Записках президента", невольно усмехнешься - Ельцин "точно хочет" создать прецедент спокойно-цивилизованного ухода, но, судя по октябрю 1993, у него это не очень-то получается! Хотел сконструировать детскую коляску, - а получился опять пулемет, как в известном анекдоте...

Но, может быть, не стоит спешить с насмешками. Жажда власти, желание сохранить личную неограниченную власть - это очевидно. Но ведь и на самом деле: если ты все-таки хочешь уйти цивилизованно, ты должен быть хотя бы убежден, что после тебя придет цивилизованный преемник. А вполне цивилизованно очистить поле для Хасбулатова-Руцкого и маячащих за их жалкими спинами "непримиримых" молодцов - ответственный ли это шаг, ведет ли он к цивилизованной России? Может быть в этом-то конкретном и исключительном случае танки - высшее достижение цивилизации? Увы, проблема лишь в том, что вся история России - череда вот таких "исключительных случаев" ...

И вот - что же в конкретной ситуации 1996 года должен был бы сделать идеально-бестелесный президент, думающий об одном лишь благе страны и демократии, и что будет делать вполне телесный Б.Н.Ельцин?

Гадание на вторую тему - занятие столь же увлекательное, сколь и опасное, ведь к тому времени Вестник выйдет, пожалуй, действия Ельцина будут у всех на виду. А то, что я, пытаюсь их предсказать, попаду пальцем в небо, вот это можно предсказать со 100% гарантией. И тем не менее, потешим читателя неосуществленными пророчествами ...

Но начну все же с ответа на первый вопрос. "Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен..." - да, в самом деле, что бы произошло в этом любопытном случае?

Тут надо опять же подходить к делу конкретно. Лучший и свободный (от обязательств перед своей камарильей) человек, конечно, готов уйти, если понимает, что его время вышло, но умнейший-то поневоле задумается: что же это я так спешу с трона? Для кого я спешу?

Вот с этим, честно говоря, плоховато.

Остап-Сулейман-Берта-Мария Вольфович Бендер-бей? Не самый лучший наследник. Впрочем, шансы его равны нулю. Васюкинцы раскусили, наконец, своего гроссмейстера, - для этого было довольно времени.

Явлинский, честно признающий еврейку маму? Впрочем, его шансы были бы близки к нулю даже и без этого. Для большинства избирателей он все-таки "мальчик".

Скоков? "К концу 1992 года у него (Скокова - Л.Р.) появилась одна странность в поведении. При встречах со мной он настолько горячо, настолько часто твердил: "Борис Николаевич, вас окружают враги, я единственный, кто вам предан", что это вызывало разные мысли: может, у него мания преследования?" Мн-да-а ... Впрочем, какая бы мания у этого "умницы" (по определению того же Бориса Николаевича) ни была, шансов у него тоже нет - народу трудно выбрать того, кого не знаешь.

Зюганов? Это немного теплее. Но все-таки президентом Россия коммуниста не изберет, - к таким выборам отношение посерьезнее, чем к думским: тут и молодежь придет, да и старики призадумаются. И все-таки Зюганова можно запомнить как претендента.

Лебедь? Вот это почти горячо. "До чего ж на меня похож". А и впрямь - этот суперпопулист здорово похож на "народного Бориса" выпечки 1989-90 года. Та же косая сажень в плечах и речах. Правда, окружение другое, советчики не Сахаров и Попов, а Скоков да Глазьев. Пожалуй, поналомает дровишек десантник, поналомает хребтов ...

Кто же у нас остался?

Номенклатурные кандидаты - Черномырдин, Лужков.

Конечно, "Наш дом" обвалится 17 декабря почти наверняка, но это еще ничего не значит. Повторяю, на президентские выборы Россия все-таки приходит более трезвой, чем на ни к чему не обязывающую потеху выборов Думских. Так что, показав 17 декабря кого ЛЮБЯТ, 16 июня могут показать кого УВАЖАЮТ. Тут и у Черномырдина определенный шанс появляется - особенно, если он будет единственным кандидатом от партии начальства, от "ответственных" людей, про которых всякий ханыга понимает: раз кто-то должен править, то все равно это будут делать они, больше-то некому.

Итак, у Черномырдина шансы есть. Идеального, "бесплотного" президента, который понимает, что сам он народу до смерти надоел и, смирившись с этим, ищет не преемника любимому (что невозможно!), но продолжателя своего курса, своей политики, такой Черномырдин вполне бы устроил.

Устроил бы "бесплотного" президента и brutальный Лужков. Другое дело, что кандидат от партии власти должен быть один - или Черномырдин, или Лужков. Большевики страшно

боялись "раскола партии" - правильно делали. Точно так же боится раскола партии власти, раскола номенклатуры и ныне правящая номенклатура. В самом деле, когда в 1992-93 номенклатура раскололась на президентскую и хасбулатовскую, в образовавшуюся щель активно хлынула вонючая коричневая жидкость, размывая все на своем пути. Урок был слишком нагляден. Если номенклатура расколется в предверии президентских выборов, если от партии власти будет выставлен не один кандидат, а несколько, то возникнет великое смятение в мозгах добрых избирателей, и оба начальственных кандидата (или даже большее их количество) пролетят со свистом - на радость кандидатам оппозиционным.

Итак, идеальный президент должен выбрать себе преемника (желательно между Черномырдиным и Лужковым) "и, - в гроб сходя, благословить". Это обеспечило бы и сохранение в какой-то форме национальных традиций (царь и никто иной определяет своего преемника) и дало бы возможность относительно безболезненно провести первые в истории России "добровольные выборы" царя.

Однако перед нами отнюдь не идеальный президент, а очень даже реальный Б.Н.Ельцин. Если присмотреться к его действиям за последний год, то картина вполне ясная.

Конец 1994 - начало 1995. "Наезды" на Лужкова. Очевидно, что они как-то инспирированы службой безопасности президента. Эта служба четко понимает свою задачу - охранять не только тело государя, но и - что много важнее и сложнее - охранять трон от возможных незаконных претендентов. Незаконным же является ЛЮБОЙ претендент, действующий вполне открыто и мирно. Он незаконен, преступен не потому, что нарушает формальные, никому ненужные бумажные законы. Его преступление в том, что он нарушает единственный реальный закон - царь один, пожизненный, никто (кроме заведомых аутсайдеров) не смеет претендовать на трон. То есть реальная психология президентской охраны и, видимо, всего президентского окружения - вполне ортодоксально-монархическая, вполне в духе традиций. Так как были определенные неприятные сомнения относительно Лужкова - "на него наехали". А после того, как точно выяснилось, что на корону он не претендует, сразу и отъехали.

Вот если такова подлинная президентская политика, то ее "обновить" уж никак невозможно.

Президент был, есть и будет один, единый и неделимый - царь Борис. Маленькая неувязка в том, что царей раз в 5 лет не выбирают. Значит, и Ельцина не будут. Политика будет направлена на одно - отменить проклятые выборы.

Как это реализовать ?

Ну, тут под рукой у президента достаточно мастеров своего дела. Первое, что вполне очевидно - и выборы в Думу

никакие не нужны. Ведь если выберут легитимную Думу, то она уж, точно, не позволит отменить выборы президента (хотя бы из такого здорового чувства: мы корячились, тратили деньги и нервы, подлизывались к этим, ну ... как их - избирателям, а ОН не хочет?! Ишь, умник выискался!). Благо еще, если палки в колеса будет ставить красно-коричневая Дума, тут хоть можно оправдать ее очередной разгон. А что, если такую же подлость выкинет краснобело-синяя Дума, без коммунистического большинства, как ее обломать через колено? Да, Государственная Дума - тяжкая государева дума. Поэтому-то загодя занесено конституционное полено над бедовыми головами будущих народных избранников. Выборы еще не состоялись, но их честно предупреждают - "иду на Вы": Конституционный суд, в полном сознании своей высокой ответственности, объявляет, что готов будет по завершении выборов рассмотреть вопрос об их конституционности. В сущности, это заявление, скорее, истерическое : если уж твердо решили разогнать Думу "к чертовой матери", то зачем об этом трезвонить заранее? Это говорит о том, что вопрос о разгоне не решен, высшая власть полна сомнений и, так сказать, провоцирует, подталкивает такого рода бодрящими заявлениями сама себя ...

Однако логика проста. Выиграть президентские выборы против Лебеда сложно, а рисковать невозможно. Значит, выборам не быть. Но Дума не разрешит их отменить. Значит, придется разогнать Думу. Но это лучше сделать как можно раньше, по крайней мере прямо не связывая роспуск Думы с отменой президентских выборов. Значит - надо закрыть лавочку сразу после ее открытия (раз уж открытие не удалось упредить заранее).

Конечно, рискованно вот так беспепелляционно реконструировать ход мысли президента и его окружения. Но, во-первых, я уже сказал, что прогнозы никогда не сбываются, они лишь иллюстрируют типичные мысли (иллюзии), блуждающие в обществе. Во-вторых, я старался идти вдоль логической нитки, никуда не сворачивая.

Вполне возможно, что президент, от которого требуются не только элементарные рассуждения, но и решения, не будет столь логичен в своих поступках. Ведь самое простое было бы - загодя отменить выборы под любым предлогом (вот против этого Дума, которой бы дали еще два года жизни, точно, возражать не стала - особенно при тайном голосовании). Однако не рискнул, не пошел по такому надежному пути, спотыкаясь, двинулся "навстречу выборам". Может быть, и дальше не решится. Будет выдавать свои тайные желания, грозя распустить Думу, то по суду, то еще как-то (повторение угроз в адрес ВС на протяжении всего 1993), но действий так и не предпримет. Только - что ж тогда делать с невозможными президентскими выборами? Отменять, имея в тылу Думу?

Рискнуть на проведение?! Поставить корону (а если нужны слова высокие, извольте-с: "поставить судьбу России!") на карту, в зависимость от какой-нибудь Марь Ивановны? Да, дилемма!...

Я думаю, что эти гамлетовско-раскольниковские сомнения всерьез мучают нашего президента. Но ведь это - только половина картины, заведомо неверная: активен здесь один президент, остальные ждут. На самом деле, конечно же, активность будут проявлять и те, "другие" - бесстыдные самозванцы, претендующие на корону, - партии, Дума и т.д. А действия президента - будут только результирующим вектором всех этих сил...

Что ж - ответил ли я на вопрос об "обновлении президентской политики"? Во всяком случае, краткий ответ такой: в канун выборов эта политика сводится к одному вопросу - быть или не быть? А для того, чтобы "быть", надо отменить выборы, а значит, и Думу, а значит, и Конституцию, а это значит - завершить переворот, начатый 3-4 октября 93-его и брошенный на полпути. Так все-таки: быть или не быть? Вот в чем вопрос!

... И здесь героя моего,
В минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

P.S. Но что же понимать под "берегом"? На обложке журнала "Деньги" написано: "Есть ли жизнь после выборов? Есть. Если у вас есть второе гражданство".

И.Г.Яковенко

**ИДЕОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИМИРЕНИЯ
КАК НОВЫЙ КУРС РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА**

С первого взгляда, понятия общественного примирения и обновления общества могут показаться не только не связанными между собой, но и не сопоставимыми. Прежде всего, такой ход мысли естественен для сознания, обремененного манихейскими рефлексамии. Психология борьбы до победы, убеждение в том, что благорастворение воздуха и изобилие плодов земных установятся в нашем отечестве лишь тогда, когда будет изведен последний оборотень - слуга Мировой закулисы (демократ, красно-коричневый, инородец, номенклатурщик, новый русский; ненужное зачеркнуть), в той или иной мере присущи многим.

Однако, обращение к основаниям русской культуры и непредубежденный подход к отечественной истории раскрывают глубочайшую смысловую и, если угодно, мистическую, закреплённую в мифах и религиозных рефлексах, связь между идеями примирения и обновлением культурного космоса, Власти и общества.

Да, опыт стран, успешно прошедших "переходный период", убедительно свидетельствует, что идеология общественного примирения является неотъемлемой частью общей стратегии перехода к демократии. Примирение противоборствующих социальных и политических сил выступает в качестве универсального условия преодоления тоталитарного или авторитарного прошлого. Примирение обеспечивает необходимые идеологические основания для сотрудничества всех конструктивных сил неизбежно расколотого общества, переживающего сложный период структурной перестройки и освоения моделей правовой демократии.

Но это общее суждение лишь констатирует опыт других стран и не даёт ответа на принципиальный вопрос: насколько идеология примирения вписывается в культурные, политические и нравственные традиции российского общества. Каковы же место и роль идеи примирения в российской культуре? Ответ на эти вопросы содержится прежде всего в отечественной истории, а также в культурной традиции.

Но, прежде чем мы обратимся к исторической конкретике, сформулируем одно общее положение. Каждый человек (и любая культура) живёт в поле двух полярных, противоположных по своей природе тенденций. Одна - предполагает интегрирование общества на основе борьбы и тотального подавления всех сил, которые мыслятся как нетождественные идеологии, борьбы, переживаемой как

сакральная суть государства. За этой тенденцией в литературе утвердилось название "манихейская". Полнее всего она выражена в обществах тоталитарных. Другая - предполагает консолидацию общества на основах формирования некоторых приемлемых для подавляющего большинства норм, принципов и правил игры. Вторая тенденция не имеет специального обозначения. Полнее всего она выражена в обществах либеральной или правовой демократии.

В чистом виде ни одна из этих тенденций не представлена. Полная и окончательная победа манихейской парадигмы означала бы распад социальности. В любом, самом тоталитарном, обществе присутствуют элементы общественного согласия, примирения власти с теми или иными "пережитками", традициями, чуждыми социальными силами. Такое примирение может осознаваться как тактический ход, как временная, вынужденная мера. Но если тоталитарное государство идет в воплощении манихейского идеала *до конца* - оно терпит крах. Среди ближайших примеров этого - Кампучия. С другой стороны, в любом обществе неизбежно бытуют непримиримые позиции и социальные интересы. Вне элемента насилия, подавления и отсечения от общественной жизни тех сил и тенденций, которые противостоят доминирующему консенсусу и ведут к распаду общества, государство не возможно.

В реальности жизнь любого общества содержит в себе элементы и первого, и второго. На разных этапах их соотношение может колебаться, а устойчивая пропорция этих компонент задается культурной спецификой и политическими традициями. Обращаясь к российскому опыту, мы обнаруживаем сильнейшее доминирование манихейской психологии на советском этапе нашей истории. Идеи классового боя были идеальным экспликатором манихейства. Пропаганда, система воспитания, вся советская культура формировали чисто манихейское сознание. Власть манихейской идеи была настолько тотальной, что идеология маскировала реальные компромиссы политического руководства, ибо последние затемняли чистоту советских риз.

Осмысливая советский феномен нашей истории, отечественные мыслители вышли на идею глубокой укорененности манихейства в ментальности и традиционной культуре. Достаточно много внимания этому уделил А.С.Ахиезер и многие другие авторы. Все это так, но тезис о манихействе в последнее время грозит превратиться в универсальное объяснение и политологический стереотип. Помня о роли манихейской компоненты традиционного сознания, мы должны соотносить ее с иными тенденциями и феноменами устойчивой традиционной культуры.

Так, говоря о манихействе как о доминанте, мы должны помнить, что утверждение и воспроизводство его в сознании по-

следних трех поколений задавалось всесильной идеологической машиной советского государства. Заклинания о тотальной власти манихейской психологии не дают объяснения популярности современной либеральной прессы. Соотношение тиражей газет "Сегодня" и "Завтра" не укладывается в эту модель. В нее не укладывается то обстоятельство, что политические силы, эксплуатирующие выраженные формы манихейского сознания, постепенно, но неуклонно маргинализуются, утрачивают поддержку молодых и перспективных групп общества, смещаются на периферию политического спектра, становятся знаменем маргиналов, людей самых пожилых возрастных групп. В не всегда обязательных рассуждениях о манихействе русского человека чувствуются интеллигентские страхи, психологически понятные, но мешающие объективному и непредубежденному взгляду на вещи.

Для того, чтобы осознать реальное соотношение манихейской и антиманихейской - медиационной, базирующейся на идее диалога и примирения - компоненты российской ментальности, обратимся к отечественной истории.

Смерть Ивана Грозного подвела черту под целой эпохой. Вылившийся в войну против собственного народа, опричный террор привел к обезлюдиванию центра страны. Ливонская война была проиграна. Набег хана Ахмета, разграбившего и сжегшего Москву в 1580 году, вскрыл меру хаоса и бессилия государства. Правление, а затем и царствование Бориса Годунова явилось разительным контрастом предшествующей эпохе. По словам академика С.Ф.Платонова, "вместо казней и оргий Грозного наступила тишина и спокойствие; люди "начаша от скорби бывшая утешатися и тихо безмятежно жити". Жестко реагирующий на любые реальные посягательства на свою власть, царь Борис утверждает в стране порядок и законность, прекращает войну престола с боярством и тем самым задает новую атмосферу - атмосферу *примирения*. Это - первый безусловный пример государственной политики, базирующейся на идее примирения.

Двигаясь далее по стреле исторического времени, мы многократно обнаруживаем факты использования политики гражданского примирения. Это мог быть и отдельный жест, и тактический ход временно ослабнувшей власти, но могла быть и сознательная политическая стратегия. Так, вступивший в Москву Дмитрий-самозванец не только возвращает "ради царского венчания" из ссылки всех пострадавших от Бориса, что было естественно и в логике борьбы за власть, но вскоре выпускает из-под стражи князя Василия Ивановича Шуйского, который убеждал народ не пускать самозванца в Москву и был арестован самими москвичами, устроившими Дмитрию торжественную встречу.

Идея политического примирения доминирует в политике первого Романова. Надо сказать, что уже идеология ополчения несла в себе идею примирения общества перед лицом польской агрессии и развала страны. Казачий ставленник Трубецкой и лидер земского ополчения Пожарский объединяют свои "приказы" в единое временное правительство. Сама идея Земского собора для "государева обирания" предполагает объединение общества вокруг ценностей веры и государства, диалог и всеобщее согласие. Избранный на царство, Михаил Федорович *объединяет* страну. Новому царю служат и люди, пожалованные боярством Тушинским Вором, и сторонники идеи призвания на русский престол польского королевича Владислава, и казачий лидер - князь Трубецкой. Михаил Федорович не распускает Земский собор и в течение десяти лет правит в разоренной и напуганной смутами стране с его помощью.

Обратимся к более близким в исторических масштабах временам. Эксцентричная политика императора Павла привела к острому отчуждению "общества" - то есть дворянства - от трона. При дворе созревает заговор, и оказавшийся в изоляции император убит. На трон вступает Александр I, который в своем первом манифесте обещал управлять "по законам и по сердцу" Екатерины, то есть отрекся от суровой политики отца. Далее отменяются вызывавшие протесты указы Павла, восстанавливается действие "жалованных грамот" 1785 года, даруется амнистия всем, пострадавшим в предшествующее царствование. Слова Пушкина "дней александровых прекрасное начало" - именно об этом. Высшая власть не только декларирует, но и формирует атмосферу общественного примирения. Гражданский мир необходим Александру не только по моральным соображениям. Царь вынашивает широкие планы либеральных по своему духу государственных реформ, а эти реформы предполагают общественное согласие.

Следующий эпизод связан со вступлением на трон Александра II. Ретроградная политика Николая I, ставка на бюрократию привели к глубокому отчуждению между властью и обществом. Крымская компания выявила, что крепостническая Россия зашла в тупик. Александр II срочно заканчивает войну, амнистирует декабристов и открывает "эпоху великих реформ". В основании реформ лежит политика привлечения общества к проблемам гражданской жизни, "гласности", последовательная линия правительства на реформирование общества. Но, прежде всего, базовым условием либеральных реформ в России была политика гражданского мира. Амнистия декабристов снимала гражданскую войну, знаменовала политическое примирение власти и общества. Этим актом за декабристами негласно признавались своя правда и свое достоинство. Из преступников враги престола превращались в равноправных граждан.

Последний в истории самодержавной России этап, на котором реализуется политика общественного примирения, открывается манифестом Николая II от 17 октября 1905 года. Манифест вырван обстоятельствами. Жесточайший революционный кризис вынуждает царя даровать основные буржуазные свободы и обещать созвать Государственную думу. Это были те самые условия, на которых большая часть российского общества была готова выйти из революционной борьбы и вступить в диалог с правительством. Решение социальных и политических проблем перемещалось из пространства борьбы на уничтожение в пространство правового политического процесса.

Для кого-то может показаться неожиданным, но политика примирения достаточно активно реализовывалась и в советское время. На разных этапах советской истории власть прибегает к тактике примирения, использует его символы, спекулирует на надеждах, связанных с примирением как стратегией политического развития. Здесь можно вспомнить и отдельные ходы и длительные политические компании.

В 1920 году, в начале советско-польской войны, было опубликовано обращение генерала Брусилова. Герой первой мировой обращался к соотечественникам с призывом стать на защиту новой, Советской России. Обращением воскрешаются идущие еще от Смуты стереотипы восприятия польской опасности как смертельной угрозы, реабилитируется понятие "соотечественник". И, наконец, в обращении звучит призыв к гражданскому миру перед лицом иноземного вторжения. Советское правительство использует государственнический патриотизм части русского офицерства и отработывает идеологему примирения во имя ценностей державы, ее целостности и т.д.

Конец эпохи военного коммунизма и переход к нэпу нес в себе мощнейшую компоненту политики общественного примирения. Отход от продразверстки завершал войну правительства с крестьянством. Такие разные элементы новой политики как легализация рынка, разрешение частнопредпринимательской деятельности, некоторое ослабление жесткости цензуры, появление частных издательств, наконец, реформа карательных органов, в результате которой на смену символа тотального террора - ЧК - приходит поставленное в определенные рамки ОГПУ, все это подводило черту под гражданской войной и задавало новую атмосферу. НЭП - длительная эпоха, порождавшая большие надежды, как внутри страны, так и за рубежом. Такое явление, как сменовеховство, было невозможно вне курса, который читался как движение к обществу примирению и порождал надежды на либеральную эволюцию большевистского режима.

Следующий этап, на котором советское правительство отработывает идеологему примирения, связан с Великой Отечественной. Символом примирения перед лицом смертель-

ной угрозы стали первые слова сталинского обращения к народу - "Братья и сестры". Сталин возвращает из лагерей часть репрессированных военачальников. Легализуется и возвращается к жизни разгромленная и загнанная в подполье церковь. Священников вытаскивают из лагерей и ставят на приходы. Часть заключенных амнистируют и призывают в армию. Сталинское правительство делает благожелательные жесты по отношению к патриотически ориентированной части белой эмиграции. Всеми силами отрабатывается идея единения всего народа перед лицом смертельной опасности. Современники свидетельствуют: во время войны в обществе жило убеждение в том, что после победы начнется совсем другая, новая жизнь. Люди полагали, что будут распущены колхозы, и вообще, жизнь станет свободнее. В фундаменте этих надежд - те элементы национального примирения, которые диктовала правящему режиму война.

Наконец, мощнейшая компонента национального политического примирения лежала в основе политики Перестройки. Начиная свою историю с борьбы на уничтожение "врагов трудового народа", КПСС завершает ее курсом на примирение. Перестройка начинается с декларации примата общечеловеческих ценностей по отношению к классовым и с возвращения в Москву академика Сахарова. Все эти события на нашей памяти. К сказанному можно добавить только одно - именно последовательный курс на гражданский мир обеспечил бескровный уход КПСС с исторической арены. Чем был чреват альтернативный сценарий, показал опыт Румынии.

Приведенный обзор далек от исчерпания темы, но он показывает: идеология (и практика) общественного примирения традиционна и глубоко укоренена в отечественном сознании. В критические периоды российское общество снова и снова прибегает к единственно конструктивной, антиманихейской парадигме. Другое дело - судьбы общественного примирения: до сих пор этапы примирения завершались либо взрывом радикализма, либо реакцией тоталитарной по своей природе власти, которая, набрав силы, возвращается к привычной практике подавления народа и атомизации общества. Но это - особая тема, требующая специального разговора. Маятник попеременного доминирования манихейской/антиманихейской тенденции задавался средневековым, антиличностным, авторитарно-патерналистским характером традиционной культуры. И выход из средневековья возможен лишь на этапе общественного примирения.

Несколько слов о самой сути политики общественного примирения. Примирение не означает мира всех со всеми. Воеводы Михаила Федоровича бьют подошедшего к Москве атамана Баловня и гонятся за бандами Лисовского, а Семёновский полк громит восставших на Пресне. Примирение

происходит вокруг ценностей государства и гражданского мира. Оно отсекает деструктивные, радикалистские и антигосударственные силы. Подлинное и последовательное примирение формирует гражданское общество, задает разномыслие и общественный диалог, конституирует легальную оппозицию как лежащую в пространстве закона равноправную часть общества.

Примирение возможно лишь тогда, когда эта идея принимается обществом. В ходе размежевания по поводу идеи примирения и политического диалога выясняется судьба государства. Если большинство готово к диалогу – деструктивные и радикалистские силы выдавливаются на периферию, где либо окукливаются, либо перерождаются. Если же большинство общества отвергает идею диалога – правящий режим изжил себя, и тогда неизбежен революционный переворот.

Поэтому сама идея примирения и судьба общественного диалога, вытекающего из примирения, становятся полем напряженной политической борьбы. Крайние всеми силами толкают общество к стачкам, гражданскому неповиновению, ко всему, что может спровоцировать острое противостояние. Установление диалога, а значит, и гражданского мира смертельно опасно для носителей манихейского сознания.

Еще раз: политика примирения может быть как тактическим ходом, так и стратегией. В первом случае примирение мыслится как способ спасти самодержавие, идеократию, авторитаризм ценой временной уступки. Примеры этого рода – гибрид самодержавия и Думы, реализованный между 1905 и 1917 гг., нэп, политика эпохи Великой Отечественной войны. Во втором случае общественное примирение мыслится как механизм самоизменения общества. Примеры – политика Александра II и Перестройка. И здесь обнаруживается одна проблема. *Логическим следствием* такого развития событий является *самоотрицание авто- или идеократии*. Поэтому политические силы, готовые лишь на частичную либерализацию, на определенном этапе начинают метаться. Они либо обращаются к политике "подмораживания" общества – начинают реакцию, либо остаются верными идее гражданского мира и уходят с политической сцены, как Горбачев.

Итак, идея примирения глубоко традиционна для нашей страны и естественно актуализуется в кризисные эпохи. Теперь зададимся следующим вопросом: соответствует ли курс на общественное примирение традиционному образу власти и норм ее взаимоотношения с обществом? Вспомним, что смерть прежнего правителя и вступление на трон нового традиционно сопровождались амнистией. Эта амнистия ожидалась, ее чаяли. И здесь обнаруживается несколько смысловых пластов. Сама амнистия читается как акт милости, в том числе и к врагам престола, а значит, и государства. Акт милости – исключительная прерогатива высшей власти. В амнистии новый

правитель символически заявляет себя в образе милосердного, христианского царя. Прощение врагов - ритуальный акт, свидетельство обновления космоса. Тот самый момент идеального, райского бытия, который вершится в ходе ритуального разворачивания мифа. С новым правителем жизнь как бы начинается сызнова, начинается всеобщим примирением и прощением грехов.

Чем кончается "Сказка о царе Салтане"? Ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой, повинившиеся во всем и разрыдавшиеся, "для радости такой" отпускаются домой. Пушкин демонстрирует здесь тонкое чувство народной культуры. Милосердие на Руси понималось как один из ключевых атрибутов Спасителя. Власть, как воплощение христианского этоса, в идеале - то есть в празднике, в ключевые моменты, в пору наивысшей опасности - должна быть милосердна. Народ ждал этого от власти. При этом акт милости переживается как шаг в направлении идеального бытия, как приглашение ко всеобщему миру и праведной жизни. Все это достаточно далеко от политических реалий правового общества, но показывает глубочайшие истоки *идеи примирения*.

В традиционном сознании примирение связано с идеей общего покаяния. Покаяние - сложная и многослойная сущность. Подчеркнем один момент: всеобщее покаяние разрушает манихейскую схематику. Оно объединяет людей в их несовершенстве. Идея, закрепленная в ритуале "Прощенного воскресенья", предполагает переживание отношения к противнику как человеку, в котором живет своя боль и своя правда. Так идея примирения подводит нас к сумме смыслов и положенностей катарсического характера. Эти смыслы не просматриваются в суженной перспективе сиюминутного бытия, но они живы, работают, задают наши ожидания. Образ примирения переживается не как прагматическая, рациональная ценность, но как религиозная, сакральная сущность, атрибут чаемой, совершенной жизни. Надежды на примирение и идеал гражданского мира вечны и неистребимы. Предъявляемые искренне и неспекулятивно, они вызывают мощнейшую ответную реакцию.

Обратимся к современной политической реальности. Сегодня речь должна идти о примирении всех сил, готовых к существованию в правовом пространстве. При этом силы, раздувающие социальную, национальную, конфессиональную рознь, призывающие к насильственному свержению существующего строя, должны подавляться со всей энергией и решимостью. Нам дан классический образ этой политики в лице П.А.Столыпина. Подавление деструктивных сил - прямой долг власти как гаранта гражданского мира. Нравственная и политическая обязанность ее перед обществом.

Для того, чтобы примирение состоялось, необходим широкий консенсус по поводу базовых ценностей, некоторая стерж-

невая концепция развития страны. На наш взгляд, анализ общественных настроений показывает, что сегодня *базой устойчивого консенсуса выступает правовая демократия, ориентированная на рыночную экономику и сильную социальную политику*. Идеи правовой демократии и рыночной экономики логически вытекали из антикоммунистической инверсии. За прошедшие годы они вошли в массовое сознание, стали привычными, обрели силу естественного и очевидного хода вещей. Трудности переходного периода и обнищание широких масс дополнили базу для консолидации страны требованием сильной социальной политики. Сегодня подавляющая часть общества готова объединиться вокруг этих ценностей.

Можно задать вопрос: требуется ли специальная стратегия внедрения идеи примирения в массовое сознание? Скорее всего не требуется. Как было показано выше, идея общественного примирения лежит в сфере глубинных ожиданий. Для того, чтобы разгонять манихейские фобии, необходимы специальные усилия, целенаправленная работа идеологического аппарата. Примирение же принимается с радостью как самоочевидное и естественное состояние. Единственное, что необходимо для утверждения идеи примирения - искренность и воля к последовательной реализации этой политики*.

К этому надо добавить, что *парламентский процесс, атмосфера политического диалога способствуют необратимой дерадикализации противников демократии*. Логика политической борьбы требует от них участия в легальной политической жизни, в парламенте. Вольно или невольно, они вписываются в рамки нормального политического процесса, утрачивают радикальные интонации, обретают респектабельность и превращаются в институциональную оппозицию. Фронт противников правового общества расслаивается, а крайне непримиримые "схлопываются" в узкие политические секты. В этой непреодолимой логике дерадикализации правового общества - залог успеха политики национального примирения.

Надо особо отметить, что инициатива общественного примирения - об этом свидетельствует история России - традиционно принадлежит носителю Высшей власти. Исторический опыт показывает, что ценностным основанием политики примирения всегда служили судьбы государства как целого.

---

* Общественное примирение не возможно на этапе инверсии, или говоря привычным языком, когда сложилась революционная ситуация. То есть тогда, когда общество поглощено процессом принципиального отвержения идеологии и власти, из нее вырастающей. Российское общество совсем недавно пережило антикоммунистическую инверсию и сегодня далеко от инверсий как никогда.

Идея примирения рождалась из осознания глубоких кризисов, несущих опасность существованию нации, общества, государства. И выступая с инициативой примирения, Власть говорила подданным: прежде всего, все мы - русские (православные, советские) люди. Оставим обиды и противоречия и сплотимся во имя выживания, победы и процветания нашей страны. Предъявленные искренне, эти ценности находили свое воплощение в реальной жизни.

Сегодня идея общественного примирения носится в воздухе. Выборы в странах Восточной Европы приводят к власти вчерашних коммунистов, ставших социал-демократами. Такие масштабные фигуры как Лех Валенса проигрывают в том числе и потому, что несут в себе старые счеты, диссидентскую непримиримость, символизируют раскол нации. В этом отношении у Российского президента сильные позиции. Новая власть сделала все для того, чтобы конец коммунистического режима не задел никого персонально. Антикоммунистическая риторика всегда строго дозировалась и присутствовала в гомеопатических дозах. Скорее можно говорить о примирении власти с оппозицией, сформировавшейся уже внутри постсоветского периода.

В широком смысле идеология примирения вписывается в политическую линию на неукоснительную верность Конституции, развитие парламентского процесса и укоренение политических принципов конституционной демократии. Самый простой и верный способ реализации политики примирения в наши дни - новые парламентские выборы. Они перечеркивают старые счеты, восходящие к 93-ему году, и создают новую реальность.

Президентская команда не сформулировала зрелой и целостной оценки событий 1993 года. Они скорее замалчиваются, а потому становятся идеологическим оружием непримиримой оппозиции. Последняя совершает подмену и безо всяких оснований называет разогнанный Верховный совет *Парламентом*. С нашей точки зрения, события 1993 года были вторым этапом антикоммунистической революции в России. На этом этапе была *ликвидирована система советов и завершено формирование парламентской демократии*. Из такой трактовки событий вытекает, во-первых, понимание кризиса 1993 года как исторической неизбежности и, во-вторых, декларативное принятие на себя верховной властью обязательства в будущем действовать строго в рамках новой, полноценной Конституции, обеспечивающей нормальное развитие парламентского процесса. *Этот акт мог бы стать смысловым ядром обновления президентской политики и главным актом гражданского примирения*. Линия на политическое примирение вытекает отсюда. Конституция гарантирует возможность разворачивания политического процесса, в рамках которого все конструктивные силы могут отстаивать свои принципы и инте-

ресы. Она снимает необходимость борьбы на уничтожение и создает возможность цивилизованного диалога, развития демократического процесса, свободного волеизъявления народа.

Каковы шансы на то, что идея примирения не останется "красивой сказкой"? Шансы на устойчивую реализацию общественного примирения находятся в руках политического руководства страны. Неукоснительное следование конституционным нормам и универсальным правилам игры, соблюдение прав граждан, в том числе *прав и свобод легитимной оппозиции* - залог успеха в реализации политики примирения. Но гражданское примирение требует от власти большого мужества и непоколебимой верности ценностям правового общества. В противном случае - политика примирения будет расцениваться как маневр и циничная политическая игра.

Трудно оценить конкретные шансы на реализацию сознательно заявленного сценария общественного примирения. Но с определенностью можно сказать, что сам процесс примирения идет полным ходом, хотя это и не осознается многими, и прежде всего, вечно напуганной, заиклившейся на апокалиптических предчувствиях интеллигенцией. По мере преодоления кризиса, по мере вписания основной массы граждан в новую реальность, по мере "опривычивания", рутинизации новой, постсоветской реальности общество незаметно для себя объединяется на позициях принятия новой жизни. Люди осознают свои интересы и учатся отстаивать их в новых условиях, и неизбежные конфликты воспроизводят, а не разрушают складывающуюся целостность.

НОМО LUDENS: ПРАВИЛА ИГРЫ ДЛЯ ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ

- Каким образом можно было бы провести грань между "обновлением модели" и "косметическими изменениями" в президентской политике? Существует ли какая-либо особая технология модельного обновления президентской политики?
- Есть ли в сегодняшнем идеологическом пространстве России конфликт Президента и Общества? Если да, то какими могут быть средства его разрешения?
- Какие новые идеологические идеи, ходы и символы необходимо будет ввести в обществе в ходе предъявления ему новой модели президентской политики?
- Относится ли проблема консенсуса элит вокруг идеологии и модели обновления к числу решаемых в сегодняшних российских условиях или - к числу в принципе политически нерешаемых в обозримом будущем? Что может и должно определять главное содержание самого понятия "консенсус" в отношении слабо солидаристичных элитных корпораций в сегодняшней России? Какие пути - технологии, способы и механизмы - достижения элитного консенсуса наиболее оптимальны для сегодняшней России?

А.М.Салмин РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Накануне выборов о природе государственных институтов говорят чаще, чем обычно, хотя едва ли с большим, чем обычно, знанием дела.

Многие годы кандидаты на пост президента Франции торжественно обещали немедленно после своей победы сократить срок президентских полномочий с семи до пяти лет. Нет оснований считать, что это делалось неискренне, но главу Французской Республики и по сей день выбирают на семилетие. Знаменитый *septennat*, возможно, отменят, когда избиратели позволят кому-нибудь управлять собой в течение трех сроков подряд. Двух семилетий Миттерана, во всяком случае, оказалось для этого недостаточно.

Совершенно излишне подчеркивать, что и сегодня в России вопрос о президентстве - преимущественно предвыборный, то есть пропагандистский. Чтобы он стал политически актуальным, сторонникам изменения формы президентства и даже отмены самого института (коммунистам, например) надо, во-

первых, победить, во-вторых, захотеть выполнить свои обещания, а в-третьих, суметь это сделать. Самое сложное в этом списке - второе и третье.

"Сильное" президентство вообще порождает два одинаково непреодолимых, но, при этом, плохо совместимых друг с другом соблазна. Один - желание ослабить его, когда находишься в оппозиции. Другой - воспользоваться его преимуществами, когда получаешь реальную власть. Вопреки поверхностным впечатлениям, модель оказывается достаточно устойчивой, поскольку удовлетворяет, в случае их успеха, и наиболее горячих сторонников, и большинство своих самых последовательных критиков.

Иногда считают, что политический режим дискредитируется злоупотреблением силой, но обычно это не так. Чаще его обесценивает бессилие: манкирование главой государства своими обязанностями в силу их неадекватности реальным задачам, или попытка носителей власти более или менее незаконно изменить её конституционную природу.

Вероятная реакция на такое развитие событий - болезненное приведение конституционной природы президентства в приблизительное соответствие с его обнаружившейся сутью. Например - сознательная замена более сильного президентства на более слабое. Так, выход "принца-президента" Луи Бонапарта за рамки собственно президентской власти в 1851 г. и провозглашение им себя, год спустя, императором обернулись Седаном, Коммуной, архитектурным покаянием *Sacre Coeur* - и дискредитацией как империи, так - почти на столетие - и сильного президентства. Роль, которую сыграл президент-фельдмаршал Пауль Людвиг Ганс фон Бенкендорф унд фон Гинденбург в биографии Гитлера и, косвенно, в судьбе Германии, побудила создателей боннской конституции ограничить обязанности не столько канцлера, сколько именно президента. Конституционно более или менее "сильный" президент, оказываясь в этих случаях на деле слабым, либо менял, усиливая, но и упрощая, свою властную природу, либо прибегал к услугам действительно сильного, слишком сильного *помощника*.

Это, собственно, не исключительная особенность президентства. В сходных ситуациях и монархии, как это было в разное время в Италии или Греции, уступали место относительно слабым президентствам. В других случаях власть монархов сохранялась, но становилась номинальной.

Механизм, позволяющий неограниченно долго мириться с режимами, допускающими злоупотребление верховной властью, но мешающий терпеть её позорную слабость, в сущности, прост. В монархиях, сохраняющих на себе отсвет священновласти, любая изначально легитимная власть неслучайна, *злоупотребление* ею - грех властителя, а её

неупотребление, под более или менее очевидным давлением общественного мнения, - нечто более серьезное, с более глубокими последствиями для всего народа (вспомним историю России от новообращенного Святого Владимира, отказавшегося было наказывать разбойников, до императора Николая II, не сумевшего это сделать). В демократиях же способ исправления "заскоков" избранной власти - выборы, законы, разделение властей. Несостоятельным оказывается лишь такой *институт*, которым не может, в сущности, овладеть сам будущий узурпатор, и который не очень хотят защищать подданные. Не умеющий пользоваться пылесосом и потому влезающий в кабину уборочной машины, в конечном счете получает в руки швабру.

"Сильные" президентства создаются обычно в расчете на конкретных вождей - реально или мнимо сильных (как известно, пост президента Второй французской республики выкраивался по мерке "генерала-демократа" Кавеньяка, а достался Луи Бонапарту). "Слабые" - в расчете *на кого угодно*.

Кстати, свержение режима силой - не доказательство его слабости, скорее даже наоборот. Народ в глубине души уверен: *против лома нет приема*, и политика в этом отношении, как и в некоторых других, в принципе мало отличается от кабацкой драки. Президентские режимы, как и прочие, свергали силой в разные времена и при разных обстоятельствах, но спустя время они возрождались как ни в чем не бывало - если только для их радикального изменения не появлялось каких-то специальных причин. Можно даже предположить, например, что переворот, совершенный военно-полицейской хунтой в Чили в 1973 г., в конечном счете укрепил конституционные формулы, дискредитированные при Альенде и опрокинутые мятежниками.

Но там, где харизма слаба или обманчива, в те времена, когда верховная власть не удерживается на высоте своей традиционной или конституционной природы, ограниченно сильный премьер-министр с четко очерченными, уравновешенными - *условными* - полномочиями предпочтительнее "сильного" президента или государя.

Теоретически сегодня можно обсуждать разные варианты радикального или умеренного изменения режима в России в связи с выборами - либо *невыборами* - главы государства в 1996 г.

Можно попытаться *законсервировать* режим, отменив выборы на определенный или неопределенный срок. Трудно сказать, пойдет ли это на пользу неким "экономическим реформам", о которых так любят говорить в таких случаях, но самому режиму в конечном счете вряд ли поздоровится. Режим с демократической легитимацией, добровольно отказавшийся от выборов, но не нашедший для себя другой легитимации, - и есть тот абсурд отречения власти от своей природы, который рано

или поздно разрешится как минимум серьезной коррекцией основ политического строя.

Наибольшим из благ в таком любопытном положении стало бы восстановление монархии, в обозримом будущем едва ли вероятное по причинам, не имеющим ни прямого отношения к нынешнему режиму, ни оснований быть рассмотренными в этом очерке. Наименьшим из зол стала бы замена президентской республики на парламентскую.

Несмотря на предупреждения некоторых специалистов, модель с сильным премьер-министром и относительно слабым, непрямо избираемым президентом, была окончательно отвергнута в июне 1991 года. Сегодня вернуться к ней без *предварительных* серьезных потрясений вряд ли удастся. Одно лишь принципиальное изменение способа избрания президента потребует принятия конституционных поправок, едва ли возможных, учитывая, что основные политические силы примеряют пост "сильного" президента на себя, что бы они сами по этому поводу ни говорили.

В сущности, переход к режиму такого типа реален лишь в двух случаях. Первый - безоговорочная победа на парламентских выборах оппозиции, готовой сплотиться и, во избежание внутренних конфликтов на президентских выборах и после них, заключить некий пакт, к которому, *в силу его убедительности*, присоединится подавляющее большинство "сенаторов", а также регионов (все это - условия принятия поправок к Конституции). Второй - заключение пакта между оппозицией и представителями нынешней властной группы во имя стабильности страны и преемственности власти, - далее события развиваются по первому сценарию.

Трудно сказать, какой из этих сценариев правдоподобнее, но осуществление любого из них, наверное, поколебало бы пессимистические представления многих о характере нынешней российской политики. В обозримой перспективе победитель - кто бы он ни был - вынужден будет, скорее всего, довольствоваться тем президентством, которое у нас есть. Впрочем, мнения о том, какое оно, собственно, у нас, серьезно расходятся (поздравления авторам Конституции 1993 г.!).

О "силе" российского президентства сказано достаточно. Что касается его слабости, то сегодня её часто склонны объяснять личными качествами нынешнего президента: действительными или мнимыми. Институциональная слабость может вполне выявиться при смене главы государства, особенно в случае победы оппозиции.

Кроме нынешней западнически-демократической и теоретически возможной, но едва ли актуальной сегодня традиционно-монархической, у российской власти может быть ещё две легитимации. Одна - коммунистически-"эсэсэсэровская". Другая - романтически-националистическая. Если монар-

хическая несовместима с президентством, но не обязательно с демократией, то с двумя другими дело обстоит сложнее.

Старая РСДРП(б)-КПСС генетически, от "антенатального" периода до полного одряхления, была тоталитарным образованием - сложившимся государством-партией. Про новую КПРФ этого нельзя сказать с уверенностью, а радикальные коммунистические секты все же относительно слабы. Романтический национализм в основном своем русле (хотя и не в маргинальных группах) очень мало напоминает нацизм, которого больше всего боятся: помимо прочего, у него, как и у коммунистов, тоже пока нет готовой своей партии-государства, способной в короткий срок подменить собою основные государственные институты, вытолкнуть их вверх, как плавучий док выталкивает поврежденный корабль. Если оппозиция придет к власти *в результате выборов* (что не обязательно при некоторых сценариях развития) и не попадет в плен к собственным радикалам, ей придется, скорее всего, начать осваивать существующие политические институты, натываясь на юридические препоны и соблазняясь правовыми прорехами и тупиками.

Из трех вариантов развития президентства - резкой и трезвой замены сомнительно "сильной" модели на продуманно-слабую, "подстраивания" под президентство альтернативной системы власти и принятия не очень ясной конституционной реальности в качестве данности - третий выглядит сегодня несколько более вероятным. А если так, то *государственный проект* следующего президентства должен будет включить в себя реальное, а не только конституционное создание "сильной" модели, доведение её до логического - то есть бюрократического - конца.

Для этого надо понять, что наше президентство не сильное и не слабое: оно попросту несложившееся. Его потенциальная роль, в сочетании с зыбкими законными рамками и слабостью общественной опоры, превращает президентские выборы в серьезное испытание для страны каждый олимпийский год.

Проблемы президентства существуют как бы в двух планах - юридическом и фактическом: *paus legal* и *paus reel*, как говорят французы.

Конституционное несовершенство института не объяснишь особенностями общества, его *политической* культуры, переходного периода и т.д. Невежество, неряшливость, неспособность договориться об очевидных вещах в очевидный же ущерб себе - в данном случае более подходящие термины.

Правовые возможности нашего как будто бы "сильного" - по замыслу - президента ограничены:

- конституционным "тормозом" в узкой, но особенно важной у нас сфере: в отношениях с Государственной Думой, точ-

нее - в тех ситуациях, когда она может быть распущена президентом. Здесь наш президент куда слабее, чем обычно представляют, и, быть может, слабее, чем надо для стабильности государства;

- практической невозможностью для самого президента добиться увеличения или даже уточнения своих полномочий путем изменения Конституции из-за крайней сложности процедуры её изменения вообще.

В то же время его *внеправовые* (не обязательно антиправовые!) возможности временами оказываются большими, чем себе обычно представляют, по двум причинам:

- из-за юридической неопределенности, "непрописанности" самого института президентства;

- что в действительности гораздо важнее - из-за ограниченности и, главным образом, нечеткости полномочий других институтов власти в сочетании, конечно, с их реальной слабостью (подробнее см.: Салмин А. Российское президентство: природа и проблемы. "Этика успеха", вып. 5. - Тюмень-Москва, 1995).

В таких условиях, особенно с учетом последнего обстоятельства, потенциально "сильные" ходы президента либо более или менее осторожно выходят за пределы конституционного поля (некоторые как бы временно, до принятия законов или определений Конституционного суда: своего рода вялая разведка боем), либо возможны в "серой" зоне в общем законных, но небезупречных действий (длительное сохранение ведущих фигур в не очень нормальном состоянии "исполняющих обязанности" и т.д.).

Чувствительно ограниченный Конституцией в некоторых ключевых отношениях (во всяком случае более, чем его французский коллега и "прообраз", с которым его часто сравнивают, почему-то считая "француза" менее сильной фигурой), русский президент в то же время мало стеснен в других, не говоря уже о процедурах и обычаях. Наложённые на него оковы не всегда вразумительны: иногда необъяснимо и неоправданно тесны, часто невняты, временами - незаметны. Главное же - еще более невразумительны права, малы возможности и - *horribile dictu!* - слаба воля тех, кто призван его контролировать, сдерживать и уравнивать.

Ставшее правилом возвращение Президентом в Думу законов "по процедурным основаниям" свидетельствует главным образом о неспособности самой Думы безусловно следовать существующей процедуре или создать другую, более внятную...

Все знают, чем было ограничено в императорской России самодержавие, хотя обычно склонны недооценивать другие механизмы, вроде мнений двора, Европы, протяженности территории и неисполнительности чиновничества. Президен-

тство в современной России еще менее ограничено правилами, зато более - законом и еще более - крайней общественной слабостью.

Проект в данном случае сравнительно ясен: завершение государственного строительства, принятие нормального избирательного законодательства, создание системы местного самоуправления и т.д., того окружения, которое станет "играть" президента, и без которого он бессистемно силен и систематически бессилён.

"Сильный" президент особенно нуждается в разветвленной и эшелонированной опоре: аппарате, партии, фракции. Ему необходима сочувственная поддержка абсолютного или относительного большинства, на худой конец - влиятельного устойчивого меньшинства в обществе и парламенте. Между тем, во всех или почти во всех так называемых посткоммунистических странах популярности избранных прямым голосованием "сильных" президентов хватает не очень надолго : чаще на месяцы, чем на годы, а иногда, как белорусскому "популисту" Лукашенко, - на считанные недели. Желательна президентская партия, но она имеет смысл только в политически структурированном обществе. Однако президент должен и напрямую взаимодействовать с обществом, быть, а не только бывать в нем, *стараться* хотя бы так, как "старается", по словам одного москвича, столичный мэр Ю.Лужков.

"Сильный" президент имеет также право рассчитывать на саму собой разумеющуюся поддержку вооруженных сил - в пределах, конечно, своих конституционных полномочий.

Когда в августе 1991 г. окончательно рухнула одна из важнейших опор советско-коммунистического режима, КПСС, в наследство новому строю достался полный набор "силовых структур": политической и общей полиции, армии в широком смысле слова и внутренних войск. Несколько обстоятельств, возможно, спасли режим от более или менее вероятной попытки *настоящего* переворота со стороны этих ничем более не уравновешенных организаций.

В России не случайно, обобщая, говорят в политическом контексте именно о несколько загадочных "силовых структурах", а не, скажем, "вооруженных силах", как в Южной Европе или Латинской Америке. Полиция, особенно политическая, всегда играла несравненно большую роль в нашей внутренней политике, чем армия, будь то русская или советская. "Латинский" образ столицы, окруженной по ближнему периметру армейскими казармами, не очень привычен для нас. Между тем полиция, даже политическая, в принципе менее эффективна, когда дело доходит до насильственного вмешательства в политическую жизнь, чем пехота, артиллерия и кавалерия, авиация и флот. Тем более осложняла задачу множественность

ведомств, образовавшихся на месте относительно монолитного КГБ, и их слабость.

Сегодня перед президентом - как и другими конституционными властями - стоит тройная задача: укрепить "силовые структуры", оздоровить и надежно сбалансировать их, отвратив от соблазна самостоятельного вмешательства в политику. Насколько сложная задача - перевернуть мир, не имея ни прежнего партийного, ни нового общественного рычага, видно по крайней осторожности, с которой подходит к её решению нынешний, вообще говоря не робкий, президент.

Важнейшая, хотя и не очень видная задача главы государства - создать группу власти, в которой были бы тщательно подобраны и уравновешены основные *недеструктивные* группы влияния, в том числе территориальные. Эту весьма деликатную для каждого президентства задачу всякий раз придется решать практически заново, хотя и не обязательно по-новому.

Новому президентству, как, впрочем, и некоторым другим институтам (например - внешнеполитическому ведомству) рано или поздно придется не только признать необходимость некоей *парадигмы* власти (необходимость *идеологии* признавали внутри самого президентства последовательно Г.Бурбулис, М.Полторанин, М.Краснов и, временами, С.Филатов, не говоря о голосах извне), но и попытаться самому создать её. Власть не обязательно должна преуспеть в этом деле, но никто не может преуспеть в нем больше нее и вместо нее.

Интеллигентские *концепции, доктрины, идеологии*, предлагаемые власти извне, соотносятся с парадигмой власти как игра в морской бой с операцией силами соединения кораблей военно-морского флота. Если это и преувеличение, то напрашивающаяся аналогия с тезисом Лессинга об изоморфности (а не гомоморфности) разных искусств может показаться слишком слабой. Интеллигентское системотворчество - не совсем игра, но и строительство, а также отправление власти - вовсе не только искусство в узком, новоевропейском смысле. Оно - индоевропейская *арташастра*: принципы и практический навык системного властвования.

Идеология украшает власть, раскалывая или подавляя общество.

Парадигма выстраивает за собой молчаливое большинство. Возможно, создание парадигмы новой власти затянулось не только по объективным причинам, но и потому, что часть "ближнего окружения" президента пыталась осмыслить её как идеологию или концепцию: изнутри, как извне. Другая же часть действовала на ощупь или наобум.

В парадигме власти есть что-то и от лётной инструкции: осмысленного опыта аварий и катастроф, и от путеводителя по

городу. Президентство, кто бы ни стал главой государства, должно будет ответить на несколько вызовов - сигналов, ставших в последние годы более отчетливыми. Обозначая их, можно, если угодно, употребить модное у нас сейчас англосаксонское словосочетание "национальные интересы".

Помимо прочего и в первую очередь придется начать определяться по отношению к таким отчасти связанным друг с другом темам, как целостность страны, природа государства, легитимность власти, внешняя безопасность.

Проблема сохранения целостности России едва ли может быть решена прямолинейно. Простые решения часто оказываются контрпродуктивными, приводя иногда к результатам, прямо противоположным желаемым.

Так, военная операция в Чечне, официальной целью которой было "восстановление конституционной законности", что означало именно борьбу с сепаратизмом, достигла каких угодно, но только не декларированных целей.

После войны потеря Чечни для России, по крайней мере, как субъекта федерации, подобного другим субъектам, стала более очевидной, чем до нее. Восстановление тонкого этнического баланса, позволявшего, помимо прочего, держаться на плаву чеченской экономике, сегодня едва ли возможно. Военно-политический контроль над территорией - совсем не то же самое, что интеграция этой территории. В Российской Федерации Чечню в лучшем случае ждет участь Прибалтики в составе Советского Союза, но только Прибалтики разрушенной, экономически отсталой, до конца не замиренной.

В то же время, благодаря этой операции, общество получило еще более наглядное, чем в октябре 1993 года, доказательство того, что эпоха перестройки с её официальным, но также, кажется, и искренним народным оптимизмом – оборотной стороной узкого и сухого *прагматизма* конкретных решений - уходит в прошлое.

После долгого - куда более долгого, чем перестройка - периода трудно восстанавливается в неизбежных правах и даже обретает некоторую самодостаточность политика *воли, силы, импровизации*.

Вероятно, впервые после 1920-х годов и большинство общества стало учиться "жить опасно": "жить испуганно", как это было при коммунистах, конечно, совсем не то же самое. Символические Константин Леонтьев и Фридрих Ницше теснят сегодня синтетических *Толстовского и Честершивейцера*, реальные Галковский и Шушарин - советских шестидесятников. Пока ещё трудно сказать, с кем из этих последних у нынешних и завтрашних *прагматиков* будет меньше проблем.

Хотя и нетвердо, в несколько причудливом, смазанном виде, возвращается даже понятие о *чести* в государственном смысле как понимание необходимости для государства, выража-

ясь словами популярного сегодня И.А.Ильина, "противиться злу силою". Участники принятия решения о начале чеченской кампании могли бы, вероятно, рассказать кое-что интересное о ее мотивах.

В более практическом плане некоторая часть общества начала сознать значение и ценность вещей, казавшихся даровыми, не очень нужными в *современном* мире и едва ли не вредными : армии, служб безопасности, вообще сильного государства.

Парадоксальным образом, в длительной перспективе двусмысленная и болезненная чеченская история может привести к укреплению государства в некоторых отношениях и к усилению (наряду с сохраняющейся центробежной) и центростремительной тенденции, хотя и не в звене Российская Федерация - Чечня.

И все же, вопреки распространенному мнению, господствующему, в частности и в *Миннаце*, процесс, приведший к распаду СССР в 1991 г., не остановлен. Дело здесь в двух обстоятельствах.

Во-первых, смягчение напряженности в межэтнических отношениях, считавшейся главной опасностью для страны, вывело на первый план другую, более фундаментальную. "Пестрота" российских регионов, неравномерность приходящегося на них бремени финансирования федерации (и, косвенно, друг друга), в сочетании с затрудненностью и дороговизной коммуникаций, усиливают центробежные тенденции на уровне крупных регионов. Не все в их демаршах можно объяснить вульгарными шантажом и попрошайничеством.

Если бы экономические районы Российской Федерации в её нынешних границах или их группы совпадали с границами титульных территорий крупных этносов, как это было в СССР, возможно, её уже постигла бы судьба последнего, даже несмотря на иной, по сравнению с союзными республиками, юридический статус. К счастью, это не так, к тому же самые крупные и развитые титульные территории этнических меньшинств расположены в глубине страны. И все же опасность собственно регионального сепаратизма сохраняется и потребует от нового президентства принципиального, стратегического решения, ориентированного на их интеграцию. Исполнение этого решения должно быть достаточно продуманным, чтобы показать регионам реальную перспективу их развития в едином государстве, и достаточно жестким, чтобы отбить у них охоту разрушать его.

Во-вторых, существует и, возможно, обостряется проблема идентичности страны, косвенно, но очень ощутимо связанная с проблемой территориальной целостности. Идентичность для сегодняшней России часто понимается как тройная

проблема *границ, политического строя, духовных оснований государственности*.

Между тем в перечисленном порядке общая проблема идентитета едва ли может быть решена в принципе. Порядок решения проблем должен быть принципиально иным. В противном случае (при подходе прагматическом, материальном) страна либо будет долгие годы истощаться в бесплодном собирании безвозвратно утерянных земель (урок позднего Рима!), либо быстро рассыплется, не удержав при этом даже и своего, считающегося "коренным".

Духовные основания - не какая-то абстракция в смысле "повышения духовности": открытия новых театров, цирков, увеличения тиражей газет и т.д., - это очень конкретный вопрос о роли Церкви в образовании, становлении и деятельности государства.

Ныне действующая Конституция закладывает в этом отношении иллюзорные основания государственности. В ней нет главного - выработанного историей, выношенного представления о природе церковно-государственного устройства, о легитимности власти.

Американская либеральная формула "In pluribus unum", наверное, хороша и, в сущности, неизбежна для Соединенных Штатов: там она органична, отражая конкретную историю и являясь основой реального государственного синтеза. В Европе, включая Россию, положение другое. В таких разных странах, как Германия, Греция, Испания и некоторых других, статус церкви в государстве регулируется особым образом в конституциях. В Англии и Шотландии он также особый, хотя и не определяется в основном законе в силу отсутствия последнего. В Италии и ряде других стран особую роль играет конкордат, а во Франции сегодняшняя секулярная республика не решается посягать на наполеоновский конкордат 1804 г., сохраняющий силу в Эльзасе.

Нельзя забывать также, что и конкретная формула отделения церкви от государства в той же Франции (1905 г.), да и сама формула республиканского правления, принятая в 1892 г. церковью, стали результатом определенного *развития* церковно-государственных отношений, общим для всех граждан политическим вектором национальной истории, а не следствием поверхностного, случайного компромисса, достигнутого в узком кругу столичных политиков.

Формально гарантированный духовный плюрализм (не путать с действительно обеспеченной свободой совести или/и веротерпимостью) не связан с последовательностью отечественной истории, как истории складывания определенной территории, становления государственной власти и образования народа. Церковно-государственная невнятица в длительной перспективе способна, однако, незаметно обернуться "расслаб-

лением" даже русской России и, возможно, хаосом на всем пространстве северной Евразии.

Можно спорить, насколько неизбежен был распад СССР в 1991 г. Вопрос о том, *почему* он распался, часто подменяется принципиально иным: кто виноват в том, что он распался в августе-декабре 1991 г. Развал СССР между тем был "закодирован" в формуле российской государственности, как она складывалась, по крайней мере, в последние полвека существования империи. "Команда", введившая код в действие, поступала дважды: в 1917 и в 1991 гг. Кризисы государственных институтов, причины которых были каждый раз достаточно своеобразными, высвобождали центробежные силы, существовавшие вполне объективно, но до поры сдерживавшиеся вначале устроительной и завоевательной энергией сакральной империи, а затем воплощением универсальной, космополитической идеи коммунизма.

Если уж есть желание рассуждать в терминах вины, то за существование самого "кода" несут свою долю ответственности те более и менее далекие наши предки, которые чрезмерно увлеклись расширением державы, включая в нее обширные территории и крупные, сложившиеся народы, заведомо ориентированные вовне - на культурные центры, расположенные за пределами России, и притом - на разные центры. Виноваты, конечно, и "ассимиляторы", не по разуму бодро превращавшие империю в национальное государство и в итоге лишь усилившие центробежные тенденции (их пример - другим наука!). В конкретных условиях XX века распад объяснялся преимущественно на языке национального самоопределения, но его причины - более общего, культурно-религиозного характера.

Но если дело обстоит так, то оптимизм по поводу того, что худшее позади, несколько преждевременен. Процесс, разрушивший СССР, не остановлен в принципе, он лишь сменил имя и ушел вглубь. Не всегда учитывают, что крушение коммунизма - реально, а не по-леонтьевски романтически "подморозившего" страну, подавлявшего все религии без разбора, не дававшего возможности развиваться церковно-государственным отношениям - высвободило потенциально огромные *политически* невоспитанные силы.

История укрепляющихся протестантских деноминаций, к примеру - не говоря об иноверных конфессиях - не связана органически с основным руслом истории национального русского государства, при том, разумеется, что представители этих конфессий да и соответствующие церкви и общины в целом могут быть патриотами ничуть не меньшими, чем кто бы то ни был.

Дело здесь не в таких субъективных моментах и уж, конечно, не в праве исповедовать свою веру, а в государствообразующей роли *духовной истории*. Сегодня, когда

конфессиональный состав некоторых российских регионов, в том числе на Дальнем Востоке, быстро меняется, а мысль о плодотворности "протестантской этики" для экономического развития превратилась едва ли не в практический лозунг (при том, что именно практически он вполне наивен), проблема становится политической.

Опасности, связанные для России с изменением её культурно-религиозного типа, более или менее очевидны. Но если мы хотим их избежать или уменьшить их отрицательные последствия, необходимо найти "волшебную формулу", проясняющую смысл исторического государственно-культурного синтеза и, помимо прочего, четко определяющую статус Православной Церкви в государстве.

Такая формула, предполагающая, возможно, государственно-правовое оформление четко обозначенных *двусторонних* отношений между государством и организованными конфессиями - своего рода "первый этаж", на котором должна выстраиваться конструкция федеративных и межэтнических отношений. Можно даже сказать, что права всех конфессий и всех этносов могут быть надежно защищены лишь при стабильном, исторически обоснованном государственно-церковном синтезе. Только такой синтез поможет, помимо прочего, отделить зерна от плевел: конфессии, исповедующие Бога, от разрушительных "тоталитарных" сект, перед которыми сегодня государство и общество практически беззащитны. Только он в длительной перспективе поможет избежать погружения в хаос межрелигиозных и межэтнических конфликтов.

Подходить к такой формуле надо осторожно, с учетом всей совокупности внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Россия, скажем, намерена вступить в Совет Европы и, возможно, в другие европейские и международные организации, что в целом достаточно разумно. Это вступление нужно нам, помимо прочего, чтобы избежать изоляции - исторического кошмара российской внешней политики. Но надо отдавать себе отчет и в том, что участие в Совете Европы предполагает принятие довольно жестких требований по части гарантий религиозного "плюрализма", с чем уже столкнулась, например, Греция. Внимания в этой связи заслуживает опыт тех стран, включая перечисленные выше в этом очерке, у которых отношения с Советом Европы складываются нормально, при сохранении особых отношений между церквями и государством.

"Волшебная формула" едва ли возможна у нас сегодня в том смысле, в каком это словосочетание употребляют, например, в Швейцарии, где речь идет о языковой, конфессиональной и региональной композиции федеральных органов власти: тонко выверенной, согласованной на всех уровнях управления и во всех общинах. Или в том, в каком иногда пытаются найти идеологическую "мантру" российской идентич-

ности, склоняясь к чему-то вроде "духовности, народности, державности" (см. например: "Интеллектуальный мир", 1995, №6). Это и подобные заклинания - *неудачная* пародия на *не вполне удачную* формулу графа С.С.Уварова: "Православие - самодержавие - народность".

К положительным особенностям этой последней следовало отнести то, что она была в целом конкретна: суммируя опыт и устремления Священного Союза, переложенные на российскую действительность, она противопоставлялась идеям *европейской* революции (в токилевском смысле) с её опасно абстрактным - в те времена - лозунгом: свобода, равенство, братство.

Чему противопоставляются ее обновленные варианты - не вполне ясно. Говорят, что это реакция не столько на идеи, сколько на состояние общества: бездуховность, атомизацию, отсутствие уважения к власти. Но в том и дело, что плодотворная политическая *идея* может быть временной, ограниченной по замыслу, охранительной по сути реакцией на другую, отчетливо, хотя, конечно, и метафорически выраженную, разрушительную *идею*. Такие реагирующие идеи - антитела, не претендующие на невозможное в принципе постижение полноты. Они - перехватчики, "сбивающие" идеи-агрессоры. Такие идеи лишь отсылают к духовной или интеллектуальной традиции, не претендуя на её исчерпывающее выражение. Что до формулы "духовность, державность, народность", то, как будто бы, никто из лиц влиятельных не проповедовал пока открыто животности, анархии, робинзонады. В сущности, эта и подобные ей формулы по своей абстрактности не хуже и не лучше той, против которой была направлена уваровская.

Не менее важно и то, что сама уваровская формула была в целом не очень удачна, а отчасти - может быть, даже и разрушительна для России, если в те времена формулам придавали большее значение, чем сегодня. Дело здесь, конечно, не столько в самом Сергее Семеновиче Уварове, сколько в том смутном общественном настроении, которое он выражал.

В его формуле понятно, что такое Православие. В общем, понятно, и что такое самодержавие, хотя в свете акта о престолонаследии 1797 г. здесь уже возможны некоторые вопросы. Но что такое в ней, как, впрочем, и в сегодняшнем субституте, народность? Это, конечно, не народное представительство, не земство, но и не господство этнических русских (мысль, казавшаяся в первой половине XIX века достаточно прихотливой: за нее, причем в конфессиональном обрамлении и лишь в приложении к прибалтийским губерниям, император Николай Павлович устроил выволочку юному Ю.Ф.Самарину - будущему славянофилу и "отцу" крестьянской реформы). В этой

части формулы не было и нет политически ограничивающих её понимание условий.

Народничество 60-90-х гг. XIX в. с преклонением перед эмпирическим народом, его моралью, его языком, шовинизм первых двух десятилетий XX века - не полузабытая ли уваровская формула или, точнее, её подсознательный коррелят - парализует творческую, а не только охранительную, реакцию власти и общества на эти крайние течения? "Ни именем Бога, ни именем закона не совершалось столько преступлений, сколько было совершено их именем народа", как выразился однажды лорд Бертран Рассел. Наиболее реальный, наиболее практический (хотя и несколько по-французски звучащий) первоначальный смысл формулы: *развитие* русского языка и культуры - так и не был прочтен однозначно.

Далеко не все в выстраивании церковно-государственных отношений зависит сегодня от государства, в том числе от президентства. Самому русскому Православию предстоит раскрыть свои возможности, исправляя то в своей политической культуре, что сегодня может выглядеть не частью сущности, а лишь исторически развившейся провинциальной односторонностью вселенской православной культуры. Защитная, спасительная реакция такого рода не раз проявлялась в истории Православия, в том числе и русского. Речь идет, помимо прочего, о возрождении в сегодняшнем Православии общественного духа христианства.

Но государство может и должно помочь в этом отношении: есть вещи, которые оно, как исторически и органически русское православное государство, должно чувствовать как бы всем своим составом и поступать соответственно. Есть также вещи, которые оно, быть может, способно сделать едва ли не успешнее, чем сама Церковь: "Сыны века сего догадливей сынов света в своем роде" (Лк.,16,8). Но в принципе то, что зависит от Церкви, может сделать только Она сама. Её оздоровление - это тайная работа Духа, а не явная или тайная политика.

Должна проявиться и созидательная сила самого *русского начала* в государстве. "Русское начало" - это, конечно, начало жизненное и культурное, то есть творческое и синтетическое, а не агрессивно-"этническое" в сегодняшнем узком смысле слова. "Этнический" подход в лучшем случае защищает (на время и, в сущности, плохо); чаще же мертвящий анализ, становящийся ориентиром практической политики, растлевает душу и убивает плоть.

Российский народ сегодня переживает очевидный кризис: его численность сокращается, рождаемость падает, ареал расселения сжимается. Это лишь полбеда: беда, которая может оказаться временной. Но народ обречен как великий, привлекающий, собирающий, а не отталкивающий тех, кто

входит в одно с ним сообщество и государство, если его высокая культура перестает быть *мировой*, если его язык не является больше выразителем и ответственным соавтором этой культуры.

В глубине души это понимали, видимо, даже большевики, в принципе всегда опиравшиеся в своей все менее экспансионистской и все более охранительной политике лишь на искусственный "интегрирующий субъект" - партию. Они проговаривались, начиная рассуждать то о "новой исторической общности", то о таком "языке межнационального общения", который - известно, впрочем, за что - выучил бы даже *негр преклонных годов*...

Возможно, учреждение Консультативного совета по русскому языку при Президенте России - небесполезное маленькое начинание (к сожалению, опыт работы других таких советов - по делам молодежи, по социальной политике - не внушает особого оптимизма). Надо лишь ясно понимать, что конкуренция на *сужающемся* "рынке" мировой культуры - задача совсем иного порядка: куда более сложная, чем даже завоевание прочных позиций на рынке экономическом. Но от решения обеих зависит будущее страны как великой державы.

Разумеется, оно зависит и от того, с чем его чаще всего связывают: от обеспечения *безопасности* страны перед лицом внешнего мира.

России предстоит выйти из дрейфа по течению, которым незаметно обернулось к концу первого президентства неуправляемое падение, начавшееся на рубеже 80-90 гг.

Ей необходимо будет строить свои отношения с ближним и дальним зарубежьем поверх тех иллюзорных, инерционных сообществ, которые были или паллиативами, или выполняли более не нужные функции в уже не существующем мире. СНГ и ОБСЕ вряд ли заслуживают того, чтобы их сознательно разрушать, но они, безусловно, не должны мешать России выстраивать реальные, гибкие системы союзов, двусторонних и многосторонних обязательств в собственных правильно понятых интересах.

Стратегическая задача сегодняшнего российского государства в мире - закрепить свое место в лидирующей "восьмерке", упрочить связи с наиболее реальными партнерами на индивидуальной и групповой основе. В Европе - способствовать, если удастся, образованию "клуба" ядерных держав-членов ОБСЕ или даже "малой семерки" (Россия, США, Германия, Франция, Великобритания, Украина, Польша), возможность которой осторожно обсуждается в последнее время в "трехсторонней комиссии". Движение в этом направлении - очень нелегкое, надо признать, и не идеально отвечающее нашим интересам - позволило бы смягчить негативные для России геополитические и психологические последствия расширения

НАТО и даже отчасти обесмыслило бы это расширение в той мере, в какой оно может быть направлено *против России*.

На территории бывшего СССР, прежде всего на западном и казахстанском направлениях, России предстоит проводить курс на максимальную, но дифференцированную по темпам и глубине интеграцию, не в ущерб собственным экономическим и военно-политическим интересам. Необходимо будет также как можно скорее решить вопрос об обеспечении достаточной безопасности собственно российских границ и о системах коллективной безопасности на кавказско-средневосточном, среднеазиатском и дальневосточном направлениях. В любом случае необходимо будет ясно понять, что экономическая интеграция, интеграция политическая и союзы во имя безопасности не обязательно образуют единый комплекс и, тем более, не обязательно связаны с идеей единого сообщества. Условно говоря, предстоит уяснить себе, обязательно ли Ташкентский пакт должен ассоциироваться с СНГ и не мешает ли ассоциация с СНГ Ташкентскому пакту, таможенному союзу и т.д.

Новое президентство должно будет преодолеть "беловежский комплекс" во имя интересов России.

Разумеется, с учетом практически неизбежной ревизии внешней политики Президенту придется в значительной степени взять на себя её координацию и вообще играть, по крайней мере на первом этапе, более значительную роль в её проведении.

... Вообще, следующему российскому президенту, кем бы он ни был, предстоит преимущественно рутинная работа в достаточно узких рамках, заложенных или выявленных в период нынешнего "романтического" президентства. Будет крайне неблагоприятно с его стороны и небезопасно для государства, если он не осознает их жесткости и сопротивляемости заранее. Но эта неинтересная, рутинная работа должна именно делаться, а не просто провозглашаться: жаль, что это огорчительное обстоятельство не принимают во внимание многочисленные кандидаты, рвущиеся в бой и создающие сумятицу на старте избирательной кампании високосного, олимпийского года.

В.Ф.Шумейко

***“...ПРАКТИЧЕСКИ ВСЯ РОССИЯ ДОЛЖНА РАБОТАТЬ
НАД ПРЕЗИДЕНТСКИМ ПОСЛАНИЕМ”***

Прежде чем взвесить суждения тех россиян, которые полагают, что действующая модель президентства вполне приемлема, и тех, кто считает, что ее надо менять, не забудем и весьма распространенное мнение о том, что модель президентства вообще чужеродна России ("развивалась же она 11 веков без президента!"). Относительно последнего подчеркну, что в России всегда сильна была центральная власть, это - традиция. А коль скоро Россия выстрадала и приняла для себя дальнейший путь развития, связанный с демократической системой, то институт президентства, на мой взгляд, - очень успешное сочетание российских традиций и демократической формы правления. И конституционная модель президентства вбирает в себя как то, так и другое.

В Конституции записано, что Российское государство - государство светское, демократическое, федеральное, с республиканской формой правления. То есть совершенно современное государство, отвечающее многим мировым критериям в части формы власти, политической системы и т.д. А сильная президентская власть в России - это и традиция, и условие ее дальнейшего развития в сбалансированном состоянии. Это огромная территория с очень большим (150 миллионов) населением, представляющим более ста национальностей. Множество культур, конфессий, языков, обычаев, нравов, традиций. Все это вместе функционирует как федеральное государство, но под сильным Центром, а сильный Центр при демократии кроме как президентской властью не обозначишь.

Поэтому модель президентства на Руси необходима, и, на мой взгляд, действующая модель себя не изжила. Да, в переходный период очень трудно судить, в какой именно мере эта модель президентства адекватна, но, так или иначе, Россия развивается.

Многое из того, что сегодня происходит, не устраивает население, отдельных политиков, целые группы людей. Негативных явлений при переходном периоде действительно много. Но это совсем не значит, что надо срочно менять модель или вообще устранять президентство на Руси. Необходимо, чтобы этот период закончился. При этом важно, чтобы мы не увлеклись апологией сегодняшней модели, ради нее не напринали бы целый ряд решений, которые в будущем повлекут за собой множество негативных последствий. Для этого прежде необходимо, наконец, обозначить цели развития государства.

Президент в своем последнем Послании довольно четко провозгласил идеи усиления роли государства, социальной направленности экономической политики реформ, развития федеративных начал. В шести последних пунктах этого Послания есть указания, что надо делать, но цели нашего развития не определены. Речь идет о сегодняшнем дне, о переходном периоде. А если бы президентская модель правления в России развивалась вместе с объявленными целями на будущее, тогда бы многие вопросы исчезли.

Когда мы организовывали движение "Российские реформы: новый курс" (кстати, "новый курс" решает пока лишь задачи переходного периода), то хотели, чтобы его цели и задачи разделяло как можно больше россиян, чтобы движение было массовым. Поэтому волей-неволей задумались о долгосрочных целях государства.

Несомненно, что выстроить цели для России отдельно невозможно, не приняв во внимание общемировое развитие. Весь мир подходит к третьему тысячелетию, прошло две тысячи лет от Рождества Христова. Каковы же итоги? За это время образовались, существуют и укрепились христианство, буддизм, иудаизм и мусульманство. За это время люди в полной мере испытали 4 общественно-политические формации: рабовладельческий строй, феодальный, капиталистический и социалистический. Человечество достигло колоссальных успехов в технике и науке. Человек со своими возможностями благодаря научно-техническому развитию сравнялся с природой, создал как бы противовес ей. Возьмем в этом контексте Россию.

Государство, которое занимает исключительное положение во всем мире благодаря самым богатым природным ресурсам на земле. 14,2 гектаров на каждого живущего в России, - это не просто гектары земли, это - лес, вода, недра и т.д. Но тем не менее Россия, обладая такими огромными ресурсами, больше всех столкнулась с экологической опасностью, надвигающейся на весь мир. Именно из-за конфликта двух систем - природной и искусственной, созданной человеком - мир подошел к самой последней черте своего развития: речь может идти об исчезновении биологического вида человека на Земле.

Россия в полной мере пережила все четыре формации, причем капитализма она испытала в меньшей степени, чем другие страны, зато социализма - больше чем все остальные, вместе взятые. И сегодня делается колоссальная ошибка, когда мы очень многими своими действиями проходим путь восстановления капитализма. Не нужен он нам, все это мы уже испытали. Всем миром мы подошли к другой черте, к тому, что человек может исчезнуть. Стоящие у руля политики и политическая элита заботятся о господстве над миром. А ради этого господства употребляют достижения научно-технического

прогресса не ради самого человека, а для уничтожения его: водородное оружие, химическое, биологическое - продолжают совершенствоваться. Но дело не только в этом. Человек, сравнившись с природой, не смог создать то, что сделала она. Мы не найдем в природе ни одного разорванного цикла, а если они и появляются, так только по вине человека. И если он своим техническим прогрессом не научится делать замкнутые циклы, не вмешиваясь в природу, жизнь на Земле может погибнуть.

Нечто подобное наблюдается и в международной политике. Еще недавно в мире было две сверхдержавы - Советский Союз (то бишь Россия) и США. Эти два полюса как-то удерживали мир в равновесии. Теперь оно исчезло. Мир постепенно поляризуется в одну сторону - к США. У некоторых политиков международного уровня появляется уверенность, что благодаря этому одному полюсу будет достигнуто стабильное существование. Но этого никогда не будет. Именно поэтому, на мой взгляд, появилась еще одна причина, чтобы определить цели развития нашего государства, его самобытный путь.

Мы исповедуем православную веру ("правильно" и "славнo" отображаем роль Христа на Земле), и как бы ни называли ее ортодоксальной, по-моему, это и есть самая правильная вера, идущая от глубинного сознания россиян. В ней заложены принципы коллективизма, и эти принципы, и прохождение нами социалистического строя, т.е. вся наша история говорит, что нам нельзя бросать коллективистские начала, то, что было хорошо задумано при социализме. Вспомним пресловутый моральный кодекс строителей коммунизма. Как бы "дубово" он ни был сделан, как бы коряво он ни внедрялся, но направленность на формирование самого человека в нем была явно выражена. Сегодня, в переходный период, мы продолжаем строить рыночную экономику России, опираясь на индивидуализм, что вступает в противоречие со всей традицией России, с ее историей, культурой, с коллективистским началом. Мы заменили коллективизм на индивидуализм, что далеко не лучше: личность не раскрывается, наоборот, - подавлена. Ведь на первое место в России всегда ставили духовное, а не материальное.

Мы должны правильно выбрать ту общественно-политическую формацию, в которой нам надо жить, - не социалистическую, но и не капиталистическую. Если мы это сделаем, то Россия, на мой взгляд, может стать лидирующей силой во всем мире и повести его за собой. Если мы не будем "покорять природу", как делали столько лет, будем жить в гармонии с ней. Отсюда и политика - сохранение своего государства, природных ресурсов для человека, повышение духовности.

Если бы Президент четко обозначил цели развития государства, показал, КУДА должна идти Россия, тогда проще было бы решить - КАК идти. Тогда бы и переходный период

рассматривался совершенно по-другому: не все силы государства, исполнительной власти, самого Президента, двух палат парламента концентрировались бы на эфемерном, сиюминутном, что и целями-то называть не стоит.

На вопрос: "Видите ли Вы преемника Президента?" я всегда отвечаю: "Да, это - сам Президент". Президент очень много сделал для России. Кстати, вряд ли это было бы возможно при социалистическом строе, при руководстве коммунистической партии. Президент много сделал, чтобы мы перешли к совершенно новой стадии развития страны. И тем более хотелось бы, чтобы он в этой неразберихе, хаосе, в трудном экономическом положении почувствовал, выявил, определил долгосрочные цели и задачи государства.

Думаю, самообновление президентской политики, обновление ее нынешним Президентом, должно начаться именно с президентского Послания. И лучше бы это сделать до президентских выборов 1996 года. Дело в том, что впервые в России законодательная власть выбирается по Конституции. То, что парламент просуществовал два года, было определено Конституцией - первый состав - временный. Впервые избирается полноправная законодательная власть на 4 года, это большой срок, за это время можно и укрепить государство, и развалить его.

Если бы в Послании Президента на 1996 год была обозначена стратегическая цель (хотя бы в общем), которая была бы отражена и в законодательстве, это было бы, на мой взгляд, большим достижением. Нельзя просто ждать, когда мы пройдем переходный период. Послание - это конституциональная норма. Конституция разрешает двум палатам парламента собраться вместе только тогда, когда Президент выступает с Посланием. С него все и должно начаться. У Президента нет другого механизма обновления.

В Конституции специально заложено ежегодное Послание, в котором Президент сообщает модель своей деятельности. Последнее послание было в феврале, но только в декабре (!) правительство рассмотрело его, а ведь в нем было заложено известное обновление. Кстати, не только аппарат, аналитики и эксперты должны над ним работать; я считаю, что практически вся Россия должна работать над таким Посланием. И если ему удастся вобрать все то, что сегодня необходимо сделать, и те цели, которых надо добиться в будущем, этому Посланию цены не будет!

Каковы же базовые ценности обновленной модели? Я один из тех, наверное, кто год назад сказал, что они заложены в православной вере: духовное превосходит материальное, богатство уступает нормальному достатку, для человека важнее правда, чем все остальное. Я попытался эти библейские ценности просто назвать, но реакция была разная. Одни говори-

ли, что это всем известно, другие - а зачем они нам в нашем прагматичном мире. И все-таки я глубоко убежден, что базовой ценностью останется сам человек.

Я не зря говорил, что человек подошел сейчас к самой черте, коли его возможности сравнялись с возможностями природы, они сегодня равны, достаточно переступить какую-то грань и человека на Земле не будет. Подойдя к такому пределу, человек, на мой взгляд, должен задуматься над тем, что самая главная ценность - он сам. Если без духовного начала он не может осознать и понять, что сегодня происходит на планете, он никогда не осознает цели и задачи государства, он ими не проникнется. Поэтому что бы там ни говорили, обвиняя меня в идеализме, все равно основной ценностью является сам человек, его духовное развитие.

Поддержит ли массовый избиратель эту версию обновления президентской политики? Полагаю, что поддержит. Мы очень долго жили по очень жестко заидеологизированной схеме развития общества. Но прожив почти столетие под запретами, поменяв несколько поколений, Россия все равно в состоянии возродить то, что заложено веками. Возрождается казачество. Пусть иногда в несколько театральном виде (каждый шьет себе форму, надевает награды дедушки, а ведь военным запрещено носить чужие награды), но возрождается глубинное, самое основное - желание служить Отечеству, гордость за свою страну, готовность присягнуть на веру тому, кто руководит государством, если этот человек избран народом. Даже на примере казачества видно, что традиционный российский дух снова приходит. До нас не дошло купеческое сословие - полностью истребили, но генетически оно все-таки осталось. То российское, что веками складывалось, сепарировалось, все равно возрождается. Растет земское движение.

И если нашему движению удастся показать, что возрождая глубинное, народное, мы соединяем его с демократическими ценностями, при которых народное сможет влиять на власть, - нас обязательно поддержат. Соединения двух ценностей - духовного начала самого народа, его генетического общинного кода с возможностями демократии влиять на власть - в России еще никогда не было. В России народ на власть никогда не влиял, всегда от нее зависел, а власть народом всегда помыкала. Почему все так откликнулись на демократию? Да потому, что увидели, наконец, возможность повлиять на власть ради развития человека, но не ради наживы. Сейчас опять обещают, как при социализме, что завтра будет лучше, но уже никто не верит. И нам надо постараться объяснить, что, выработав цели, объединив все российское с демократией, можно влиять на власть.

Мне скажут: "Легче, проще любить все человечество. Очень трудно любить конкретного человека, помогать конкрет-

ному человеку. Народ, измученный перестройкой, неудачами, - самый массовый избиратель. А ему опять про глобальную цель - завтрашнюю, послезавтрашнюю, следующего поколения. Но мы сегодня живем, мы сегодня хотим примерить вашу цель".

Речь шла о президентской модели, ее изменении. И как я говорил, ее можно и нужно менять через Послание Президента. Прежние два - были направлены на решение сиюминутной задачи. Хотелось бы, чтобы следующее Послание указало большую цель и каждодневное движение к этой цели. Если бы после этого произошли еще и соответствующие реальные улучшения в жизни, вера в эту цель значительно повысилась бы.

Нельзя строить новое государство, не сообщив обществу, что мы делаем. Что сказали сегодня россиянину? "Мы с вами получили две общемировые ценности - демократию и рыночную экономику". Кому это интересно? - Никому! Демократия - это форма власти, а рыночная экономика - способ ее существования. Форма власти уже выбрана народом, выстрадана, Конституция принята. Всем понятно, что этой форме соответствует и экономика. Но вне определения цели государства ничего эти ценности собой не представляют, а для России - тем более. Ценностями не могут быть отдельно ни демократия, ни рынок - вне целей государства, вне целей каждого отдельного человека, живущего в этом государстве.

И.М.Клямкин

ОБНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА

Сегодня много говорится о том, что политика должна быть профессиональной. Но такой профессионализм в расколотом обществе, строго говоря, невозможен. А нынешнее российское общество расколото. Это показали декабрьские выборы в Государственную Думу, об этом же говорят и данные социологических опросов. Так, 7 ноября для 40% граждан России - праздник, но в глазах почти такого же количества людей этот день ассоциируется с трагедией. Правда, открытая враждебность в российском обществе сегодня почти не проявляется, но его ментальная расколотость - факт, с которым нельзя не считаться.

Это состояние может оказаться состоянием или предкомпромисса, или предвойны. Здесь очень многое будет зависеть от политической и хозяйственной элит, роль которых, учитывая слабость гражданского общества в России, чрезвычайно велика. Однако в условиях разбалансированной системы хозяйства экономические интересы различных элитных групп очень часто рассогласованы, между ними нет или почти нет точек соприкосновения. Тем более важна договоренность между ними по принципиальным стратегическим вопросам. Первой такой попыткой был, как известно, Договор об общественном согласии. Его небезосновательно критиковали за бессодержательность и декларативность, но он все-таки отражал определенную реальность: фактически это был договор о свободном ("демократическом") переделе собственности в ходе приватизации.

Сегодня передел собственности хотя и не завершен, но в значительной степени уже состоялся. Однако характер российской экономики еще не определился, а не определился он не только потому, что не завершилась трансформация отношений собственности, но и потому, что до сих пор не решен один из главных вопросов, касающихся ее структуры. Прежде всего речь идет о взаимоотношениях между двумя крупнейшими отраслевыми комплексами - топливно-энергетическим и военно-промышленным.

Особенность России, существенно отличающая ее от других посткоммунистических стран, заключается в том, что она вошла в стадию экономических реформ, будучи ядерной державой. И хотя поддерживать свой статус ей сегодня не по карману, она не может и отказаться от него; это поставило бы под угрозу не только ее стратегическую безопасность, но и чрезвычайно осложнило бы формирование ее новой государ-

ственности, которое и без того идет нелегко. Таким образом, восстановление и модернизация ВПК (в каком виде и в каких размерах - вопрос особый) - это проблема, касающаяся стратегических интересов страны. Средства же для этого, как известно, могут быть получены только от высокодоходных (прежде всего экспортных) отраслей.

Рано или поздно пропорции такого перераспределения будут определены, а оно само - обеспечено. Вопрос в другом - какие политические силы будут решать данную историческую задачу: если кризис экономики и государственности станет перманентным, то на политическую поверхность могут выйти (уже выходят) деятели и группировки, опирающиеся на маргинализирующиеся слои населения и определенные круги военных и деятелей ВПК, которые попытаются поставить политическую ситуацию под непосредственный контроль силовых структур. Противостоять такому развитию событий можно лишь в том случае, если нынешние элиты топливно-энергетического и военно-промышленного комплексов сумеют достигнуть стратегического согласия. В частности, представителям высокодоходных отраслей предстоит ответить на вопрос, что им выгоднее в стратегическом плане: делиться своими доходами с коррумпированным чиновником, который не является сегодня носителем общегосударственного интереса, или с ВПК и силовыми структурами, развал и недееспособность которых ставит под угрозу российскую государственность и открывает дорогу к власти экстремистским группировкам со всеми вытекающими отсюда последствиями (в том числе и для высокодоходных отраслей).

Ключевой фигурой в процессе достижения стратегического согласия в современной России, учитывая неукорененность в ней демократических процедур и механизмов согласования интересов, может быть лишь фигура президента. Однако и президент может сыграть такую роль лишь в том случае, если он пользуется доверием большинства политически активной части населения (обладает легитимностью в строгом смысле слова) и опирается на готовность к стратегическому согласию основных властных и хозяйственных элит. Если такая готовность отсутствует, то, даже при наличии легитимности, президент вынужден будет не столько обеспечивать РАВНОВЕСИЕ между группами интересов, достигнутое благодаря их предварительному согласованию, сколько лавировать между группами НЕСОГЛАСОВАННЫХ, конфронтующих друг с другом интересов, усиливая то одну, то другую из них.

Такой режим заведомо не может быть прочным и устойчивым, не может способствовать решению крупных стратегических проблем и, как следствие, обладать сколько-нибудь долговременной легитимностью. Практика нынешнего президентства подтверждает сказанное со всей очевидностью.

Поэтому новая формула согласия основных элитных групп должна быть выработана до президентских выборов - в противном случае предсказуемое развитие в обозримый период становится негарантируемым.

На первом этапе российского президентства, который сейчас заканчивается, решалась другая задача, а именно задача демонтажа милитаристской экономики, в которой интересы ВПК доминировали, подчиняя себе большинство других отраслей. Я сейчас не говорю о том, насколько эта задача была решена, но в целом установка была, безусловно, правильной. Однако курс на радикальную демилитаризацию экономики привел к тому, что проблема ВПК вообще выпала из поля зрения пришедших к власти "демократов". Идеологические и политические установки на демилитаризацию и жесткая привязанность к этим установкам делали любой серьезный разговор о ВПК как бы неприличным, т.к. он мог быть истолкован как "отказ от курса реформ", "согласительство с силами реванша" и т.п. В лучшем случае все сводилось к проблеме конверсии, которую тоже решить пока не удалось. В результате же чуть ли не все, что касается ВПК, было отдано на откуп оппозиции, причем не самой демократической ее части. Потому что даже те, кто критикует сегодня правительственный курс с позиций демократических, не решаются ставить проблему ВПК как стратегическую. Причина все та же: опасения, что ее политическое "присвоение" будет рассматриваться как отказ от демократии и примирение с антиреформаторскими силами.

Второй этап российского президентства должен стать в данном отношении поворотным. Весь вопрос в том, однако, чтобы при этом не произошел откат от стратегического курса на демократию и открытое общество. О том, что это значит применительно к интересующей нас теме, скажу чуть ниже, а сейчас остановлюсь на некоторых проблемах более общего характера.

Дело в том, что вопрос о ВПК - это для России, в известной степени, вопрос о преемственности исторического развития. На выходе из переломных, революционных эпох преемственная связь с традицией часто осуществляется посредством поворотов, которые принято называть реставрациями. Реставрация - это не просто возвращение назад, это всегда исторический компромисс между старыми и новыми элитами и между элитами и широкими слоями населения на основе признания необратимости какой-то части (в каждом конкретном случае она разная) изменений, происшедших в революционный период.

Реставрации могут быть разных типов. Скажем, в английском варианте все закончилось консенсусом. Во Франции же реставрация была кратковременной и ситуативной, консенсус восстановленной монархии обеспечить там не удалось, и страна в середине прошлого века первой опробовала авторитарную модель, утвердившуюся в результате использования де-

мократической процедуры народного голосования (режим Наполеона III). А в XX веке реставрационная модель, как модель компромисса, на Западе уже не работала. Скажем, в Германии общественный раскол и раскол политических элит привел не к реставрации монархического императорского режима, а к нацизму, и демократические процедуры тоже, как известно, сыграли здесь не последнюю роль.

Посткоммунистические страны переживают сегодня события, которые чем-то напоминают реставрационную логику (компромисс новых и старых элит на выходе антитоталитарных революций, возвращение к власти представителей прежней номенклатуры), но полностью в нее не вписываются (власть компартий, как таковых, для этих стран навсегда осталось в прошлом). Аналогичные процессы происходят и в России, но модель демократического исторического компромисса здесь еще не найдена, и какой она будет, сказать пока трудно. Нам же сейчас важно отметить, что здесь, в отличие от других посткоммунистических стран, такой компромисс не может не включать в себя компромисс между топливно-энергетическим комплексом, выигравшим от либерализации экономически, и ВПК, оказавшимся в проигрыше. И если его не удастся достичь мирно, посредством добровольных уступок, то он может быть навязан силой. Это вряд ли будет сила реставрационного коммунистического режима - коммунизм и в России скорее всего принадлежит прошлому. Идеологией такого политического поворота может быть только та или иная разновидность имперского национал-социализма (эволюция российской компартии от советского интернационализма к "русской идее" в данном отношении весьма симптоматична).

Одним из важнейших аспектов исторического компромисса, через который рано или поздно придется пройти России, является достижение согласия относительно истории советского периода. Нам еще только предстоит подвести черту под Октябрьской революцией. Процесс этот скорее всего будет долгим, но движение в данном направлении пора начинать.

Что это значит - согласие в понимании советской истории? В первом приближении оно означает преодоление двух крайностей. *Первая крайность* - идеализация истории коммунистами: народная власть, гигантские достижения, свидетельствующие, с одной стороны, о перспективности особого, самобытного пути, по которому шла и должна идти Россия, с другой - о его значимости в общемировом контексте (в программе компартии сохраняется упоминание о коммунизме как универсальной цели, к которой движется все человечество). Но при этом ничего не говорится об ограниченности советской модели как таковой, о том, что определенные исторические результаты советского периода были достигнуты за счет интересов человека и его благополучия, и как следствие - эта

историческая модель обнаружила свою тупиковость. Признание ее ограниченности и исчерпанности - одно из важнейших условий исторического компромисса в этой области, без такого признания он невозможен.

Другая крайность характерна для идеологов и политиков антикоммунистического толка. В их глазах советский период - это просто черная дыра, провал истории и ничего больше. Полное игнорирование результатов советского периода делает их позицию исторически беспочвенной, оторванной от традиций, идеологически и теоретически бессодержательной. Без признания исторических результатов советского периода, без признания того факта, что в это время в особой форме осуществлялся цивилизованный сдвиг от традиционного общества к индустриальному и урбанизированному, исторический компромисс невозможен тоже. Вместе с тем, повторяю, он немыслим и без критической оценки советской эпохи, без констатации немагистральности, периферийности избранного Россией в 1917 году пути.

В движении к такому компромиссу в условиях России опять-таки чрезвычайно важна роль президента, причем президента именно легитимного, имеющего устойчивую опору в обществе. Президент, которого не воспринимают как власть, не может обеспечить компромисс между различными экономическими и социальными интересами, согласие относительно важнейших базовых ценностей и правил игры между разными политическими и идеологическими течениями. Он, повторю еще раз, может только лавировать между ними, приспосабливаясь то к одним, то к другим. Между тем обновление президентства - это и есть поворот от модели лавирования к модели стратегического компромисса.

Сказанное выше об историческом компромиссе имеет самое непосредственное отношение к вопросу о согласии между элитами ТЭК и ВПК. Дело в том, что само это согласие невозможно только на основе признания ведущей роли ВПК в советский период отечественной истории: "сырьевиками", вкусившие плоды экономической либерализации, добровольно на восстановление этой роли не пойдут. Компромисс нереален, если исходить из *корпоративных* интересов оборонного комплекса, стремящегося к сохранению себя в прежнем виде и в прежней роли. Согласие возможно лишь на основе новой концепции стратегической безопасности, а не на основе воспоминаний о прежнем противостоянии НАТО и Варшавского договора. Военно-промышленное противостояние с Западом бесперспективно, оно способно привести лишь к еще большему обнищанию населения и новому витку гонки вооружений, которая при нынешнем состоянии России снова будет проиграна. Новая концепция безопасности может заключаться в том, что стратегическими противниками России (явными или потенциальными),

способными представлять для нее военную угрозу, признаются *недемократические государства с репрессивными режимами*. Этим и должны определяться характер и размеры ВПК.

Именно такой видится мне позиция высокодоходных отраслей в диалоге с военно-промышленным комплексом: представители первых объективно заинтересованы не только в либеральной экономике, но и в демократической внешней и оборонной политике. Если такого согласия достигнуть не удастся, то новый президент, как и нынешний, опять-таки вынужден будет лавировать, в данном случае - между группами, заинтересованными в открытой экономике и расширении экономических контактов с Западом, и теми, чьи интересы заключаются в разыгрывании антизападной карты, в традиционных апелляциях к угрозе со стороны Запада, в изображении последнего как основного стратегического противника.

Разумеется, договоренность двух ведущих хозяйственных элит сама по себе не решит всех проблем реформирования российской экономики и формирования российской государственности. Очевидно и то, что в современных условиях такая договоренность предполагает участие представителей банковско-финансовой сферы. Но без стратегического согласия между ТЭК и ВПК другие крупные проблемы разрешить все равно не удастся, потому что от этого зависит и экономическая политика в целом, и социальная политика, и политика региональная - последняя не может быть эффективной в условиях, когда не определены основные отраслевые приоритеты для страны в целом.

Россия подошла к той исторической черте, когда альтернативы историческому компромиссу нет, альтернатива ему - только углубление раскола и усиление позиций радикально-экстремистских политических сил, чьи притязания на власть реальны в условиях не согласия, а конфронтации (внутренней и внешней). В такой общественной обстановке концепция обновленного президентства и ее широкое распространение в обществе является одновременно и элементом предвыборной стратегии. Движение к историческому компромиссу после президентских выборов может стать эффективным лишь в том случае, если оно начнется до выборов и окажет решающее влияние на их исход.

Д.В.Ольшанский

**“КРЕДИТ ДОВЕРИЯ” КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Последние годы еще и еще раз подтверждают: в России все, что не переворот, уже как бы цивилизованный поворот развития. Однако сказать, что мы застрахованы от переворотов на будущее, нельзя - несмотря (а может, напротив, благодаря) на весь предшествующий опыт. Именно потому дальнейшие рассуждения о "кредите доверия президентству" построены на некоторых презумпциях-ограничениях:

- президентские выборы неизбежны (N1);
- сроки и механизм выборов определены Законом и будут исполнены неукоснительно (N2);
- результаты выборов будут подсчитаны объективно (N3);
- по ходу проведения голосования не возникнет никаких внезапных, форс-мажорных обстоятельств (N4).

Только при этих ограничениях легитимация через демократическую процедуру выборов становится главным культурно-политическим "правилом игры" и условием получения "кредита доверия" в пореформенной России. Однако существует еще одна, принципиально важная, презумпция, без которой культурно-политическая игра останется в идеологических рамках и не перейдет в рамки политико-технологические:

- создание цивилизованных механизмов передачи власти от прежнего президента к вновь избранному (N5).

Это - важнейшее из "правил игры" обновленной президентской политики. Парадокс заключается в том, что для любого, кроме нынешнего, президента мало быть избранным президентом России - надо суметь им стать. А это - принципиально разные вещи. В конечном счете, быть избранным - значит дожидаться телефонного звонка своего доверенного лица или даже самого председателя Центризбиркома с известием о том, что результаты голосования сложились в вашу пользу. Естественный вопрос: что после этого должен делать человек, в пользу которого сложились результаты голосования?

В цивилизованном мире он должен скорее ложиться спать, чтобы наутро предстать в достойном виде перед журналистами: там система все сделает сама. В наших условиях сон в такую ночь был бы слишком рискованным. Значит, кандидат должен заранее позаботиться сам, чтобы у подъезда его ждала машина (или даже кортеж) с крепкими ребятами. Задача будет состоять в том, чтобы успеть домчаться до Останкино и самому, лично, в прямом эфире оповестить страну о том, что именно он только что был избран, а теперь

намеревается стать президентом. Только "отмобилизовав" таким образом отечественную и иностранную общественность, он может попытаться проникнуть в президентскую резиденцию - Кремль, иначе охрана может просто калитку не открыть, сославшись на отсутствие пропуска, приказа и т.п.

Однако и телеобъявления может оказаться недостаточным - некогда охране всякие глупости смотреть и слушать. Значит, надо заручиться письменной констатацией прошедшего голосования, - тем более, что Центризбирком от Кремля неподалеку. Но тот же Н.Рябов скажет, что надо подождать окончательных результатов. Что же теперь делать новоизбранному?

Далее технологический анализ заходит в тупик и упирается в два неоптимальных варианта. *Первый*: стиснув зубы, все же отправиться спать и довериться честности и справедливости нынешней власти, уповая на то, что она передаст власть и не будет устраивать фокусов с окончательными результатами, введением чрезвычайных положений и т.п. *Второй*: все же иметь под рукой еще более крепких ребят, которые в крайнем случае помогут взломать ту самую "калитку" в Кремле... со всеми вытекающими последствиями.

Так или иначе, но варианты получаются достаточно драматичные. Они прекрасно иллюстрируют всего лишь одно: отсутствие цивилизованных (закрепленных законом) и, главное, привычных, закрепленных психологически, механизмов президентской власти.

Сказанное имеет принципиально важное значение для понимания не только политического и ценностно-идеологического, но, главное, психологического смысла демократических правил "президентской игры" и, в целом, президентской власти. В конечном счете, произошедший в России в 1991-1993 гг. переход от какой угодно по содержанию, но все же коллективистской по форме, партийно-советской власти к власти персонацентрической тем и отличается от деградационно-реставрационного возвращения к монархической системе, что подразумевает и *регулярную* общенародную выборность, и *периодическую* по обезличенному закону сменяемость носителя верховной власти в государстве.

Не рискуя впасть в грех написания очередной идеальной-утопической предвыборной программы для некоего безымянного кандидата, подчеркнем: именно презумпция N5 может и должна быть естественным основанием любой идейно-ценностной программы будущего президента. Она задает основу телеологии общества в технологическом смысле, предопределяя дискретность и вариантность тех или иных целей и ценностей развития, заранее защищая массовое сознание от всяких претензий на "вечность" и "предопределенность" того или иного варианта развития, от всякого рода монополий как на власть, так и на

истину "в последней инстанции". Только на основе этой презумпции можно строить адекватные последующие рассуждения.

Ценностная система

Самое простое и, одновременно, удивительное (и подчас недоступное для политиков, уверенных в том, что в инновационной ситуации обязательно необходимо постоянно придумывать что-то "новенькое" - хотя бы для того, чтобы не прослыть ретроградом или "реставратором") заключается в том, что на сегодняшний день массовое сознание российского общества не нуждается в какой-то "новой" или "обновленной" идейно-ценностной программе или некой "принципиально иной" телеологической системе. Ситуация гораздо проще: в нынешнем дезориентированном состоянии в российском обществе в равновозможном состоянии функционируют самые разные (возможно, практически все из известных человечеству) ценностные системы, а также их разрозненные осколки и образовавшиеся из них мозаичные конгломераты. Проблема не в том, чтобы изобрести "что-нибудь новенькое", а в том, чтобы дать этому расхристанному массовому сознанию умиротворение - через определенность.

1. На сегодняшний день наиболее адекватной для массового сознания могла бы быть только целостная ценностная система. Социокультурная поляризованность общества постепенно уходит в прошлое. "Фигура умолчания", к которой сводился в последние годы сакраментальный для нашего общества вопрос о том, "что же мы строим", тоже должна уходить в прошлое. Постепенно населению становится все яснее ответ на этот вопрос. Уже практически нет споров о том, что делать с Мавзолеем и его содержимым. Уже с раздражением вспоминается формула ухода, использованная Б.Н.Ельциным в ответе на вопрос: "Как же Вас называть, товарищем или господином?". Ответ: "Называйте меня просто Борисом Николаевичем" - был хорош для своего времени. Возможно, он хорош и для очень отдаленного будущего - как указатель на индивидуализированность будущего демократического, гражданского общества, в котором имя человека станет важнее его социального статуса. Однако он уже плох сейчас, когда инерционно-статусное общество начинает требовать перехода на новую статусную систему. Генералам свойственно готовиться к уже прошедшим битвам: сейчас было бы важно и адекватно внести новую, обязательно целостную ценностную систему, причем задать ценностные основания уже с самого начала, с новой символики обозначения субъектов человеческого (поведенческого) функционирования такой системы. Далее уже будет проще.

2. В качестве идеологической доктрины должна быть названа система социал-демократических взглядов, несколько схематизированная и ужесточенная именно для придания ей большей целостности и минимизации свойственной социал-демократам некоторой размытости целей. Основные идеи:

- люди неравны: в принципе все люди есть, в некотором абстрактно-человеческом измерении, "господа" - хотя бы в силу самооценности человеческой индивидуальности, но раскрытие этой индивидуальности (к сожалению!) удается не всем;

- именно потому в обществе неизбежно существует водораздел: есть "хозяева" (собственники) и "работники" (остальные). Быть "хозяином" - дело очень трудное, рискованное и ответственное. "Работники" позволяют некоторым отдельным предприимчивым людям становиться "хозяевами", за что те вынуждены дорого платить: они обязаны создавать новые рабочие места и заботиться о "работниках", - иначе те, последние, отнимут у потенциальных "хозяев" право на предпринимательство. Верховным арбитром в этих проблемах является Государство, стоящее на страже интересов "работников": оно ограничивает интересы потенциальных "хозяев" и занято всецело проблемами социальной защиты "работников". Фактически именно Государство и является гарантом социального мира и исполнения каждой обязанности такого нового социального разделения труда, при котором этот каждый, в принципе, имеет право выбора, кем ему быть ("работником" или "хозяином"), но обязан нести ответственность за свой выбор. Ответственность определена Законом, а перед ним равны все - в меру своей социальной определенности;

- Государство - это система органов самоуправления, над которыми надстраиваются органы собственно государственной власти. Верховным органом нового государства является институт президентства. Неважно, кто именно занимает президентский пост и кто является персонифицированным Государством, - практически любой гражданин может при определенных условиях занять этот пост. Главное в том, что пост этот не может быть монополизирован, а сам институт президентства служит только одному: гарантировать общественный порядок и такой социальный мир, при котором разделение на "хозяев" и "работников" будет чисто символическим (оно не может принципиально задавать физическое неравенство бытия людей) и подчиненным только одной цели - обеспечению более эффективного разделения труда ради повышения эффективности существования сообщества.

Практически этого достаточно, при условии четких вербальных обозначений и такой расшифровки смысла каждого вербального символа, при которой он будет абсолютно понятен массовому сознанию. В конечном счете, львиная доля модернизаторских страданий России всегда заключалась в том, что

реформаторы не умели (не хотели, не хватало времени и т.п.) перевести понятные им самим слова на общедоступный язык. Как когда-то в начале века, начитавшись, возможно, самых новейших и действительно верных для Европы книжек о капитализме, большевики начали модернизировать Россию и столкнулись с тем непониманием, которое пришлось преодолевать "огнем и мечом", точно так же "шокотерапевты" гайдаровского призыва не могли внятно объяснить даже Верховному Совету смысла тех западных рекомендаций, которые они хотели реализовать. Впрочем, не они первые, не они последние: и христианские книги когда-то, при крещении Руси, оказались не сразу доступными отечественному массовому сознанию. И там было все то же: "огнем и мечом". Потому две основные проблемы - время и поиск доступного, понятного языка. Не надо торопиться - речь идет о поколенческих процессах. Однако надо обязательно суметь примирить судьбу нынешнего поколения с судьбами последующих. А для этого нужны не противопоставляющие, а примиряющие слова. Не "умрем ради будущего!", а "будем достойно жить ради будущего!".

3. Все сказанное должно быть соответствующим образом преподнесено обществу. Максимально солидаристский потенциал в данном случае - логика выживания: "Мы прошли через трудности"; "Мы выжили в суровые годы радикальных реформ"; "Мы преодолели самой страшное"; "Мы избавились на этом пути от жуткого наследия прошлого и от новой накипи"; "Мы очистились для того, чтобы реализовать общечеловеческие ценности свободы, равенства, братства - при условии такой новой, эффективной организации общественной жизни, при которой разделение людей по их способностям и возможностям никак не будет мешать достижению общественного блага". В итоге: "Мы победили, несмотря на огромные трудности!". И очевидно, что "Мы воздадим должное всем, кто стал жертвой нашего движения к будущему", однако главное состоит в другом: все, кто выжил, будут жить достойно. Этого, в принципе, с психологической точки зрения, достаточно, чтобы "все, кто выжил", действительно солидаризировались - хотя бы потому, что они выжили, и деваться им просто некуда.

Путь в будущее - критика прошлого

В старой теории "трех конвертов" говорится: 1) все вали на предшественников; 2) обещаю недостижимое; 3) готовь "три конверта". В конечном счете, для продления своего политического бытия каждому выборному политику периодически необходимо (4) каяться. Вопрос лишь в том, каковы должны быть масштабы покаяния. Простейший путь -

"виноваты бояре". Сложный - "виноват я сам". Оптимальный - посередине.

Прежде всего это означает необходимость заблаговременной подготовки ситуации по принципу: "наступит день, когда я скажу все, что думаю по этому поводу". То есть первый этап подготовки избирательной кампании для политика, проводящего общество через модернизацию, неизбежно должен включать определенную демонстративную отстраненность от тягот модернизации. Причем отстраненность должна быть не конкретно-ситуативной ("царь спал, а бояре издевались над народом"), с выходом на конкретные "виноватых" вплоть до показательных процессов, а более обобщенной. Например: "гарант Конституции" хотел предупредить возможности оспаривания результатов выборов в Государственную Думу, но ему никто не внял, вот почему виновата именно Дума. Вот почему именно ради дальнейшего развития демократии, скажем, придется проводить новые выборы в новый парламент - после повторного избрания нынешнего "гаранта Конституции". Или - вместе с ним, как бы ставя перед обществом вопрос о вотуме доверия курсу на модернизацию (аналогия с весенним референдумом 1993 г.).

Следующий этап - появление некой силы ("долгожданной"), которая смогла бы выразить основополагающие для "гаранта Конституции" ценности развития. И тогда смысл самокритики становится предельно простым: "Я снял прежние оковы", "я дал возможности для самовыражения обществу", "я отстранился", и наконец-то, появился тот результат, которого все долго ждали. В этом варианте должно появиться новое сильное социал-демократическое движение, которое и возглавит политик N1, претендующий на переизбрание. И тогда проект идеологического обновления достаточно прост: это то самое социал-демократическое, а одновременно - государственно-патриотическое - модернизационное единство.

Возможно, самый нелегкий вопрос в данном контексте - личное поведение политика N1 и алгоритм его личностной самокритики. Он мог бы строиться по двум базовым основаниям. С одной стороны, "все мы вышли из шинели прошлого". И потому главная задача заключалась в том, чтобы ее сбросить с себя. Это было тяжело, "причем всем". С другой стороны, трудной была задача найти новые, подходящие формы будущей жизни. "Я тоже ошибался, но в конечном счете я оказался прав". "Никто не знал точного пути выхода из тупика, в котором мы оказались". "Мы искали все вместе, и я никого не лишал шансов на нахождение выхода". "Общество само могло выбирать, за кем ему идти; и когда было сказано «нет», мы остановили «шкоте-рапию»" и т.д.

Шанс на выживание - согласие на риск

Безусловно, в нынешней ситуации невозможно будет "уговорить" общество на продолжение модернизации и поиск путей новой самоорганизации без демонстрации того, что все зависит от этого самого, пострадавшего в ходе реформ общества. Парадокс ситуации состоит в том, что ради продолжения модернизации лидер-реформатор должен быть готов отказаться от своего лидерства во имя продолжения реформ. Только в откровенной демонстрации такой готовности - его шанс. И в данной ситуации не правомерны никакие доводы в пользу "российского Пиночета", - им может стать только новый политик. У прежнего "человека N1" шансов на это уже нет, - он обречен бороться за самосохранение в прежней харизме.

Шанс на повторное получение "кредита доверия" (остаточного) у нынешнего президента России все-таки есть, хотя и не гарантированный. Этот шанс основывается на том, что остальные претенденты (кроме Черномырдина) могут быть представлены как еще худшие альтернативы. Не случайно в нынешней ситуации Б.Н.Ельцин, при всех неблагоприятных рейтингах, все же в состоянии выиграть у большинства оппонентов при парном сравнении. Значит, ситуация технологически достаточно проста: главное - выйти во второй тур. Хотя необходимо однозначно понимать, что политик N1 жесткого периода стартовой модернизации не может претендовать на "кредит всенародного доверия". Новый "кредит" может быть только "адресным" и достаточно малочисленным. Задача состоит в том, чтобы расширить "адресность" и не препятствовать увеличению числа конкурентов, способных ослабить малочисленность групп прямой поддержки.

Нынешний президент России, к сожалению, не может похвастаться тем, что приумножил свой политический и символический капитал за годы своего президентства. Главные потери были связаны с движением на пути к власти. Во-первых, это принудительная отставка М.С.Горбачева после беловежского роспуска СССР. Во-вторых, это репрессии против прежнего варианта парламентаризма (октябрь 1993 г.). В принципе, массовое сознание не целиком винит президента за тяготы социально-экономических реформ. Основная тяжесть обвинений падает именно на политические реформы. Значит, теоретически можно попытаться сдвинуть центр тяжести недовольства "в пустоту".

Этого можно было бы достичь несколькими путями. Во-первых, содействием появлению "третьей силы", намеренной заняться постепенной (сначала чисто экономической) реинтеграцией Союза. Ясно, что самому Б.Н.Ельцину "не с руки" заниматься восстановлением разрушенного. Однако он не может допустить, чтобы этим занялись оппоненты - коммунисты

и патриоты. Здесь и необходима "третья сила". Во-вторых, президент должен обозначить свои искренние намерения по восстановлению парламентаризма в России, возможно, пойдя даже на конституционные уступки новой Думе в сторону расширения ее полномочий. В-третьих, президент обязан пойти на определенное изменение финансово-экономического положения некоторых слоев общества. Ключевым здесь может и должен стать частичный пересмотр итогов ваучерной приватизации. Обязателен новый, хотя бы частично, "перedel собственности", при котором возникнет "средний класс", который получил бы от приватизации то, что у него отняли реформы: возможность обеспечить на доходы от приватизации свое "простое воспроизводство", в частности, качественное бесплатное медицинское обслуживание и образование.

Нынешний президент, помимо декларации "всенародности", уже остро нуждается в конкретном "носителе" своего политического и символического капитала - в политической партии или движении. Значит, необходимо создать такой социальный "носитель", - чтобы было на что опираться.

Риск институционального обновления

Шанс на новый "кредит доверия" - в сочетании двух трудносочетаемых вещей. С одной стороны, нынешний президент обязан быть преемственен и вновь показать, что он - модернизатор. Это требует согласия на риск. С другой стороны, он обязан продемонстрировать, что он - стабилизатор. И это требует минимизировать риск для общества через определение своего преемника. Оптимальный вариант - идти на выборы вместе с преемником для того, чтобы последний мог снять свою кандидатуру в тот момент, когда станет ясно, что пока преемник не требуется. Или, в противном случае, не снимать ее.

Предстоящая президентская кампания еще не требует капитальных изменений конституционного статуса президента, однако необходимо введение определенных противовесов, позволяющих демократизировать этот статус. Таким противовесом мог бы стать Государственный совет из лидеров крупнейших политических партий и движений, а также придание конституционного статуса резко обновленному и усиленному Президентскому общественному совету (вместо не оправдавших себя Общественной палаты и нынешнего Экспертного совета при президенте).

Любая перемена статуса президента в сторону большей демократизации добавит шансов на переизбрание носителя этого статуса. Однако главное в данном вопросе - не формальное изменение статуса, а нахождение форм привлечения элиты к реальному соучастию во власти и в модернизационных процессах. В конечном счете, условие консолидации

массового сознания и, затем, достаточно консолидированного голосования - это консолидация элиты общества. На сегодняшний день окружение президента не воспринимается обществом в качестве естественной общественной элиты. Значит, необходимо перейти от олигархического принципа формирования элиты (он слишком узким) к более демократическим принципам ее формирования. Возможно, есть смысл восстановить институт советников и консультантов президента, введя на эти должности не включенных в сегодняшние политические институты людей, безусловно пользующихся доверием общества (выявляемого, скажем, на основе "индекса цитируемости" или "мелькаемости" в средствах массовой информации).

Именно такие идеологические формы президентских метаморфоз - движение в сторону реальных лидеров общественного мнения, - будут восприняты обществом как естественные и, наконец-то, разумные. За таким движением должна просвечивать очень простая "идеология" - дальнейшая демократизация взглядов и точек зрения при необходимости расширения социальной базы продолжающихся реформ. Как уже говорилось, на социал-демократической основе. Если общество увидит, что принцип личной преданности не является единственным для формирования той "свиты", которая всегда "играет" претендента на лидерство, то оно почувствует, что речь идет о чем-то большем, чем перевыборы "персоны №1". И тогда вместо "борьбы людей" оно настроится на "борьбу идей", на рациональный выбор. Естественно, что именно такие перемены, касающиеся здравого смысла, а не политически ангажированных персонажей, будут восприняты обществом спокойно, взвешенно и неаффективно. Тогда модернизаторские идеи обретут необходимую базу и, скорее всего, победят - при условии соответствующего нового окружения даже при прежнем "основном носителе".

Риск поражения

В конечном счете, необходимо различать личный риск для конкретного носителя президентских полномочий и общественный риск, связанный с возможностями новой дестабилизации социально-политической ситуации. С этой точки зрения дальнейшее движение России совсем не обязательно связано с личностью конкретного Б.Н.Ельцина. Он уже при любых вариантах останется в истории, и именно поэтому он имеет право на риск. С точки же зрения общества существует несколько вариантов, не ведущих к дестабилизации ситуации.

Первый вариант: В.С.Черномырдин. Данный вариант едва ли приведет к потрясениям. Однако он и не слишком продвинет вперед. Это будет вариант большей стабилизации

систем управления и придания некоторой динамичности в жизнедеятельности власти. Однако он тоже будет переходным - скорее, депрессивным (в соответствии с нынешней депрессивной фазой состояния российской экономики, ей вполне может соответствовать и определенная депрессивность в политике) перед, возможно, новым "рывком модернизации". Данный вариант мог бы пойти лишь на дозированное, частичное обновление президентской политики в качестве предвыборного аргумента. Его наиболее вероятный лозунг: "преемственность и постепенное совершенствование путем исправления отдельных недостатков". Вполне вероятный вариант с точки зрения расклада сил.

Второй вариант: Г.А.Явлинский. Он вполне может пойти на требования более серьезного обновления модели президентской политики, однако в итоге, столкнувшись с реальностью, едва ли это обновление будет слишком радикальным. Оно будет достаточным и, вместе с тем, безопасным для общества. Этот вариант потенциально значительно более динамичен, чем предыдущий, однако, в силу недостаточного опыта пребывания Явлинского у "рычагов власти" и отсутствия в стране механизмов презумпции N5, пока не самый вероятный.

Все прочие варианты, скорее всего, будут требовать и предлагать значительное (вплоть до радикального) обновление как модели, так и способов ее осуществления (скажем, давно согласный с нынешней моделью В.В.Жириновский будет требовать обновления именно методов ее реализации). Однако практически все иные из известных вариантов "обновления модели" могут оказаться дестабилизирующими для общества.

А.С.Головков
**ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО УСПЕХА: РОССИЙСКАЯ
МОДЕЛЬ**

1. Идея национального успеха

Выборы 17 декабря с.г. стали лишь первым и далеко не самым драматичным этапом политического противоборства, завершением которого должна быть смена или значительная коррекция режима власти в России. При этом практически повсеместно осознается неизбежность президентских выборов летом 1996 г., вне зависимости от степени готовности и желаний кремлевского руководства такие выборы проводить.

Российское общество, начиная с 1989 года, приняло демократические правила игры и признает законность существующей власти, пока эта власть указанных правил в той или иной степени придерживается. Активность избирателей, проявленная 17 декабря, свидетельствует о том, что любые попытки полулегитимного (по казахстанской модели) или совершенно нелегитимного продления полномочий нынешней исполнительной власти не встретит ни сочувственного, ни даже равнодушного отношения. В то же время "рыхлость" сложившейся системы власти, и в первую очередь существующих силовых структур, где антирежимные (прежде всего "антиельцинские") настроения доминируют так же, как и в обществе в целом, не позволяет надеяться на успех любой попытки игнорировать волю народа.

Желание перемен охватывает широкие слои общества, включая многие элитарные группы, в том числе и входящие в "партию власти". При этом анализ результатов социологических исследований показывает, что ни в одном из секторов российского массового сознания (исключая немногочисленных маргиналов различного толка) не вызрело требование радикального "слома" существующей политико-экономической системы. Но сохранение какой-то стабильности является, пожалуй, единственным целеполагающим условием, солидаризирующим общество. Во всем остальном векторы устремлений и интересов основных общественных групп настолько расходятся, что практически невозможно сформулировать интегральное направление конкретных перемен таким образом, чтобы удовлетворить политические чаяния адекватного большинства.

Поэтому одной из основных задач развития России в ближайшем обозримом будущем видится формирование некоей объединяющей общество идеологической концепции, в рамках которой можно было бы согласовать интересы хотя бы основных политически значимых общественных групп и слоев.

Войдя во власть под лозунгами антитоталитаризма и антикоммунизма, нынешнее российское руководство на первых этапах своей деятельности эксплуатировало лозунги либерального рыночного реформизма, обеспечивавшие тогда высокую степень консолидации наиболее активной части общества.

Однако затянувшийся экономический кризис уже к концу 1993 года резко сузил электоральную базу режима. Окончательно "очарование" либерализма померкло к середине 1994 года, когда под обломками финансовых пирамид была погребена надежда на создание многомиллионного класса собственников. В связи с этим определенная часть президентского окружения со второй половины 1994 года пыталась осуществить маневр "смены парадигмы" режима от либерально-реформаторской (образ президента - "отца российской демократии", "гаранта реформ") к державно-традиционалистской (примат "государственного интереса", "защиты территориальной целостности" и пр.). Отчасти эти "пробы" были вызваны опасениями в связи с падением рейтингового и электорального потенциала Б.Ельцина, но в гораздо большей степени инициировались процессами в самой "партии власти" - формированием относительно самостоятельных, и зачастую конфликтующих, кланов высшей бюрократии в условиях реального ослабления способности главы государства осуществлять личный контроль над властными структурами.

Идеологические "забросы" кремлевских "державников" не вызвали, в целом, позитивного отклика в обществе, "срезонировав" лишь в некоторых группах интеллектуалов маргинального толка и в периферийных кругах "партии власти" - среди определенной части номенклатуры и околономенклатурного предпринимательства, "ущемленной" при разделе власти и собственности и, соответственно, выражающей недовольство сложившимися "правилами игры". Попытки реализовать данную тенденцию в политике вылились, в конечном итоге, в ряд разрозненных акций (назначение В.Полеванова и его "национализаторская" деятельность, эпизоды "охоты на гусей", "наезды" на московское руководство и т.д.), не прибавивших политического капитала ни их инициаторам, ни власти как таковой. Особо показательна в этом отношении "выдающаяся" роль кремлевских "державников" в чеченском конфликте.

Таким образом, если идеология либерального реформизма была скомпрометирована результатами ее практического применения, то альтернативная ей идеология "державности", в трактовке нынешних власть имущих, оказалась полностью несостоятельной уже в первых "экспериментальных" попытках практического применения.

Анализ опыта ряда стран (от послевоенной Германии и Японии 60-х годов до дэнсяопиновского Китая) показывает, что все удачные модели посттоталитарного развития включают в се-

бя некие общие черты, интегрируя которые мы получаем контуры своеобразной "сверхидеологии", в основе которой - идея "национального успеха", представляемого как результат, объединяющий успех отдельных индивидуумов, структур и групп. Такая идея, будучи по сущностному наполнению вполне интернациональной, приобретает в каждом конкретном случае адекватно-национальную форму и окраску.

Специфическая российская модель "национального успеха", если таковая будет востребована для практического использования, должна, помимо прочего, включить в себя идеологию своего рода "рационализации" государства, с тем, чтобы уменьшить до разумного предела энтропийные издержки общества, связанные с наличием бюрократического аппарата, обладающего огромным потенциалом самовоспроизводства и традиционно стремящегося к самодостаточности и неподконтрольности обществу.

Другой основополагающей чертой российской модели, по всей вероятности, должна стать национальная стратегия распоряжения главными источниками национального накопления и национального роста: уникальными природными ресурсами и интеллектуальным потенциалом, унаследованным от советской эпохи.

Нет сомнения, что российская модель "национального успеха" должна представлять собой модель открытого общества, и либеральные элементы в ней могут быть выражены даже ярче, нежели в германской, японской и т.п. - как долговременная реакция общественного сознания на реликты авторитаризма в институтах государственной власти. Определенные элементы "державности" или, вернее, государственно-солидаристского и корпоративно-солидаристского менталитета могут не эклектично, но органично встраиваться в данную модель в рамках постановки общей задачи "рационализации" государства, о которой говорилось выше.

Не приходится рассчитывать, что идеология "национального успеха" России с соответствующей конкретикой целеполагания и этапности выйдет в готовом виде из некоего мозгового центра, как Афина из головы Зевса. Скорее она будет постигаться, формироваться и вызревать на базе социально-экономической эмпирики, выверяться методом проб и ошибок и осмысливаться преимущественно "post factum". И дело не только в недостаточности существующих методов анализа и прогнозтики общественных процессов. При нынешнем рыхлом и фрагментированном состоянии российского общества никакая идеология не станет движущей силой национального развития до тех пор, пока общество не получит хотя бы частных доказательств позитивной применимости соответствующих теоретических положений. Только получив такие доказательства на практике, общество может предоставить творцам и реали-

затарам соответствующей идеологии *кредит доверия*, который будет уменьшаться или возрастать в зависимости от дальнейших результатов.

Впрочем, задача формирования не ритуальной, а реальной идейноценностной национальной программы начнет решаться, скорее всего, отнюдь не в ближайшие полгода, когда любые идеологические построения и концепции будут рассматриваться исключительно с точки зрения их использования в предвыборной борьбе.

Пока же следует ожидать выдвижения множества самых оригинальных концепций "обустройства России", при этом наибольшее внимание политических лидеров вполне может достаться творцам эклектичных программ популистского толка, сочетающих малосовместимые ценностные установки, - программ, которым никогда не суждено воплотиться в политико-экономические реалии.

2. " Партия власти" - проблемы обновления

Российская новейшая история демонстрирует исключительную уплотненность "политического" времени. В течение всего нескольких лет в России произошли эпохальные изменения базисного и надстроечного характера, во многом инициированные деятельностью первого президента и его команды, своего рода "коллективного Ельцина", пережившего за эти годы периоды политической юности (1990 - 1991 г.), зрелости (с августа 91 примерно по май 94 г.) и постепенного одряхления (с середины 1994 г.).

Важнейшим показателем такого одряхления является постепенное падение влияния власть имущих на массовое сознание, непосредственно отразившееся в результатах выборов кампаний 1993 и 1995 гг. Сопоставляя эти результаты, многие исследователи спешат указать на "усталость" избирателей, их "разочарование" демократическими правилами игры и т.д. На самом же деле имеет место достаточно быстрое (в исторических масштабах времени) "взросление" российского избирателя en masse, явно опережающее процессы структурирования российской политической элиты. При этом усиливается скептицизм по отношению к политическим лидерам и партиям.

В изменяющихся электоральных условиях основной задачей "партии власти" по-прежнему является сохранение политической и персональноструктурной преемственности режима. Применительно к июньским выборам это означает следующие принципиально допустимые варианты перемен.

- а). Смена в верхушке власти при сохранении первого лица.
- б). Смена президента и узкого круга лиц, его окружающих.

в). Смена всей верхушки исполнительной власти с соответствующими изменениями в расстановке сил внутри "партии власти".

Каждый из указанных вариантов реально влечет за собой соответствующие изменения в отношении стратегического и тактического целеполагания и может быть желателен (или, наоборот, неприемлем) с точки зрения различных сил, действующих на российской политарене. Эти силы постепенно структурируются, обретая контуры чиновно-политических группировок. При этом в процессе оформления каждой подобной группировки (или коалиции группировок) на первый план выходит задача такого подбора участников, который обеспечил бы максимальный потенциал поддержки. Этот потенциал можно представить в виде суммы потенциалов воздействия на политический процесс отдельных групп, кланов, социальных слоев, вовлеченных в движение по вектору, заданному указанной группировкой или коалицией.

Для группировок, ориентирующих исключительно на интересы нынешней верхушки "партии власти", желаемой целью являются "косметические" перемены (варианты "а", "б"). При этом политико - стратегические устремления сторонников сохранения и смены нынешнего президента в целом совпадают.

Вариант со сменой первого лица в рамках своего рода "легитимного престолонаследия" представляется наиболее перспективным с точки зрения основной массы высшего чиновничества, так как не ставит их интересы в зависимость от заметно поблекшего имиджа и практически нулевого электорального потенциала нынешнего главы государства. Переизбрание Б.Ельцина в том виде, как он ныне выглядит в глазах большинства россиян, вызывает, как минимум, большие сомнения.

В то же время, еще большей ошибкой для нынешней "партии власти" стала бы попытка выдвижения Б.Ельцина на второй срок с одновременной сменой "идеологических вех" и соответствующей самокритикой деятельности российского руководства в предшествующий период. Он утратил бы поддержку остатков своего "старого" электората и не приобрел бы симпатий среди своих нынешних противников.

Выдвижение в качестве кандидата "партии власти" на президентских выборах вместо Б.Ельцина его "законного наследника" не только развязывает руки в плане модификации идеологической атрибутики режима, но также позволяет создать видимость его сущностной коррекции в соответствии с чаяниями избирателей. При этом на роль преемника Б.Ельцина с наибольшими шансами на успех может претендовать В.Черномырдин, бесспорно занимающий второе место в российской чиновно-политической иерархии. Однако для немногочисленной, но весьма могущественной группировки на вершине "крем-

левского Олимпа" вероятное президентство В. Черномырдина грозит самыми негативными последствиями.

Скрытый за кулисами конфликт карьерно-личностных интересов представляет собой значительную опасность для верхушки "партии власти", что оказывает значительное сдерживающее воздействие на лидеров, предпочитающих до поры до времени не объявлять открыто о своих намерениях. Премьер и его сторонники придерживаются тактики постепенного расширения сферы своего контроля, но "раскрыть карты" для них означало бы противопоставить себя аппаратной мощи, сохраняющейся в руках президента. Противники премьера в президентском окружении, вероятно, вынуждены будут рано или поздно предпринять кампанию за повторное выдвижение Б.Ельцина (что представляется делом весьма сомнительным) либо пойти на открытый союз с той или иной группировкой вне "кремлевской верхушки", с тем, чтобы обеспечить свое политическое будущее, - но тогда им, в свою очередь, придется отречься от нынешнего главы государства, со всеми вытекающими последствиями.

Для "партии власти" в целом приемлема и более основательная "перетасовка колоды" (по варианту "в"), - поэтому в числе ярых "критиков режима" имеются группировки, реально привязанные к его структурам. Прежде всего, это "команда" Конгресса русских общин, где, в целом, тон задают бывшие и сущие деятели "поставгустовской" властной элиты. С теми либо иными оговорками к резерву "партии власти" можно отнести и еще ряд структур, от росселевского "Преображения отечества" до полевановского блока "За Родину! Новая Россия". Все они вполне закономерно провалились на выборах 17 декабря, что реально показывает, насколько сузилось "поле маневра" власть имущих в нынешних условиях.

Впрочем, общеполитическая ситуация в России сейчас складывается таким образом, что "партия власти" уже не в состоянии гарантировать избрание на пост президента выдвигаемого ею кандидата. И, следовательно, судьба режима будет решаться в жестком противоборстве сил, его поддерживающих, с несколькими мощными группировками реальной оппозиции.

3. Перспективы на июнь

Российский электорат 17 декабря в основной массе проголосовал исключительно "сознательно" - в соответствии с вполне отчетливыми политико-идеологическими пристрастиями. Многократно заявленная в предвыборный период деполитизированность россиян оказалась мифом. Зато вполне реальна углубляющаяся пропасть, раскалывающая общество на несколько крупных фрагментов, пропасть, в которую провалилось

множество политконтор, прокламировавших всевозможный центризм, умеренную полуопозиционность и тому подобные гражданские добродетели.

Рационализм осуществленного избирателями волеизъявления определил предельно упрощенную схему расстановки сил в новой Думе - неравносторонний четырехугольник, где массивный "красный" угол почти монополизирован КПРФ, в "черном" углу по - прежнему правит бал партия Жириновского, "бесцветный" угол занят "партией власти" в лице НДР, и, наконец, до предела сузившийся "белый" угол зарезервирован для непорочных демократов из "ЯБЛока" и иже с ними, стойких в оппозиции власть имущим.

Вполне возможно, что в процессе самоопределения депутатов, избранных по одномандатным округам, возникнет несколько промежуточных мини групп, способных собирать скромные дивиденды на поддержке парламентских "китов" по тем или иным конкретным вопросам, однако вряд ли они окажут существенное влияние на общий расклад сил.

Опыт выборных кампаний 1993 и 1995 гг. показывает, что ни одна из группировок, вступающих ныне в борьбу за верховную власть, не обладает организационным инструментарием, гарантирующим избрание собственного кандидата. И каждая группировка будет стремиться к расширению своего идейного влияния в обществе, добиваясь *кредита доверия* различных его групп и слоев под соответствующие лозунги и предвыборные обещания.

В настоящее время уже устаревает представление о чистом "персонализме" применительно к политическим симпатиям и антипатиям россиян, основой для голосования среднестатистического избирателя становится стремление способствовать реализации определенной идейно-политической тенденции. (Показателен в этом отношении относительный успех на выборах 17 декабря Партии самоуправления трудящихся С.Федорова, сформулировавшей симпатичную идею своего рода "народного капитализма" и, несмотря на скромный финансово-организационный потенциал и слабую предвыборную активность, сумевшую опередить по числу голосов не только скороспелые образования Б.Федорова, И.Хакамады и др., но даже гайдаровский "ДемВыбор").

Если в основе мотивации при голосовании большинства избирателей, участвовавших в декабрьских выборах, были идеи, идентифицируемые с соответствующими персонами и партиями, то в июне избиратели, надо полагать, отдадут голоса тем лидерам, которые в данный момент *олицетворяют соответствующие идеологические ценности, подкрепляемые мощью политических структур*. Претенденты, не удовлетворяющие таким требованиям, будь то господа Горбачев, Руцкой, Шумейко, Иванов, Петров, Сидоров, воспримутся столь же

"серьезно", как на минувших выборах Блок Станислава Говорухина, Партия любителей пива и Росжилкоммунсоюз.

Вышеописанный "магический четырехугольник" российской политики предопределяет четверку основных претендентов на высшую власть: от "красных" - Г.Зюганов или иной товарищ, определенный на данную роль волей ЦК КПРФ, от "черных", несомненно, - В.В.Жириновский, от "белых", почти столь же несомненно, - Г.Явлинский и, наконец, один основной кандидат от "партии власти" в роли которого может выступить либо Б.Ельцин, либо его, так сказать, законный наследник - с благословения и по поручению нынешнего президента.

Предположим, "партия власти" не расколется и оптимально для себя определится с "престолонаследием", выдвинув лидера, имеющего наибольшие шансы на успех, - В.Черномырдина.

Предположим также, что выборы состоятся в намеченный срок и до их проведения не произойдет никаких чрезвычайных событий, способных изменить всю картину.

В первом туре голосования неизбежен выход в финал кандидата "красных" - будь то Г.Зюганов или кто иной. Вторым, примерно с одинаковой вероятностью, могут стать В.Жириновский и кандидат "партии власти" (условно - В.Черномырдин). Шансы Г.Явлинского практически равны нулю, но участие в выборах необходимо для его дальнейшей политической карьеры - с перспективой на 2000 год и далее.

Если у россиян будет блестящая возможность выбора между Г.Зюгановым и В.Жириновским, победа вождя коммунистов представляется более вероятной (для многих перспектива возврата коммунистов к власти покажется "привычным злом"). Если в финале сойдутся Г.Зюганов и В.Черномырдин, то на стороне "красных" окажутся голоса многих жириновцев, тогда, как электорат Г.Явлинского в основной массе второй тур выборов проигнорирует. В итоге, опять-таки, шансы на успех у "красных" значительно выше, нежели у "бесцветных", даже если последним самую самоотверженную поддержку окажут Е.Гайдар и другие "сознательные" демократы.

Лидеры компартии явно настроены на победу в июне. В связи с этим они, сохраняя опору на сравнительно организованный собственный электорат, попытаются, по всей видимости, захватить контроль над определенной частью электората "национал-радикалов", усиливая в программных документах и в предвыборной риторике элементы "державности", "патриотизма", "духовного традиционализма". В то же время, основные идейные приоритеты КПРФ - восстановление Советской власти, СССР и социализма - в настоящее время обладают солидаристским потенциалом лишь по отношению к "левому" меньшинству, поэтому, по мере консолидации "красных", раскол в российском обществе будет неизбежно

углубляться. По существу, любые электоральные и иные политические успехи коммунистов, как и их предшественников в 1917 году, грозят России самыми серьезными конфликтами и потрясениями.

Несколько иная ситуация у либерал-демократов, оказавшихся как бы в плену удачной идео-персональной схемы образца 1993 года. Жириновцы, вероятно, ограничатся тем, что постараются "оживить" несколько поблекший имидж своего вождя. Скорее всего, выступление ЛДПР на президентских выборах не может непосредственно привести к прорыву во власть. Соответственно, перед партией встает двуединая задача: политического выживания (в смысле сохранения идейного и организационного влияния в национал - радикальной части электората) и модернизации облика (с тем, чтобы избавиться от сохраняющегося оттенка маргинальности и быть принятыми на равных правах в круг "цивильных" политструктур). Первое - требует сохранения и усиления "радикальной" риторики, для второго - желательно некоторое смягчение пропагандистских акцентов. В связи с возникающими противоречиями в отношении приоритетов целеполагания уже сейчас в руководстве ЛДПР намечаются расходящиеся политические тенденции, на персональном уровне увязываемые с фигурами самого В.Жириновского и второго, по значимости, партлидера А.Венгеровского.

Ход политических процессов в России нередко опрокидывает прогнозы аналитиков. Так и в июне вполне могут сработать различные факторы и обстоятельства, действие которых мы не можем в полной мере учесть в настоящее время.

Декабрьские успехи КПРФ, ЛДПР и даже, отчасти, "ЯБ-Лока" в значительной мере обусловлены возрастающим отторжением общества от власть имущих. В этом отношении нынешняя ситуация в чем-то напоминает обстоятельства падения коммунистического режима в 1990 - 1991 гг. Сейчас на "антиноменклатурных" настроениях пытаются играть лидеры "солидных" оппозиционных структур, однако никто из них не обладает политическим обаянием раннего Ельцина.

Поэтому "вне большой четверки" определенные шансы на успех имеет генерал А. Лебедь - единственный из числа соискателей президентского кресла, обладающий своеобразной харизмой и, в связи с этим, способный оседлать надвигающуюся "вторую антиноменклатурную волну". Но даже если из-за недостаточности финансового и организационного потенциала А.Лебедь не сможет добиться победы, его участие в выборах может существенно сказаться на результатах голосования.

В переходный период 1990 - 1993 гг. наиболее активная и электорально значимая часть общества находилась в поле влияния либерально-реформаторской парадигмы. Однако, по мере реализации реформаторских идей в политэкономической практике, именно эта часть общества в наибольшей степени

фрагментировалась, что особенно сказалось в соответствующем секторе политической элиты.

Весь драматизм нынешней политической ситуации в России заключается в том, что противоречия между группировками, течениями и лидерами, составляющими "конструктивную" часть политического спектра, представляются в настоящее время почти непреодолимой преградой для их объединения даже в рамках одной избирательной кампании, хотя в относительно близкой перспективе данный общественный сектор в наибольшей степени подготовлен к солидаризации в рамках предполагаемой отечественной идеомодели "национального успеха". Формирование последней, осуществляемое в "муках рождения" российского капитализма, происходит стремительно по историческим меркам, но крайне медленно в сравнении с динамикой политических процессов.

Впрочем, есть еще некоторый запас времени. И существует принципиальная возможность создания широкой коалиции, включающей все политструктуры "демократов" и большую часть "партии власти" под предводительством либеральной бюрократии (что еще в начале 1995 года предлагал Е.Гайдар). В этом случае процессы консолидации конструктивных сил российского общества обрели бы необходимую динамику, чтобы к июню 1996 года на пути во власть был поставлен непреодолимый заслон для "красных" и "черных" в любых сочетаниях.

**МОДЕЛИ УСПЕХА:
ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

- Существует ли множественность в ценностных основаниях обновления экономического курса современной России? Каковы наиболее реалистические альтернативы построения "нового курса" в экономической политике? Какие ценностные приоритеты в них заложены? Каковы возможные негативные последствия принятия каждой из них за основу "нового курса" в экономической политике?
- Как можно было бы сегодня сформулировать проблемную ситуацию, в которую поставлена российская власть накануне выбора "нового курса" в социальной политике? Каковы альтернативы обновления социальной политики в стране?
- На каких ценностных основаниях сформулирована de facto сегодняшняя региональная концепция и в какой идеологической оболочке она предъявлена обществу? Обречена ли сегодняшняя модель региональной политики в России на политическое фиаско или она еще достаточно функциональна, даже если и нуждается в некоторых коррективах и идеологической доработке? Каким образом возможно обновление региональной политики в современной России?
- Обладает ли "политика державности" особым эвристическим значением для обновления президентской политики в современной России? Какие фантомные и какие реальные смыслы и знаки заложены в символах "державности"? Каков прогноз относительно того сценария, по которому идея державности будет в конечном итоге инкорпорирована в модель обновленной президентской политики в России?

В.С.Гуревич

**СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ГОСУДАРСТВА
В ЭПОХУ РЫНОЧНОГО ДОЛГОСТРОЯ**

Главное для власти - знать свое место.
И знать его, по возможности, хорошо.

Если у марксизма были три источника и три составных части, то у российской экономической политики - только два.

Одна и та же реальность питает две экономические идеологии. Реальность заключается в том, что отечественное хозяйство огромно и неконкурентоспособно, а факт управления им находится под большим вопросом. Из чего делается два

несовпадающих вывода. Первый - необходимо повышение "управляющей роли" государства, без чего невозможна перестройка такого хозяйства в эффективную систему. Второй - повышение "управляющей роли" государства невозможно да и сомнительно по эффекту, поэтому перестройку надо оставить за рынком, а за собой - заботу о качестве денег.

В последние годы российская экономическая политика "по факту" отражала, скорее, эту вторую идеологию при нарастающих требованиях использовать первую. Ибо что же еще может скрываться в диапазоне лозунгов от "серьезной корректировки" проводимой политики до ее "решительного пересмотра". К концу 1995г. эти требования усугубились итогами парламентских выборов...

Ирония судьбы заключается в том, что именно 1995 г. принес (частично) тот эффект, которого сторонники идеологии "либерального хозяйствования при крепких деньгах" тщетно добивались три предыдущих года реформ: снижение темпов инфляции, стабильный валютный курс и замедление темпов спада. И, в принципе, следующего - 1996 года было бы вполне достаточно для уверенного вывода: имеем ли мы дело с принципиальным переломом, с реальным выходом из порочного круга или всего лишь с временной конъюнктурой, за которой не стоит ничего фундаментального? Но как раз потому, что речь идет уже о пятом годе, психологические ресурсы проводимой политики оказались подорванными, а ее ограниченные (особенно в житейском понимании) результаты - недостаточными для компенсации неудач и потерь. Это грозит радикальной попыткой "смены вех", выходящей далеко за пределы любых разумных изменений в нынешней политике.

Почему разумными могут быть лишь "изменения", а не целостный альтернативный курс? Потому, что нынешняя политика сама не является целостной и последовательной. Многое из того, что провозглашалось, готовилось и даже частично воплощалось ее проводниками, вполне согласуется с тем, к чему призывали ее критики (взять хотя бы недавние ценовые ограничения в отношении естественных монополий). Поэтому действительно "целостной альтернативой" могла бы стать лишь последовательно антирыночная политика (национализация, замораживание цен, обязательный госзаказ и сопутствующее ему административное распределение) - безотносительно к тому, сколь долго на самом деле можно было бы следовать такой альтернативе.

"Всего лишь" изменения объяснимы и теми жесткими лимитами, которые на сегодня отпущены стране. Ограниченность ресурсов и слабость власти - не выдумка либеральных идеологов, оправдывающих этим соответствующую политику, а печальный факт. Неприятно, но надо согласиться с уже банальным тезисом, что коридор возможностей пока узок, но ведь и в

коридоре можно вести себя по-разному: не обязательно там шататься по-пьяному, наткаться на предметы, видные даже при тусклом свете, падать и терять сознание.

Первое, что относится к "изменениям": многие из экономических проблем являются абсолютно внеэкономическими по происхождению и могут быть устранены только внеэкономическим способом. К таким проблемам относится гиря расходов на Чечню, которая повешена себе на шею собственными руками и только руками же может быть снята. Запрашиваемых на один лишь 1996 г. средств (и только на "восстановление", без военных затрат) хватило бы на завершение телефонизации всей России. Едва ли ни больший экономический ущерб, связанный с Чечней: масштабная реставрация на высшем государственном уровне советской практики выдачи средств "по приказу и под запрос". Из той же оперы - бюджетные субсидии и налоговые освобождения "по дружбе". Выдача индивидуальных льгот высшими должностными лицами по масштабу экономических последствий и ежегодных потерь сравнима со "второй Чечней", и если подобная практика не прекращается, то надо прекратить разговоры, что "у государства не осталось резервов".

При решении только двух этих проблем, которые ни с каких точек зрения нельзя назвать "фатальными", вполне можно внести существенные изменения в инвестиционную и социальную политику - просто благодаря появлению ресурсов в размере 5-10 млрд.долл. в год.

Проблема ресурсов и, в частности, инвестиций получает сегодня порядковый номер "1". Даже при дальнейшем снижении инфляции никакого инвестиционного бума, сопоставимого с потребностями страны, может и не быть. На обозримое будущее внутренние возможности накопления остаются довольно скромными (если, конечно, не рассматривать эмиссионные источники). Понятно, надо делать все, чтобы привлекать средства населения, снижать стоимость кредитов и т.п. Но все эти мыслимые источники, включая даже наращивание экспорта (что все более сомнительно), выглядят бледно по сравнению с задачей перестройки почти полностью неконкурентоспособного хозяйства и создания почти отсутствующей либо совершенно устаревшей инфраструктуры. Нравится или нет, но если не откладывать эти проблемы еще на 20-30 лет, то придется делать все для привлечения внешних источников, по крайней мере, сопоставимых по объему с потенциальными внутренними, то есть прямых и портфельных иностранных инвестиций. Коммерческих и инвестиционных кредитов. Пассивность и примирение с фактическим провалом закона о разделе продукции необъяснимы для власти, сколько-нибудь внятно представляющей экономическую перспективу - при том, что для его принятия в приемлемом виде требовались незначительные усилия, зато

его нынешний неприемлемый вид в чем-то похуже результатов декабрьских выборов.

Есть также ряд конкретных проблем, прогресс в решении которых устойчиво отсутствует, а также ряд конкретных вопросов, которые требуют того или иного ответа - то есть выбора.

Вопрос о том, нужно ли подавлять инфляцию "любой ценой", не относится к числу новых. Сложность ответа на него возрастает по мере снижения уровня инфляции: при гиперинфляции ответ "да" практически очевиден. При инфляции же 3-5% в месяц нелегко ответить, необходимо ли бороться за ее дополнительное снижение на 0.5%, если оно достигается ценой массовой задержки государственных зарплат и пенсий. Практический ответ: не надо бороться, поскольку после задержек обычно следует компенсирующий выброс денег, добавляющий к инфляции, скажем, 0.3%, и если приплюсовать к этому негативный политический выброс, то итоговый результат редко когда ободряет.

Вопрос о том, нужно ли продолжать начатую денежную приватизацию в избранных формах и темпах, некорректен. Денежную приватизацию можно вести в стране, в которой есть деньги, а в стране, которая продолжает финансовую стабилизацию, т.е. сжимает денежную массу, лучше продавать предприятия вообще за один рубль, но не все и не всем, а под конкретные бизнес-проекты (тут и ответ насчет темпов). Кое-что удастся продать дороже и даже не продать, а заложить: идея залоговых аукционов, вызвавшая столь бурную реакцию, вполне пригодна. Но абсолютно неясно, почему при этом надо отдавать именно 50-80% капитала крупнейших нефтяных компаний, в общем-то, за очень небольшие деньги, вместо того, чтобы отдать 15-20%, достаточных и для разогрева рынка, и для развития приватизации, а остальное - готовить действительно для выгодной продажи. Здесь, кстати, у государства имеется в запасе один из эффективных политически и законных юридически шагов: коль скоро принадлежащие ему пакеты акций не проданы, а отданы в залог под кредит, то часть пакетов по наиболее скандальным сделкам можно вернуть, вернув кредит и продемонстрировав, что государство реально управляет своей собственностью. Главное же, оно должно определить, что же оно хочет получить от приватизации: эффективного собственника или деньги в бюджет. Обе задачи совместимы, если отделить предприятия, перспективные в будущем для продажи за большие деньги, от предприятий, пребывающих в статусе "возьмите нас за ради Бога и сделайте хоть что-нибудь", - здесь собственнику, готовому их взять под какие-либо обязательства, можно еще и приплатить.

Вопрос о том, какие субсидии нужны и какие отрасли необходимо поддерживать, так же традиционен, как и длинный список претендентов. Реальность такова, что сегодня нельзя уй-

ти от поддержки агросектора, угледобычи и части ВПК хотя бы просто потому, что иначе одновременно "ухнет" слишком значительное количество производств с многомиллионным персоналом, - именно в этих секторах доля неконкурентоспособных особенно высока. В остальном же никаких поддержек и субсидий по отраслевому принципу быть не может - только под конкретные ситуации и проекты. Зато вместо того, чтобы безнадежно выявлять "приоритетные отрасли", уже давно требовалось определить несколько приоритетных национальных научных школ, казенное содержание которых не только необходимо, но и обойдется бюджету на самом деле очень дешево.

Куда дороже обойдутся социальные и геополитические транспортные субсидии, которые, однако, почти неизбежны. Отрыв Дальнего Востока от остальной части страны может стать необратимым, если не будет решен вопрос о коммуникационных тарифах. При таких масштабах страны, с одной стороны, и таких сдвигах в структуре издержек, - с другой, транспортная составляющая все чаще приобретает роль приговора. Не имея возможности дотировать движение по всем своим просторам, страна, по крайней мере, должна подумать, как это сделать в отношении самых удаленных регионов. Еще один повод подумать: приближение стоимости "единого проездного" билета на городском транспорте к 40% средней зарплаты - такая доля расходов за услугу, предназначенную не самой богатой части общества, выглядит социальным абсурдом. Подобную структуру расходов нельзя сохранять уже просто потому, что это войдет в противоречие с неизбежным и экономически более оправданным ростом доли "жилищно-коммунальных" расходов в семейных бюджетах. Государство обязано контролировать структуру семейных бюджетов в том смысле, что соотношение статей расходов должно иметь хотя бы "приблизительно нормальный" характер. И если это соотношение становится ненормальным, должно происходить хотя бы соответствующее перераспределение субсидий.

Вопрос о том, должно ли государство контролировать цены естественных монополий, так же некорректен. Государство всегда контролировало их цены - в том смысле, что цены на газ, электроэнергию, железнодорожные тарифы никогда и не были рыночно-свободными. Но оно утратило за ними контроль в том смысле, что полностью отсутствует четкая система их административного регулирования, - они то замораживаются, то меняются ежеквартально, то помесечно; в результате происходят или единовременные всплески цен после заморозки, или местные службы перехватывают рычаги у центральных и начинают управлять этими ценами по своему разумению. Хаос регулирования легко отнести к хаосу управления, соперничеству ведомств и уровней власти (и все это есть), но все же главная

причина - не сделан выбор той схемы, которой намерено придерживаться государство.

Не сделаны и некоторые другие важнейшие для экономики "выборы". Нет ответа на вопрос, какую же на самом деле "степень" протекционизма избрало государство, в какой степени оно готово открыть или закрыть внутренний рынок. Самый очевидный пример - высокие пошлины на импортные автомобили, что привело к контрабанде, но никак не к улучшению в отечественном автомобилестроении. Выбор: сохранение высоких пошлин при уверенности, что можно найти инвестиции и менеджеров для подъема собственного производства (при сохранении длительное время высоких цен на автомобили). Либо - отмена пошлин, резкое увеличение ввоза автомобилей и количества автовладельцев, снижение цен, возрастание спроса на соответствующие услуги, "бум" в сопряженной сфере обслуживания и значительное количество новых рабочих мест; одновременно - ухудшение экологической ситуации и удлинение пробок в крупных городах, а что касается промышленности - ставка на сборочные автопроизводства с импортными комплектующими (возможно, с частичной загрузкой под это действующих автозаводов)... Для страны с такой высокой долей неконкурентоспособных производств проблема выбора степени протекционизма имеет номер "2" после проблемы инвестиций. Закрытость означает застой и угасание, полная открытость - слишком острые социальные коллизии и геополитические эффекты. Теоретически этот выбор сделать легко - "умеренный протекционизм", когда импортная конкуренция не сметает все на своем пути, а допускается как инструмент давления на производителей: работаете хуже - теряете рынок, работаете лучше - имеете сбыт, выигрываете у иностранных конкурентов. На практике мы имеем либо непомерные заградительные пошлины, либо полное подавление собственных рынков сбыта импортом: кто какие условия в разных секторах себе сумел "выбить".

Не сделано выбора и по смежной проблеме - соотношения внутренних и мировых цен. Многими теперь признается, что приближение первых ко вторым (особенно по энергоресурсам) произошло непростительно быстро. И в результате конкурентоспособность основных статей экспорта оказалась под угрозой. Теперь о выборе такого рода думать трудно - процесс не только пошел, но и почти "произошел", а некоторые виды продукции уже за мировой гранью. И только государство может ответить: что делать с оставшейся еще разницей по газу, нефти, электроэнергии, и как продолжать экспорт, если внутренние цены здесь также достигнут мировых.

Можно назвать и иную проблему, по которой выбора не видно - налоги, хотя проектов радикальной переделки налоговой системы много. Если исключить естественные предложения по сокращению числа налогов, то все проекты сводятся к тому,

чтобы сделать имущественные и ресурсные налоги основными - их, по крайней мере, легче собирать. Однако, скорее всего, ничего радикально изменять здесь нельзя - переложить основное бремя налогов на нефтегазовый сектор можно, но оно и так уже значительно, поэтому реальнее просто лишить нефтегазовый сектор его инвестиционных возможностей, перераспределив эти средства в бюджет. А это уже вопрос государственного вкуса - хочет ли оно сконцентрировать финансы в своем кармане или дает возможности предприятиям инвестировать самим. На самом же деле принципиальным, хотя и не революционным по суммам, остается вопрос о сборе налогов с торговли и мелкого бизнеса, который их почти не платит. Решение, которое напрашивается уже не один год, но так и не принято, - освободить мелкий бизнес от налогов вообще, назначив ему доступную лицензионную плату: он легко и с удовольствием пойдет на такие условия, сбор лицензионных платежей не составляет особого труда, а местные власти получают несколько триллионов рублей в свое распоряжение - вместо тех сумм, которые они ежегодно планируют, но никогда не получают...

Этот нарочито эскизный "список" тем и проблем - всего лишь демонстрация основного тезиса: даже в рыночной ситуации за государством совершенно объективно остается слишком многое, чтобы можно было говорить о его "невмешательстве". Однако у него мало денег и еще меньше - "хороших" решений. Поэтому ему нужно делать выбор и принимать решения хотя бы там, где они становятся очевидными. Оно не может претендовать на большее. Но если оно не способно справиться с меньшим, тогда ему остается одна функция - подковерная раздача льгот из еще оставшихся сундуков, которая становится все более неприкрытой.

Е.Ш.Гонтмахер

ОБНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ?

Определение "фиаско сегодняшней социальной политики", содержащееся в диагностической части предложенной мне авторами проекта экспертной анкеты, перед тем, как либо опровергнуть, либо поддержать его, требует уточнения. Дело в том, что на сегодня не существует "социальной политики" как системы взаимосвязанных действий в сфере занятости и доходов населения, образования и здравоохранения, экологии и т.п. Сложившаяся в советское время социальная политика отличалась цельностью и внутренней логичностью. Ее основными чертами были:

- стопроцентная государственная финансовая ответственность;
- эгалитаризм, во многих случаях - фактически принудительный;
- низкий, по меркам развитых стран, но вполне приемлемый для непритязательного советского человека, уровень минимальных социальных гарантий (особенно в сфере образования, здравоохранения, оплаты жилья и коммунальных услуг, транспорта, оплаты профсоюзных путевок и т.п.).

Уже в конце 80-х годов поддержание всех этих трех принципов было поставлено под сомнение ухудшением экономической ситуации, оскудением бюджета. Конец 1991 - начало 1992 годов сделали прежнюю социальную политику не только экономически несостоятельной, но и идеологически неприемлемой. Либеральная закваска гайдаровских реформ предполагала упрощенно-подчиненную роль социальных вопросов: "сначала бросим все силы на макроэкономические сдвиги, а население все перетерпит ради светлого капиталистического будущего с его обществом всеобщего благоденствия".

Тем самым на старой социальной политике был поставлен жирный крест, а формирование новой политики отодвинуто "на потом". Но такая логика действий красиво смотрится только на бумаге. В реальной жизни все равно с социальными вопросами что-то делать надо: экономический кризис продолжается, уровень жизни у значительной части людей снижается, своего требуют и пенсионеры, и бюджетники, и шахтеры, и семьи с детьми и многие другие. Верховный Совет, а затем и Государственная Дума регулярно демонстрируют недовольство положением людей. Поэтому правительство вынуждено что-то предпринимать. Однако из-за того, что формирование новой социальной политики оставлено "на потом", эти действия носят разрозненный, бессистемный характер, напоминают латание тришкиного кафтана.

В конечном счете отсутствие сколько-нибудь ясного представления о том, какова должна быть нынешняя социаль-

ная политика, определяет крайнюю неэффективность того, что властям приходится делать в этой сфере. Таким образом, можно констатировать не "фиаско сегодняшней социальной политики", а простое ее отсутствие со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями.

Проблемная ситуация очевидна: старые подходы не работают, более того - вредят, а новых пока нет. Это межумочное состояние продолжается слишком долго. Именно поэтому власть поставлена перед необходимостью проведения "нового курса" в социальной политике.

Основной вопрос: когда же, наконец, власть осознает эту необходимость? Удобный момент для этого был связан с предвыборной кампанией конца 1995 года. Для того, чтобы приобрести политические очки, президент и правительство (в лице движения "Наш дом - Россия") вполне могли пойти хотя бы на декларирование принципов "нового курса" в социальной политике. Но и этого не случилось. Как всегда заигрывание с народом свелось к мелким подачкам вроде внеочередного микроскопического повышения зарплаты бюджетников и пенсий. Чем это закончится для властей - покажут выборы 17 декабря, но все указывает на резкое усиление в будущей Государственной Думе противников нынешнего президента и правительства.

Вполне возможно, что необходимость "нового курса" будет осознана и реализована совершенно другой властью. Какие при этом возможны варианты построения социальной политики?

Я вижу четыре варианта:

- "ностальгический";
- "выжидательный";
- "переходный";
- "реформистский".

"Ностальгический" вариант - это принципиальный возврат назад, к социальной политике середины 80-х годов: всеобщий государственный патернализм и зарегулированность, сверхцентрализм в принятии решений и уравниловка.

"Выжидательный" вариант - то, что мы видим на протяжении последних четырех лет, т.е. латание дыр и боязнь что-либо существенно изменить.

"Переходный" вариант - является промежуточным между "выжидательным" и "реформистским" вариантами. Естественно, что его осуществление станет возможным при принятии принципиального решения о реализации "реформистского" варианта и фактически станет прелюдией к нему.

"Реформистский" вариант - переход не только ответственности, но и реальных финансовых ресурсов к регионам, всемерное развитие страховых начал в области здравоохранения, пенсионного обеспечения, занятости, передача значительной части функций негосударственным структурам и т.д.

"Ностальгический вариант" ждут пожилые люди и те 40-50-летние, которым не удалось приспособиться к новым реалиям. А это десятки миллионов людей (одних лишь пенсионеров - 37 млн. человек). В то же время молодежь, видимо, останется безразличной к такого рода социальной политике, если только не будут перекрыты каналы получения ею дополнительных, не облагаемых налогами заработков. Отрицательные последствия этого варианта начнут проявляться чуть позже, когда абсурд проведения "застойной" социальной политики в условиях рыночной экономики (если мы считаем, что другого типа экономики в России все-таки уже не будет) станет очевиден даже для пенсионера.

Наибольший отрицательный груз культурных и социально-нравственных последствий у "выжидательного" варианта. Этот груз уже накоплен и очень скоро может стать непомерно тяжелым для нынешних властей, которые из-за этого вынуждены будут озаботиться поиском "нового курса".

"Реформистский" вариант рискован, т.к. общество уже устало от неудачных (или, точнее, малоудачных) попыток реформ, и первой реакцией на начало очередной реформы станет скептицизм и опаска. Кроме того, стратегия и тактика этой реформы должны быть продуманы до мелочей – разработчики не имеют право ошибиться, иначе сама мысль о реформах будет окончательно дискредитирована.

Надо отдавать себе отчет и в том, что даже успешные реформы приносят зримый положительный результат далеко не сразу. Нужен довольно значительный кредит общественного доверия либо авторитарный политический режим. Эти жесткие условия являются крайне уязвимой стороной "реформистского" варианта.

Именно поэтому так важен "переходный" вариант, который должен подготовить почву для реформ, в том числе - и в общественном мнении.

Если сегодняшняя российская власть выживет после выборов 1995-1996 гг., то "выжидательный" вариант будет продолжаться. Объяснение очень простое: если власть выжила, несмотря на многочисленные заявления о социальной катастрофе, то на деле этой катастрофы нет. Тем самым "выжидательный" вариант подтвердит свою жизнеспособность.

Но для этого, повторю, власть должна выжить...

Ни при каких условиях не будет избран "ностальгический" вариант. Объяснение также достаточно простое: нынешняя власть - это власть крупных собственников, нечто вроде номенклатурного, но все же капитализма. Такого рода строй не может проводить сильную (активную) социальную политику и ограничивается, как отмечалось выше, "выжиданием" (пассивным реагированием).

"Ностальгический" вариант вызвал бы, естественно, сочувственный отклик. Это можно с уверенностью прогнозировать, потому что практически любое общество (не только постсоветское или посткоммунистическое) благосклонно относится к заигрыванию с ним. Другое дело - более отдаленный результат. Мировой опыт показывает, что чрезмерное государственное акцентирование на социальных проблемах в конце концов приводит к обострению этих проблем. Очень важно найти чувство меры в заигрывании с собственным народом.

"Ностальгический" вариант, начиная с 1992 года, стал объектом критики "справа". Этим занималось правительство Гайдара, продолжает заниматься правительство Черномырдина. Этот вариант критикуется и со стороны наиболее последовательной части либералов и сторонников рыночной экономики "в чистом виде".

Критике "слева" подвергается "выжидательный" вариант, т.е. фактически проводимая социальная политика. Это вполне соответствует тому отношению к правительству, которое демонстрируется нынешней "левой" оппозицией.

"Реформаторский" вариант не попал под огонь критики просто потому, что он пока не материализовался в условиях России.

Как эксперт я рекомендовал бы "переходный", а затем "реформаторский" вариант.

"Реформаторский" вариант, безусловно, строится на индивидуализме, подразумевающим собственную ответственность за собственное существование. Для России, в которой распространена установка на патернализм, это достаточно чуждое ценностно-мировоззренческое основание. Именно поэтому, во-первых, требуется достаточно длительный "переходный" этап и, во-вторых, российский "реформизм" должен содержать порядочную долю того, что на Западе ассоциируется с социал-демократическими ценностями. Конституционная возможность такого рода подхода уже есть: в нашем основном законе закреплено положение о том, что Россия - это "социальное государство".

Проблема адекватности "реформистского" варианта российской культуре отчасти затронута выше: этот вариант, безусловно, не совсем ей соответствует, но это не значит, что он не имеет шансов на то, чтобы "прижиться" в России. Дело в том, что российское общество постоянно реформируется и постепенно меняется, это касается и его культуры. Конечно, какие-то глубинные основы остаются нетронутыми, но диапазон внешних (по отношению к этим основам) изменений достаточен для того, чтобы адаптировать мягкий "реформистский" вариант.

"Реформистский" вариант полностью соответствует реалиям постсоветского периода России. Межеумочный период, когда старые подходы уже не работают, а новые еще не

сформированы, вынуждает к каким-то действиям. Причем то убогое состояние, в котором находится социальная сфера, рано или поздно потребует решительных действий, т.е. реформ. Будет это рано или поздно - зависит от развития политических событий в стране, характера смены власти, которая будет происходить в ближайшие годы.

"Реформистский" вариант в условиях России не может не быть вариантом социал-демократическим по сути. Но это не значит, что его будут осуществлять политические силы, называющие себя ныне социал-демократами. Эти силы раздроблены и малочисленны. "Лейблом" станет понятие "левого центра", в настоящее время никем реально не занятое.

Коммунисты-зюгановцы слишком ортодоксальны, усилия И.Рыбкина должны закончиться полным провалом (пишу об этом за три недели до выборов 17 декабря 1995 года). Политику "левого центра" может на себя взять скорее всего Президент, избранный в 1996 году. Под эту задачу он сформирует правительство и будет искать союзников в Государственной Думе.

Если прогнозировать общественные и политические реакции на "реформаторский" вариант (если бы он был предложен для реализации сейчас), то в сфере чистой политики очевидна оппозиция со стороны как "левых" (коммунисты), так и "правых" (реформаторы-либералы). Для первых - эта оппозиция имела бы в основном политический отпечаток, для вторых - скорее идеологический, не согласующийся с выбранной ими макроэкономической моделью. Именно поэтому столь важно иметь политическую опору в лице центристских (как правых, так и левых) сил.

Общественная реакция будет, скорее всего, настороженная и выжидательная. "Переходный" вариант должен смягчить или, по крайней мере, не ухудшить положение перед началом решающих социальных реформ.

В.Л.Казанский
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРОБЛЕМА

Политика - лишь один из слоев реальности. Он может быть предметом исследования, переживания, сферой конструирования etc. Но политика не может быть единственным основанием исследования. Взгляд "только из политики" ведет к отрыву от реальности, поэтому я попытаюсь рассмотреть данную проблему с внеполитической исследовательской позиции. Моя задача - развернуть экспертную картину, используя личностное знание, ряд концепций и собственный опыт, не прибегая к самым концептуальным схемам и развернутой эмпирии.

Возможна ли региональная политика в Российской Федерации

Не давая определения региональной политике, укажу ядро понятия, имея ввиду региональную политику (далее) РП в обычном ее понимании. РП - комплекс или система действий государства, сферой ее является вся территория государства в пространственном аспекте. РП - взаимодействие структур разных статусов. РП целеориентирована, цели могут быть неявны, но есть способы судить об их достижении. Эти цели состоят в трансформации некоторой естественной, спонтанной ситуации; РП - это форма пространственного конструирования, это государственная политика, реализуемая вне институциональных пределов государства, применительно к негосударству. Объектом РП является широкая комплексная сфера, существующая безотносительно РП, но мыслимая как целое лишь в связи с ней; это не сфера государства и им непосредственно не управляется.

Отсюда - требования к объекту РП. Он (они) должен быть структурно организован на основе закономерностей, но иметь достаточную степень свободы, не будучи жестко детерминирован, иначе РП невозможна. Этим объектом, фрагментом реальности, невозможно прямо управлять, иначе РП вообще не нужна, объект ее должен быть достаточно пластичен. Региональная политика возможна, если в сфере косвенного государственного регулирования пространство - некий автономный (автономизируемый) предмет, сегмент реальности.

Чтобы РП была возможна, необходимо существование самого государства и признание его эффективным "инженером пространства". РП достаточно долговременна, что требует устойчивости институтов и стабильности рамки ее реализации, и

осмысленна как реализация долгосрочных устойчивых интересов в устойчивых условиях.

Какова потенциальная ниша региональной политики нынешней РФ? Состояние нашего пространства обычно мыслится двумя полярными мифами. Либо пространство полностью пластично и подвластно, а изменения - результат волевых акций, проектов, целенаправленных планов и пр.

Либо, напротив, реальность якобы полностью детерминирована. Оба взгляда не оставляют для РП никакого места.

Представая сложно-хаотичным, пространство существенно детерминировано. Структурная детерминация означает, что состояние, способы трансформации и траектории будущего объекта обусловлены его структурой. Здесь это - советское пространство, сконструированное, но вжившееся в реальность. Налицо огромная структурная инерция, предопределяющая не столько конкретные события, сколько набор возможных событий и тенденций[1]. Медленно растрачивается проблемно-структурное наследство, доставшееся РФ от СССР, и пока масса инерции не снизится до некоторого уровня, многие процессы и состояния останутся исключительно потенциальными.

Структурная детерминация задает те сферы реальности, где бушует спонтанная событийность; реальность в разных планах (масштабах, горизонтах) одновременно детерминирована и спонтанна, процессы в разных масштабах разнонаправлены (дезинтеграция на уровне РФ и интеграция на иных уровнях и пр.). Такая детерминация обуславливает доминирующую роль именно институциональных регионов в организации пространства (и политики) и поразительную однотипность набора территориальных конфликтов внутри всех регионов[1].

Узнать истинное состояние экономики можно было только либерализовав ее; выяснить истинную картину пространства можно будет, лишь дав ей проявиться. (Приватизация - мощный механизм не только демифологизации, но и "рождения" реальности). Пока этого не произошло, и пространство пребывает в особом состоянии: смесь инерции, бунта и хаоса; коллаж теней исчезнувшего, потенциального и существующего*.

Наше пространство - неотделимый аспект общества-государства[1]. Тотальной пригнанности регионов уже нет, спонтанной самореализации - еще нет. Слишком многое в пространстве латентно и неявлено; во многом виновато государство и его "дерганье" в пространстве. Пространство как таковое, как особая реальность - не существует! Однако тенденция пробивается - самореализация пространства.

---

* Пространство нельзя изучить эмпирически - эмпирия не дана; обилие противоречивых странных эмпирических работ - подтверждение

Реальный объект РП у нас таков, что для него она просто невозможна*.

Региональная политика реальна в стабильном, устоявшемся государстве, которое "знает", чего хочет и что может. РФ не такова. Она не имеет демаркированных признанных границ, включает спорные территории; имеет большую вынесенную далеко вовне, погранзону. Статус многих смежных территорий представляет серьезную проблему (напр., Приднестровье, Абхазия "полупринадлежат" РФ), неясны процедуры установления границы. Присвоение Центром Российской Федерации наследства СССР не завершено, существенные объекты РФ находятся вне ее территории, их статус недоопределен. РФ еще не сформировалась как государство ни внешне, ни внутренне, если часть территории - предмет военного конфликта, а атрибуты Центра - предмет торга с регионами. Институциональная структура пространства - сфера сложной интерференции процессов деструкции, реконструкции, самосборки, реставрации, приватизации etc.

Нестабильность РФ (СССР-РФ) носит хронический характер, поскольку ее причины фундаментальны. Имеет место альтернатива: данное нестабильное пространство (РФ в ее нынешних границах и структурном обустройстве) - или пространство стабильное, но иное[2].

Если приоритетом станет стабильность, то доминантой пространственной политики - обустройство стабилизируемого общества и государства. При нестабильности РП невозможна, в ходе стабилизации - малозначима. Альтернативу можно сформулировать и так: конструирование такой страны, в которой была бы нужна и осмысленна РП или спонтанная трансформация пространства страны, когда РП не нужна и бессмысленна. Нестабильное слабое государство, однако, не перестало быть тотальным в своей глубинной сути. Всякое место в пространстве по-прежнему есть универсальный статус. Разграничение "государство/негосударство" - не очевидная данность, а размытая фрагментированная изменчивая граница, предмет конфликта и торга.

Однако РП требует четкости этой грани. Ныне идет скорее "деление" государства на микрогосударства, чем отделение от государства пространственных структур, экономики etc.

Стабильность государства - четкий консенсус всех составных частей, вариант оптимума по Парето: все партнеры при общности норм не могут улучшить свое положение за счет

---

* В нашем пространстве есть ниша лишь для столь тонкой РП, на которую вряд ли способны структуры Центра. "Технологии" власти, связанные с ментальностью, традициями и пр., меняются медленно.

других. Такова этическая пресуппозиция региональной политики. Региональная политика не может проводиться силой и/или при удержании территорий силой. Замороженная деколонизация, подавленный сепаратизм ей противопоказаны.

Итак, в нынешней Российской Федерации региональная политика невозможна.

Есть ли в Российской Федерации своя региональная политика?

Но она есть. Существуют группы, заинтересованные в ее проведении и/или прокламирующие ее необходимость. Разные сегменты Центра порой активно воздействуют на подвластное ему пространство, со стороны разных фрагментов которого есть как спрос на такие воздействия*, так и сопротивление им. Но вопрос в ином: существует ли интегрированная сфера действий Центра, его функциональный блок, система или комплекс институтов, которые можно отождествить с РП? (Или даже несколько таких блоков?).

Если на территории РФ идет одновременно как "сборка" государства, так и его спонтанная децентрализация, а сферы территориальной и функциональной компетенции государства не определены, то маловероятно выделение сферы РП как автономного политического сегмента. Такого внутренне как-либо интегрированного сегмента политического рынка нет. Я не наблюдал его и при исследованиях в регионах: приходящие туда импульсы разных структур Центра противоречат друг другу. Скорее наоборот, - пространственно-политическая событийность образует столь неразрывный континуум, что блок РП заведомо невычленим. Структурно территориально и политически функционально даже внешняя (военная) и внутренняя (региональная) "политики" не только не расчленены, но перепутаны. Наблюдая хаотические действия государства в пространстве, приходится признать: нет даже "политики" с целями стабилизации, интеграции и витализации государственного пространства. (Как бы ни относиться к западной РП, она образует особую институционально-функциональную сферу, ставя цели и достигая результатов). Не подтверждается существование отчетливой РП и какими-либо другими, апространственными, политиками.

То, что представляется и именуется региональной политикой, таковой, по сути, не является. Очевидная важность

---

* Например, регионально-отраслевых концернов[3] сбылись мечты регионал-экономистов: оформление ТНК и представительство в Центре.

отношений "Центр - регионы" кажется симптомом ее пустующей ниши: регионы - главные комплексные субъекты, основные рамки, где устанавливаются отношения власти-собственности-права[4]; поведение регионов - острый сюжет, основа пространственной динамики; взаимодействие сегментов Центра (регионов фазового политического пространства) и регионов территориального пространства - основа политики. Но причем же тут РП? Могут ли важные перемены погоды доказать наличие метеорологической политики?

Итак, в широком смысле региональной политики как политической отдельности в Российской Федерации нет*.

А что есть?

В условиях углубления регионализации, усиления полимасштабности несоветского пространства какую-то пространственную политику проводят многие сотни (если не тысячи) субъектов; по крайней мере, у них есть локализованные интересы и некие цели. Среди этих субъектов действует четкая логика союзов и конфликтов, производная от устройства несоветского пространства. Поле РП является конкурентным и даже квазирыночным.

Фрагментированный Центр РФ ведет множество фрагментарных региональных "политик"; они непоследовательны, конъюнктурны, неэффективны. Надрегиональный Центр считается только с сильными регионами, в чем бы эта сила не проявлялась. Регионы для Центра не партнеры, а вассалы или противники. Власть Центра выражается странно: регионы бомбят, подкупают, уговаривают, рекламируют, перед ними заискивают, наделяя фиктивными и реальными статусами. Но ведь с подвластным себе - не торгуются, со своими собственными частями - не воюют.

---

* Вся и всякая политика тотально пространственна, но это почти не рефлектируется [1,4,7] пространство у нас - политическое бессознательное, даже иррациональное политическое тело.

** Например, теоретически объяснимый конфликт региона и второго города региона; при союзе второго города и мощной федеральной структуры он приобретает "нецелый" статус, промежуточный между региональным и субрегиональным (Норильск, Магнитогорск и пр.). Сейчас взаимодействуют территориальные регионы 6-ти уровней: Центр, федеральные города-регионы (Москва и Петербург), регионы, центры регионов, вторые города регионов, закрытые территории.

Нужна ли региональная политика регионам Российской Федерации?

Согласно расхожему мнению, региональная политика жизненно необходима именно в Российской Федерации; аргументы известны*.

Однако уже прошла, стала обыденностью и постоянно углубляется "буржуазная революция регионов"[1,2,4,7,], манифестировавших политическую волю и интересы, ставших мощными игроками на том поле, что мыслится в Центре пассивной сферой реализации доктрин и акций. Страна уже регионализована, новые рамки жизни, целеполагания, решения проблем сложились и притираются друг к другу. Вторжение РП, как она понимается Центром, будет противоестественной акцией, новой административной агрессией.

Суверенизация регионов - компонент процесса спонтанного автодемонтажа общества-государства; РП должна будет повернуть время вспять. Идет институциональная революция, а региональная политика - институциональная контрреволюция (РП равно конструктивно-модернистская и реакционно-архаическая). Предлагаемая РП и мыслится как реакция на регионализованность пространства РФ, как ответ государства на вызов регионов. РП как борьба с тем, что уже есть и вошло в жизнь - заведомая дестабилизация, причем, скорее всего, в результате Центр будет дестабилизирован в большей степени, нежели регионы. Стоит лишь вспомнить результаты лихорадочной региональной политики в последние годы существования СССР. Доведя до логического предела политику сегодняшнего Центра РФ, мы увидим Центр без регионов.

Сама артикуляция программы РП уже является дестабилизирующей акцией. В понятиях пригожинской теории хаоса, РП, какой она декларируется[5], - явно генератор хаоса; спонтанные процессы создают некий новый "порядок" (хотя жестко, дорого и медленно), а искусственные вторжения лишь ломают его.

Есть немалый спрос на региональную политику как государственное попечительство о бедных регионах. Видимо, этот спрос предъявляют исключительно регионы, которые не разорвали еще пуповину с прежним регионально-консолидированным пространством, не могут сбалансировать регион; обладают на своей территории стратегически важными для

---

* Региональная политика: монопольный субъект-государство формирует районы и/или присваивает им статусы; внешние схемы важнее внутренних, Центр ранжирует и классифицирует регионы по основаниям, им чуждым[5]. Это - разновидность управления районами.

Центра компонентами и ресурсами; имеют слабые позиции в административной конкуренции с соседями; опасаются внутри региона экономического сепаратизма (например, т.н. вторых городов); надеются выиграть на многоаспектности собственного положения на периферии РФ и рядом с иными странами; наконец, спутали РП с подаянием на бедность.

Региональная политика - абсурдный способ решения проблем регионов. Финансовая помощь превращается в "собес для регионов". РП для региона очередная доза на "поправку", а не долгосрочная санация территории. Существующий административный рынок, позволяя использовать статус типа депрессивного региона, благоволит богатому и сильному, а вовсе не действительно нуждающемуся в помощи*. Механизм РП может и будет использован регионами (иными структурами), находящимися в достаточно благоприятном положении. Мощная РП способна лишь усугубить и даже породить новые территориальные проблемы.

Все остальные виды помощи сводятся к конструированию и реализации проектов. Однако территория такова, что существенное знание о ней неотделимо от нее, не формализуемо, не централизуемо и не технологизируемо [6,7]. Единой объективной процедуры (алгоритма) фиксации, например, депрессивных регионов и/или программы помощи, и/или регионального развития, быть не может, поскольку регион - равно предмет и позиция, основание целеполагания. Решение проблем региона может быть исключительно результатом его активности как субъекта.

Региональная политика - машина экспансии государства и подавления региональных субъектов. РП заведомо увеличивает функциональный размер государства, усиливая в нем уровень Центра. Любая РП концентрирует смыслополагание в Центре, тогда как для витализации полумертвого советского пространства необходимо сбалансированное взаимодействие многих территориальных уровней. РП - наделение территорий особыми государственными статусами на основе единых стандартов (но идет диверсификация территорий). Независимо от конкретных механизмов и институтов РП, в сущности, представляет собой особую форму социализма с его доминантами антиестественного всеобщего порядка, равенства и распределения, - регионал-социализм (равно как стремление некоторых регионов к уравниванию всех статусов). Авторы идеи "новой региональной политики" (администрация Президента)

---

* Специалистам известен казус Ивановской области, имеющей статус "депрессивный регион"[5]; на деле все иначе: получение и использование этого статуса - часть стратегии региона.

считают главной задачей установить равенство регионов и территориальную справедливость для граждан[5].

Региональная политика куда опаснее, чем другие социальные политики: пространство устроено так, что процедуры выделения тех или иных проблемных регионов могут при достаточном объеме этих процедур охватить практически все пространство (хотя по смыслу РП селективна). Дело в том, что регионы можно выделять по разным основаниям, каждый раз охватывая территорию часть за частью. Представим условный пример. Вначале в качестве регионов-клиентов выступают приграничные, далее - старо-промышленные, глубинно-периферийные, приморские, горные, северные и столичные территории. Уже на этом этапе охвачена вся территория РФ.

Коль скоро все статусы, наделение которыми территорий и представляет собой РП, имеют значительную ценность, то РП - источник массивной коррупции, суть которой не изменится от маскировки под лоббирование регионами своих интересов. Будучи реализована, РП превратится в еще один канал административного торга, в принципе инфляционный и коррупционный.

Итак, государственная региональная политика вредна и опасна!

А что же нужно?

Региональная политика осмыслена исключительно как негативная метарегиональная политика. Адекватная ситуации стратегическая задача состоит в преодолении и разрушении сохраняющейся "склейки" государства и пространства. Именно она и породила тот клубок мощных и острых проблем, которые ныне предстают как предмет "новой РП" и якобы разрешимые ею. Назову самые очевидные - провоцирующая сепаратизм структура государства, вживленного в общество; территориально-статусная стратификация и сегрегация, тотальный апартеид; сверхдеформированная региональная экономика и фрагментированный культурный ландшафт; доминирование моноотраслевых экономически и экологически уязвимых поселений. РП - это попытка реанимации внешних искусственно сконструированных пространственных отношений, которые в целом дисфункциональны*.

Мы еле-еле выбираемся из гиперсистемы, где само положение в пространстве было сильным государственным

---

* В теории игр есть класс игр с ненулевой суммой: сумма выигрышей и проигрышей не равны нулю. Отношения в советском пространстве - игра, где суммарный выигрыш отрицателен.

статусом. Крах СССР был предрешен именно огосударствлением его пространства. Нужна не РП, а программа демонтажа государственного пространства; не государство должно проводить по отношению к государству жесткую политику, главной целью которой является деэтизация пространства.

Метазадача осмысленных конструктивных действий в этой сфере - освобождение пространства от государства, отделение его от государства, своего рода "приватизация пространства", подобная освобождению экономики от государства. Подчеркну, что такова и реальная тенденция. Именно поэтому подобная мета-РП имеет шанс на успех, действуя как дополнительный фактор ускорения спонтанного процесса и управления им именно в таком качестве*.

Пространство должно быть настолько отделено от государства, чтобы в территориальной событийности возобладало пространственное (региональное) саморазвитие.

Реальность предлагаемого, к сожалению, маловероятна. Огосударствление российского пространства гораздо старше социализма. Образно говоря, Россия в своем "политическом бессознательном" постоянно стремится к состоянию нестабильности. Но уже проявляется культурная диверсификация регионов по мере "срезания" советского пласта. Возможно, ряд регионов сможет как-то оградить себя от этой новой напасти - региональной политики. Разработка инструментов защиты регионов от РП и механизмов осмысления, прогнозирования и смягчения, придания смысла неизбежным государственным акциям в регионах - очень важная сфера социальных и интеллектуальных усилий. Пока это государство существует, есть необходимость его приручать.

Необходимость в функциях РП прямо пропорциональна размеру соответствующего социума и/или пространства и его централизованности. Зависимость разнообразия территории от ее размера, в принципе, носит также прямой характер. Вероятность спецификации некоторых фрагментов территории тем самым зависит от размера. Большое пространство многоуровнено, и в нем существенна проблема коммуникации (координации) разных пространственных уровней. В большой, разнообразной, гиперцентрализованной, с нечеткими частями и малоукорененным населением стране спрос на РП может быть очень велик*. Такова РФ. Но при определенном сочетании

---

* Лишь потому, что освобождение цен было неизбежно и скрыто шло, конструктивный демонтаж "гайдаровской либерализации" имел некоторый успех.

* Спрос на РП (объем ее функциональной ниши) - величина неаддитивная; возможное становление на месте РФ

размера и децентрализованности государства и/или общества такая нужда отпадет сама собой.

Необходимость особых функций и механизмов интеграции пространства не вызывает сомнений; функциональная ниша для аналога РП, действительно, существует. Но в современной политической математике государство лишь гипотеза, которую надо доказывать. Государственный статус любых пространственных акций должен быть доказан, а перед этим следует доказать, что иначе проблемы не решаются, а потом еще и доказать, что наличие государственной РП будет эффективно по отношению к издержкам. Неуместное решение немалого числа проблем гораздо хуже, чем их существование.

Спрос (часть спроса) на РП порождается замороженной административной структурой пространства; проблемы порождаются подавлением трансформации структуры пространства. Испытывающие трудности регионы были (отчасти) функциональны в определенных условиях; очевидно, что при изменении условий должна начаться перестройка этой структуры на основе самоорганизации. Случаи передачи административных районов от одной области другой - первые симптомы трансформации; но привлекли они поразительно мало интереса. Почему?

Только отсутствие воображения и профессионализма, этатизм и конформизм мешают многим понять, что идущая грубая и жесткая спонтанная приватизация пространства - единственная реальная альтернатива РП и ее функциональная реализация. Регионализация лишь компонент и начальное звено процесса, логическое завершение которого "минимальное государство"[9], его формы могут быть весьма разнообразны[10].

Если функционально наша РП состоит в обеспечении взаимодействия территорий, и оно носит квазирыночный характер, то должно мыслить рынок, куда выйдут регионы, чтобы получить услуги, проекты развития, инвестиции и многое другое. Принципиально, что функции РП тогда будут реализованы вне государства, и регионы как квазигосударственные институты выступят на рынке, где будут конкурировать разные механизмы РП. Приватизация функций РП - это и постепенная приватизация институтов государства путем погружения их в конкурентную среду. Регионы скрыто и жестко конкурируют

десяток государств[2] снизит этот спрос на порядки, а РП станет не нужна.

** Ранее я высказывался категорически против изменений АД, видя в них, прежде всего, дестабилизацию ситуации[8]. С тех пор произошли серьезные изменения, и без множества "изменений АД снизу" глобальный кризис пространственной структуры не преодолеть.

внутри государства; это нужно легализовать. В отличие от государственной РП, реализация которой - даже при локальной эффективности - будет увеличивать зависимость регионов от Центра и роль государства, альтернативная РП будет размывать государственную структуру регионов. Активность регионов демонтирует сеть зависимости, но неизбежна перестройка уже не сети, а ее узлов-регионов. Регионы - не новые, но отживающие субъекты, реликты, обновившие свой имидж.

Региональной политики в Российской Федерации нет; ее и быть не может. Региональная политика опасна и вредна, особенно - здесь и сейчас. Осмысленная альтернатива государственной региональной политике - освобождение пространства от государства и территориально-структурно стабильное малое государство. Даже при сращенности "общество-государство-пространство" пространственная само-организация была сильна; надо дать ей шанс. Хуже не будет!

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция, деструкция и трансформация. - *Общественные науки и современность*, 1995, N 2,3.
- 2.Каганский В.Л. Спектр сценариев для Российской Федерации. - *Куда идет Россия?* - М.: Интерпракс, 1994.
- 3.Паппэ Я. Какая Россия нужна отечественному топливно-энергетическому комплексу. - *"Сегодня"*, 1995, август, 15.
- 4.Страна побеждающего регионализма? - *Этика успеха*. Москва-Тюмень, Вып.4, 1995.
- 5.Лившиц А.Я., Новиков А.В., Смирнягин Л.В. Концепция региональной стратегии России (проект). - М., 1995.
- 6.Каганский В.Л. Мир географических открытий и мир современной географии. - *Исследовательские программы в современной науке*. - М.: Наука, 1987.
- 7.Каганский В.Л. Принципы региональной аналитики. - *Рациональный регионализм*. - Москва-Тюмень: Центр прикладной этики, 1995.
- 8.Каганский В.Л. Ломать - не строить. - *"Век XX и мир"*, 1991, N4.
- 9.Либеральная хартия. - *"Сегодня"*, 1993, февраль, 23.
- 10.Чебанов С.В. Начала государственного устройства России (рук.).

А.С.Панарин
ПОТЕНЦИАЛ И ЛИМИТЫ
ПОЛИТИКИ ДЕРЖАВНОСТИ В “НОВОМ КУРСЕ”

"Державность" сегодня - мощная оппозиционная идея, противостоящая официозному либерализму. У нас распространено мнение, что между либеральной и державной идеями изначально существует непримиримое противоречие. Противоречие в самом деле имеет место. Эмансипаторские интенции либерализма предполагают автономную личность, ориентированную на индивидуальное благополучие ("мораль успеха"). Интенции державности, напротив, базируются на таких "консервативных" ценностях, как героика, жертвенность, авторитарность. Однако, как свидетельствует, в частности, опыт США, в свое время названных Р.Ароном "имперской республикой", указанное противоречие не является неразрешимым. Если либеральная идея воспринимается нацией как великая, но угрожаемая ценность, на которую посягают многочисленные враги, тогда возникает парадокс либеральной великодержавности - могущества, способного эту ценность отстоять.

Именно такой парадокс являет нам послевоенная Америка. Ее внешнеполитический менталитет в значительной мере пронизан манихейским видением мира как арены борьбы либерального Добра с тоталитарным Злом. Не случайно эпоха 90х годов оценивается на Западе как посттоталитарная, определяемая итогами "холодной войны" между СССР и США.

Современные отечественные либералы попали в ловушку, не выбравшись из которой им не удастся использовать ныне столь популярную идею державности. Речь идет о природе тоталитаризма. Наши либералы разделяют со своими западными единомышленниками мнение о том, что тоталитаризм неразрывно связан с историческим и культурным наследием России, с ее специфической природой. Либерал, таким образом понимающий истоки тоталитаризма, автоматически ставится в положение кощунствующего ниспровергателя национальных святынь. Его консенсус с нацией делается невозможным. Лимиты "державности" в курсе правящей элиты, несомненно, связаны с этим обстоятельством.

Между тем исследования "новых философов" во Франции, а у нас - Г.Гройса (ныне живущего в США), открыли возможность совсем иной трактовки тоталитаризма - как порождения западного футуризма и авангардистско-модернистских установок научно-художественного претворения мира. Такая трактовка открывает перспективы нового примирения

антитоталитарной идеологии с массовым национальным сознанием, оскорбленным западничеством нигилизмом.

Разумеется, лимит державности связан не только с названными идеологическими обстоятельствами. Не меньшее значение здесь играют тесные деловые связи правящей элиты с Западом, ее зависимость от поддержки последнего. И чем меньшей поддержкой пользуется режим внутри страны, тем больше поддержки он требует извне. Эта повязанность соответствующими конвенциями резко сужает пространство маневра во внутривнутриполитической борьбе.

К тому же в России успел сложиться значительный слой компрадорской буржуазии, сегодня прямо влияющий на внутреннюю и внешнюю политику страны. Идея державности и связанный с нею контроль за внешней торговлей и потоками инвестиций находятся в прямом противоречии с материальными интересами этого слоя.

В настоящее время имеет место существенное расхождение между массовым сознанием и сознанием значительной части интеллектуальной элиты в оценках перспектив интеграции постсоветского пространства. На массовом уровне идея интеграции остается весьма популярной, в особенности - в славянских регионах. Драматическая особенность момента состоит в том, что поддерживает эту идею консервативный электорат - сторонники компартии, блока "Держава" и т.д.

Здесь появляется вторая ловушка для нашего либерального сознания. Идея державности вызывает у него аллергию уже потому, что она усыновлена в стане непримиримых оппонентов. Либералы связывают с возрождением державности ненавистный им деспотизм, несовместимый с гарантиями личности, с политическими и интеллектуальными свободами. Парадокс, однако, состоит в том что сам либерализм, находящийся в положении политического меньшинства, ведет к режиму "просвещенного абсолютизма" - к пресловутому неавторитаризму, алиби которому давно уже выдано теми, кто не верит в способность нашего электората сделать "правильный выбор".

Таким образом, либерализм отнюдь не всегда совпадает с демократией. Если либералы не доверяют электоральному большинству, то они тяготеют к режиму личной власти, к сговору с ним за спиной народа.

В свете этого и надо оценить современные попытки властвующей элиты эксплуатировать идею державности с целью расширения своей избирательной базы. Чем меньше у "верхов" страха перед итогами предстоящих выборов, тем лучше перспективы нормального парламентаризма в нашей стране. Следовательно, державную стилизацию правящей элиты можно оценивать с двух позиций. В моральном плане можно осуждать эту элиту за беспринципную готовность использовать любые

идеи и лозунги, - лишь бы остаться у власти. Но с позиций политической рациональности все попытки, сужающие пропасть между избирателями и элитой, следует оценить положительно, ибо сегодня самое верное средство сохранения ростки демократии - это снизить страх элиты перед выборами.

В том, что правящий слой целиком уйти с властной арены не может, сомнений нет. Ибо провалы так велики, а партийные тайны так деликатны, что на статус уважаемой оппозиции надеяться не приходится. И пока у нас не налажены эффективные технологии безопасного ухода от власти, нормальный электоральный цикл (пребывание у власти - переход в оппозицию - новое возвращение к власти) будет невозможным. Вместо этого на ближайшее время, вероятно, будет действовать другой механизм: *частичные ротации* правящей элиты.

Применительно к предмету нашего рассуждения это означает, что правящая группировка станет не только заимствовать у оппозиции популярную идею державности, но и постарается, для убедительности, инкорпорировать в свой состав тех влиятельных деятелей оппозиции, которые еще не скомпрометировали себя и сохраняют кредит доверия у избирателей. Скажем, заменив В.Черномырдина в качестве премьера Ю.Скоковым, режим сразу же отвоевывает значительную часть потерянного политического пространства.

Разумеется, подобные ротации ставят обе стороны, и правящую группировку, и деятелей оппозиции, перед нелегкими проблемами. Для первых - нарушается так необходимый перед лицом недовольного большинства принцип круговой поруки. Изгоняя из своих рядов влиятельных, но ставших одиозными, лиц, правящий слой теряет монолитность и, что может быть еще важнее, подрывает корпоративную этику взаимной верности и солидарности. Но, может быть, еще больше утрачивает оппозиция. Во-первых, она в большей мере, чем правящая верхушка, теряет лицо - сотрудничество со скомпрометированной властью означает расплату за чужие ошибки. Во-вторых, такое сотрудничество, давая кратковременные выгоды, закрывает большую политическую перспективу, связанную с принципиальной оппозицией, с действительной исторической альтернативой.

Те, кто сегодня откликаются на приглашения войти во власть и разделить с ней бремя накопившихся ошибок и провалов, завтра уже во власть вряд ли войдут. Им предстоит согласиться, что настоящие ожидания нации будут связаны уже не с ними. Новую большую политику будут делать другие, еще неведомые.

На какую степень ротации пойдет властвующая группировка с одной стороны, какую готовность сотрудничать с нею обнаружит оппозиция, с другой, - это зависит от того,

насколько обе стороны чувствуют свое единство и взаимную солидарность перед лицом "третьей силы" - массового избирателя.

Показатель внутреннего единства "политического класса" (включающего и влиятельные группировки оппозиции) необычайно важен для определения возможностей обратной связи между меняющимися настроениями народа и системой политических решений. В условиях сверхсплоченности, когда требования взаимной солидарности ставятся выше успеха у избирателей, будет преобладать политическая стилизация. Политический класс отвечает на ожидания избирателей не реальными изменениями курса, а сменой лозунгов. В данном случае имеются в виду лозунги "державности".

Только в условиях определенной готовности прямо обратиться к народу (избирателям), не стесняясь обвинений в нарушении тайных "правил игры", возможны реальные сдвиги в политике и подлинная, нестилизованная оппозиционность. В этом смысле перспективы смены курса в "державном" духе связаны с тем, насколько повязаны друг с другом различные группировки нашего политического класса. В частности, возможно ли появление решительного аутсайдера, готового ввязаться в борьбу за перераспределение богатства, власти и сфер влияния.

Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько в процессе приватизации были учтены интересы всех групп бывшей номенклатуры (в том числе по регионам), и продолжают ли эти группы, выступающие уже в новом качестве собственников, играть по принятым правилам. В частности, насколько велико расхождение интересов между группировками, связанными с экспортом энергоносителей, и теми, кто представляет перерабатывающую промышленность и военно-промышленный комплекс? Ясно, что вторым - идея державности значительно ближе, чем первым, и в случае возникновения непримиримых противоречий, вторые постараются использовать ее всерьез - для оттеснения зарвавшихся "компрадоров".

Наряду с этой логикой взаимоотношений внутри властно-экономической элиты (у нас сегодня доминирует феномен номенклатурной власти-собственности), играют свою роль и взаимоотношения внутри интеллектуальной элиты. Сегодня она расколота на две непримиримых группировки. Одна - представляет "национал-патриотическое сознание", для которого ценности либеральной демократии остаются мертвым звуком. Другая - западническое сознание, с доктринерским упорством замечающее реальных опасностей развала государственности и сужения геополитического пространства России.

Этот раскол интеллигенции ставит властную элиту в сложное идеологическое положение: заполучить расположение одной части "властителей дум" можно только ценой утраты

расположения со стороны другой. В частности, чем более активно власть собирается использовать лозунги державности, тем труднее ей будет сохранить свою идеологическую идентичность, оформленную либеральной группировкой интеллектуалов, создавших имидж августовского режима внутри страны и за рубежом.

Следует обратить внимание на неравную влияние обеих группировок интеллигенции по разным критериям. У "либералов" выше статус внутри системы духовного производства, среди научного, художественного и прочих интеллектуальных сообществ. Следовательно, корпоративная этика интеллектуала толкает его к либерализму. Но наряду с корпоративной этикой в среде интеллигенции действуют иные нормы, связанные с заветами христианской сострадательности и служения нищим духом. Они ориентируют в другом направлении: к разрыву с истеблишментом и прямому диалогу с "униженными и оскорбленными".

Интеллектуалы первого типа выбирают роль экспертов, предлагающих свои услуги тем, кто больше платит. Интеллектуалы второго типа (они пока что в меньшинстве), кажется, готовы играть роль клира катакомбной церкви - жрецов, трибунов и пророков, харизматических носителей оппозиционных идей патриотизма и социальной справедливости. Их потенциальное влияние на массовое сознание несравненно выше, чем у первой группировки. Следовательно, власть стоит перед дилеммой: оттолкнуть их, лишив себя тем самым поддержки потенциально наиболее эффективных идеологов и трибунов, или пойти на поводу у них, создавая тем самым опасный зазор между новыми целями и ценностями и прежними, нештучными обязательствами, внутренними и внешними (носящими преимущественно тайный характер).

Словом, законы производства духовной власти (над умами соотечественников) и законы сохранения власти в ее материально-экономическом измерении сегодня существенно противостоят друг другу.

Наряду с этим зазором между идеологией державности и реальными имущественными интересами и обязательствами правящей элиты, существует не меньший зазор между традициями российского державного самомнения и реальным соотношением сил на мировой арене после окончания "холодной войны". Инфраструктура, обеспечивающая прежнее военно-политическое могущество страны, оказалась разрушенной на удивление быстро. В этих условиях среди *военной элиты* происходит размежевание, поразительно напоминающее соответствующую поляризацию интеллектуальной элиты. Харизматики державности в составе среднего офицерского корпуса отстаивают прежние геополитические амбиции России в качестве традиционных ценностей; военные же эксперты и

аналитики призывают к крайней сдержанности с учетом того, что декларации великодержавности пока что нечем подкрепить, придав им *операционный характер*, убедительный для потенциального противника.

Итак, сегодня имеет место небывалый разрыв между идеологией "державности" и реальными технологиями власти - политико-административной, экономической, военной.

Аналогичный разрыв наметился и в самом массовом сознании. Одно дело - декларация ценностей державности, другое - практическая готовность к массовой жертвенности, к приятию новых форм жесткой государственной мобилизации, без чего соответствующие амбиции нереализуемы. Вряд ли наше массовое сознание сегодня готово принять всерьез вызов "державности". Общество переживает фазу посттоталитарной демобилизации, и пока эта фаза не исчерпает свой естественный временной ресурс, державность останется декларацией, не подкрепленной практически.

Фаза "демобилизации" может быть сокращена только в случае возникновения реальной крупномасштабной угрозы извне. Пока таковой нет, возможно сохранение неявного консенсуса между народом и властью: власть делает вид, что приняла популярные лозунги державности, не совершая при этом никаких решительных сдвигов в политике, а народ делает вид, что и в самом деле готов к новым жертвам большого имперского строительства, в глубине души довольствуясь ритуальными демонстрациями и демаршами "патриотов".

Труднее достигается консенсус по линии центр - регионы. Парадокс регионализма в современной России выглядит следующим образом. Массовое сознание (и, следовательно, потенциальный электорат) в регионах ориентировано более традиционалистски, более консервативно в политическом отношении и более "державно", чем в центре. Но региональные элиты, пытающиеся утвердить себя в качестве новых безраздельных собственников местных богатств и ресурсов, видят в федеральном центре опасного конкурента-экспроприатора. Поэтому они беззастенчиво эксплуатируют любые идеологемы, способствующие легитимации экономической и административно-политической суверенизации. В национальных автономиях держатели власти-собственности используют национальную идею. Там, где она неуместна, эксплуатируется идея демократического федерализма и даже конфедерации - как формы, дающей гарантии от внутреннего колониализма.

На первый взгляд эти идеи противоположны (одна - авторитарно-консервативная, другая - либерально-демократическая), но их реальное политическое содержание сегодня тождественно. Обе призваны обслуживать приватизацию региональной собственности местными элитами. Последних

мало интересуется идеологическая идентичность, им важно оправдать сам процесс узурпации бывшей государственной собственности.

Центральная власть и здесь попадает в сложное положение. Назвавшись демократами, трудно бороться с идеями региональной автономии и расширения местных прав. К тому же присутствует такой фактор, как корпоративная солидарность центральной и местных элит (бывших товарищей по партии) перед лицом недовольного населения страны.

Словом, державная идея объективно выступает как *низовая и оппозиционная* по отношению к нынешнему режиму в целом. Ее эксплуатация сверху идеологически *неэффективна*, ибо внизу прекрасно понимают стилизаторский характер официального неопатриотизма. Эта эксплуатация политически *небезопасна*, ибо не только лишает режим прежней демократической легитимности, не сообщая ему новой национал-патриотической, но и способствует расколу властных элит и дезориентации стоящего за ними электората.

Осталась ли в запасе у "августовского режима" какая-либо альтернатива неэффективному и небезопасному державному стилизаторству?

Объективно такая альтернатива есть, но вряд ли она окажется субъективно приемлемой для алчного монополизма держателей власти-собственности. Речь идет о расширении социальной базы процесса приватизации - постепенном переходе от номенклатурного капитализма к народному капитализму. Соответствующая модель апробирована на Западе в ходе так называемой "неоконсервативной революции". Резкое снижение налогов, ужесточение антимонопольного законодательства, льготы мелкому и среднему предпринимательству, экспансия мелких акций, широкая практика лизинга (аренды оборудования), поощрение кооперативов и смешанных форм собственности - все это позволило возродить идею самодостойного гражданского общества на Западе.

Парадокс состоит в том, что активизация народного капитализма совпала с усилением авторитарно-консервативных, в том числе "державных", тенденций в политике ведущих стран НАТО. Номенклатурный капитализм на Западе предполагает растущую роль государственной бюрократии и потому прекрасно уживается с лево-либеральной, социал-демократической доминантой в политике и идеологии. Напротив, народный капитализм выступил как неоконсервативная альтернатива лево-либеральному разложению и попустительству во внутренней политике и капитулянтству во внешней. Соответствующий сдвиг немало способствовал победе Запада в "холодной войне".

Сегодня реванш консервативной идеологии у нас несомненен и неотвратим. Вопрос в том, выразит ли грядущая

авторитарно-консервативная альтернатива "либеральному капитулянству и попустительству" в форме коммунистической контрреформы или в форме радикализации реформационного процесса на пути народного капитализма. Только народный капитализм позволит направить назревшее массовое недовольство не в русло коммунистической реставрации, а в русло действительной демократической приватизации и рыночных реформ. И только народный капитализм может сориентировать неотвратимую неоконсервативную волну в политико-идеологической области не в духе красно-коричневого экстремизма, а в духе традиционной идеологии державности, носителем которой всегда являлся не люмпен, а крепкий хозяин - защитник устоев и порядка.

Два фактора препятствуют этому повороту. Во-первых, сопротивление либеральной интеллигенции, вышедшей из левого авангарда и изначально враждебной консервативному этосу народного капитализма ("кулаков и мещан"). Только ясное сознание того, что после происходящего развала авторитарно-консервативная реакция неизбежна, и вопрос лишь в том, выльется ли она в коммунистическую реставрацию или в неоконсервативную волну народно-капиталистического типа, помогло бы примирить наших либералов с последним вариантом.

Во-вторых, сопротивление новых монополистических собственников. Этот фактор несравненно серьезнее первого. Требуется тщательный анализ того, какова возможная экономическая база народного капитализма: годится ли для нее то, что еще оставлено для второго этапа приватизации (тогда борьба народного капитализма с номенклатурным возможным мирными средствами), или необходим передел уже приватизированного госимущества? Последний вариант означает народно-демократическую, антиноменклатурную революцию, во многом соответствующую низовым ожиданиям и идеалам августа 1991 года. Риск для правящей номенклатуры слишком велик. Очень возможно, что она, в конечном счете, предпочтет вариант стилизованной коммунистической реставрации (сохранение собственности, но возврат некоторых из прежних политико-идеологических форм) действительному углублению августовского демократического процесса.

М.А.Федотов
“...«ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ»,
ПРИ АБСОЛЮТНОМ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВЕ
ГОСУДАРСТВА В ДЕЛА СМИ”

Михаил Федотов, бывший в правительстве Гайдара и заместителем Министра печати и информации, и Министром, в историю отечественной журналистики вошел не былыми административными должностями, а соавторством в создании "базовых" законов о СМИ. И самого первого, горбачевских времен, союзного Закона о печати. И ныне действующего Закона РФ "О печати и других средствах массовой информации".

С теорией и практикой "свободы печати" д.ю.н. Федотов М.А. связан на всю "глубину профессиональной биографии": до первой курсовой на вечернем отделении. И даже еще глубже: став "вечерником" вынужденно (после отчисления из МГУ за пикетирование Мосгорсуда во время знаменитого процесса над Гинзбургом), "трудовую деятельность" он начинал репортером "Вечерней Москвы". Было это в 1968-ом.

В вечерней Москве декабря 1995-го Михаил Федотов, Посол Российской Федерации при ЮНЕСКО, на предложение строить разговор "вокруг альтернатив государственной политики в сфере СМИ" ответил репликой, достойной финала беседы: "Нормальные отношения между государством и СМИ - это состояние вооруженного нейтралитета. При абсолютном невмешательстве государства во внутренние дела СМИ".

Поскольку искомая формула была предъявлена сразу, все, о чем дальше шел разговор, как бы проверяло прозвучавшую фразу на прочность, на соответствие нашим, российским, осинам.

И началась эта проверка буквально со следующей реплики моего авторитетного собеседника: "Государство должно помогать средствам массовой информации **выжить**, - но не как "инструменту" или "каналу влияния", а как **институту культуры**, принципиально важному для его здоровья".

Беседу вел член редколлегии Вестника "Этика успеха" Ю.В. Казаков.

Ю.К. "Помогать выжить" оно, вроде бы, каждый раз и пыталось: и удерживая часть СМИ под своим крылом, и вводя

систему госдотаций. Вы же помните все это по опыту работы в Министерстве печати...

М.Ф. Но, помогая выжить, государство не должно регулировать сам процесс выживания по принципу: тебе выживать стоит (я помогу), а вот тебе - нет. Бытовавшая же у нас система господдержки печатной прессы строилась как раз по принципу политических предпочтений. А потому и была изначально временной и несправедливой.

Ю.К. Есть альтернативы?

М.Ф. Есть альтернативные принципы и, опирающаяся на них, - альтернативная практика. Разумная и эффективная система господдержки должна быть, во-первых, правовой. И, во-вторых, опирающейся только и исключительно на экономические "ноги". Во Франции, например, действует система дотаций газетам, покрывающая значительную часть их конкретных, просчитываемых потерь в связи со все более очевидным "переливом" рекламных денег (основы существования независимой прессы повсюду в мире) в сферу электронных масс-медиа. Этот самый процесс "перелива" существует как непреложный факт, от него никуда не деться. И французское государство, заботящееся об информированности гражданина, считает необходимым компенсировать печатным СМИ часть их потерь, связанных с новыми, "электронными" предпочтениями рекламного рынка, через специальный фонд, существующий на правах одного из "уголков" госкармана: "компенсационной" статьи расходов, проходящих по Министерству коммуникаций.

Опирается вся "механика" тамошней системы госдотаций на точную статистику, на скрупулезно подсчитываемые год за годом доходы каждого издания от рекламы. Исходя из них, государство и действует: без оглядок на идеологические и политические предпочтения конкретного издания.

Ю.К. Что "у них" - ясно. Можно ли считать, что и наше государство, принявшее, наконец, Закон "О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации" и внесшее жизненно необходимые для СМИ изменения в налоговое и таможенное законодательство, сделало решительный шаг к *защите экономической независимости* СМИ как основе их *свободы*? И означает ли продвижение к *экономической независимости* СМИ решительный шаг к *освобождению* их из-под "опеки-гнета" государства? Что у государства отпадает возможность *вмешиваться* в дела СМИ?

М.Ф. Стоп-стоп. То, что государство не должно *вмешиваться* во внутренние дела СМИ, не означает, что оно должно *вывести* СМИ из сферы своего *регулирования*. Другое дело, что это регулирование должно быть *правовым*, а не *административным*. Потому, что последнее означает – управ-

ление. Управлять же СМИ государству не нужно. В том числе и телевидением.

Ю.К. "Стоп-стоп",- как Вы говорите. В любом ли случае полезно здоровью и самим СМИ, и общества правовое регулирование? Может быть, и здесь должна быть своя система запретов, "табу", - для того же законодателя? Ведь показала же нам Пятая Госдума, с ее деятельным Комитетом по средствам массовой информации и связи, что законы могут выходить в свет сырыми. Способными травмировать, деформировать то самое правовое пространство, в котором должно осуществляться именно *неуправляющее* регулирование...

М.Ф. "Табу", очевидно, должны быть. И к числу самых серьезных я бы отнес попытку "радикального улучшения" Закона "О печати и других средствах массовой информации". Его вообще не надо трогать. Есть недостатки? Конечно. Но сегодня уже многим очевидно: стоит кому-то начать попытки "улучшения" этого закона, как тут же возле коня с копытом окажется рак с клешней. Возле демократа - отъявленный антидемократ. Раз можно внести свое "улучшение" одному, как отказать другому? И что будет в итоге? Свалка. И разбалансировка закона.

Когда мы, наконец, поймем: Закон - это, в определенном смысле, *хрустальная ваза*. Приделывать к хрусталу чугунную подставку или деревянную ручку нельзя. Этого и не будет никогда делать специалист, который понимает материал - и знает предназначение вазы.

Ю.К. Это - как хотелось бы. А как есть? Что нам говорит практика?

М.Ф. Практика как раз и говорит, что неквалифицированные работы на законодательном поле кончаются плохо. Появлением законов, применение которых дает эффект, обратный ожидаемому. Или законов, противоречащих другим законам, уже существующим в правовом пространстве. Правоприменитель в таком случае, как мы знаем, либо выбирает для себя тот из двух, что выгоднее, - либо машет рукой на оба.

В Закон о СМИ, кстати сказать, заложена одна правовая норма, с которой законодателю трудно - к счастью - справиться. Согласно ей, все остальное законодательство России о средствах массовой информации должно соответствовать этому закону. Отсюда - и постоянные попытки внести в базовый закон изменения, и попытки обойти его. Пример последнего рода - Закон "О порядке осуществления деятельности органов государственной власти государственными средствами массовой информации". Признать его правовую чистоту невозможно: именно в силу его противоречия Закону РФ "О печати и других СМИ".

Ю.К. Алексей Симонов, руководитель Фонда защиты гласности, именуется этот закон "Инструкцией о правилах пове-

дения зеркала в присутствии хозяина". Он иронизирует, а Вы показываете на закон пальцем, ну и что? Законодатель его принял, президент подписал: все, закон введен в действие. В него уже и поправки вносятся. Значит "табу" не срывается. Почему? Моя версия: у нас торжествует произвол законодателя, не перегруженного культурой: как правовой, так и общей. И выглядит это в итоге как произвол государства.

М.Ф. Вот давайте и сделаем первую зарубку в разговоре об "альтернативах государственной политики": мы не сдвинемся с места, пока законодатель будет считать, что ему все дозволено, что он вправе принимать любой закон, представляющийся ему разумным и полезным.

Ю.К. Странную манеру законодателя вести себя так, словно бы мир создается прямо сейчас и исходя из его чертежей, я именую "феноменом первого дня творения". За этой манерой - тип мировосприятия, определенная этика поведения законодателя. Исходя из скорости, с которой в первой постсоветской, "Пятой" Думе лепились законы, эту этику по сугубо формальным признакам (если вы слышите за "успехом" - "успевание"), наверное, можно было бы отнести к разновидности "этики успеха". Если бы не оторопь, возникающая то и дело от "конечного продукта", от результата его интенсивных и неявных, только на выходе закона обнаруживаемых внешним миром, усилий.

М.Ф. Названное Вами феноменом "первого дня", я много лет именую "синдромом белого листа". Каждый раз, начиная писать закон, наш законодатель почему-то уверен, что перед ним - чистый лист бумаги. Он, как это ни печально, в массе своей просто не понимает, что скребет пером по *законодательной материи*.

На самом деле, в правовой системе уже все есть. Эта система - скрижали, на которых мелким шрифтом уже написаны все законы. И задача законодателя - вписать искомый, нужный ему закон не могучим росчерком по листу, а бисером: в пустое место между строчками. Есть, правда, и другой путь: выдрать одну страницу и вклеить вместо нее другую. Но и в этом случае необходимо понимать, как эта, новая, страница будет читаться в общем контексте всей "книги". Представление о том, что можно каждый раз кроить правовое пространство, творить законы с чистого листа - губительно. Это путь тупика, напластования все новых противоречий в правовой системе.

Ю.К. Давайте представим себе: Вы завтра не возвращаетесь в Париж, а становитесь нормальным российским законодателем. Есть ли у Вас универсальный рецепт изменения той ситуации, о которой мы говорим?

М.Ф. Если бы я боролся за думский мандат, в моей программе наверняка был бы призыв к собрату-законодателю: "*Остановись мгновенно!*". Отдерни руку от очередного законопро-

екта. Оглянись по сторонам и взглядишь в уже созданное тобой. Проведи *инвентаризацию* этапа буйного законотворчества.

Известна ли Вам идея создания отечественного Свода законов? Не увязая в мотивах ее авторов, задумавших что-то вроде "кодекса Наполеона", выскажу предположение: в процессе подготовки этого Свода "законотворчество" у нас станет более взвешенным, осторожным. Мне кажется, что деятельность Комиссии, работающей над Сводом, способна будет заметно повлиять на готовность думцев работать "с чистого листа".

Ю.К. Проясните картину. Понимать ли Вас так, что "регулирующую деятельность" новой Думы начнет какими-то способами регулировать не значащаяся в Конституции, но при этом какая-то совсем особая по "правовым" функциям и полномочиям Комиссия, может быть, еще и с новым Сперанским во главе?

М.Ф. Насчет Сперанского - промолчу; я, по совести сказать, такого у нас пока не вижу. Что до Комиссии, то я лично представляю себе разумную законотворческую цепочку такой: новый закон принимается Думой только в том случае, если проект его получил одобрение Комиссии, работающей в режиме "суперэксперта". То есть: как бы ни был мил законодателю проект закона, Дума до одобрения его Комиссией не станет этот закон принимать. Не оттого, что это ей кем-то запрещено. А потому, что сам законодатель заинтересован в пользе, а не во вреде своего решения. Речь, таким образом, о включении механизма добровольного *самоограничения* законодателя.

Ю.К. "Суперэксперт", - он по составу какой: узко - или межпрофессиональный? Или юристы в итоге будут говорить последнее слово и по проблемам массовой информации, и по градостроению, и по способам ловли рыбы, - как члены ПБ в известное время?

М.Ф. "Суперэксперт", употребляя Ваш термин, безусловно, должен состоять только из профессионалов-юристов: это важно, если мы говорим о *сильном, работающем* законе. Другое дело, что проблемы здравоохранения, к примеру, заставят юристов пригласить профессиональных экспертов прежде всего из этой конкретной области. А проблемы массовой информации побудят обратиться в первую очередь к журналистам, хотя и не только к ним. Но на острие - все время юристы: им стыковать все законодательство.

Плюс к этому еще одно, тоже "сто лет назад" мною говоренное. Если мы проводим правовую реформу, то это должно быть *крупноблочное правовое строительство*. Нельзя, условно говоря, сегодня принимать закон о предприятиях, а через три года - закон о собственности: одно и другое связаны между собой. Значит, нужно изначально создавать экономический блок законов. Каких и в какой последовательности? А вот

на этот вопрос ответ должна дать серьезная экспертная группа, в которой есть все - от юристов и экономистов - до психологов, социологов, специалистов по деловым играм. И криминологов, как это не покажется странным. Нужно заранее и возможно более точно суметь представить себе, как закон будет работать. И какими окажутся в том числе долгосрочные - и при этом комплексные - последствия его влияния; вот почему практически каждую норму нам сегодня нужно проверять и на криминогенность.

Ю.К. Вот мы и добрались до технологии грамотного управленческого труда: до необходимости *моделирования возможных последствий* принимаемых решений. Но пока ясное для нас с Вами станет понятным "широким кругам" государственных чиновников, пока улита Комиссии куда-то доедет... Возвращаясь к Закону о СМИ: как его - а с ним независимость прессы - застраховать от вмешательства *нынешнего* государства, *сегодняшних* властных структур, *сегодняшнего* законодателя? Пальчики-то все равно будут стараться в него просунуть, винтики подкрутить, - чтобы активней работал...

М.Ф. На этот счет с Законом о СМИ все так же, как с любым другим законом: он *не содержит* предохранительных механизмов против грубого, бессмысленного, тупого законодателя. Другое дело, что такой законодатель *сломает* закон, но не усовершенствует, не поставит себе на службу, - вот что ему полезно знать заранее. Закон - не автомобиль: переставим движок - будет быстрее бегать. Не будет, - рассыплется. В этом - защитный механизм самого закона. Вот почему еще так важно депутатам научиться говорить самим себе: не трогать! Принцип Гиппократова - "Не навреди!" - должен быть обязательным принципом, одной из профессиональных заповедей и законодателя тоже.

Другой принцип-заповедь я для себя формулирую так: законодатель не должен ставить перед обществом те цели, которые само общество не желает реализовывать. Он не должен навязывать такие правовые механизмы, которые обществу не присущи, которые ему противоестественны. Заставьте законом в России мужчин носить юбки, к примеру, - чего добьетесь? И попробуйте запретить ношение юбок - законом же - мужчинам в Шотландии, где юбки - норма, национальная традиция...

И, наконец: законодатель должен все время помнить, что имеет дело с реальной жизнью. Его дело и его возможность - строить дамбы. Но обязательно прокладывая в то же время и каналы, направляющие потоки по желаемым направлениям. Говорящий: "так нельзя" обязан тут же сказать: "а так можно".

Сами по себе попытки запретить государству иметь собственные СМИ, требование "отделения СМИ от государства" на реальную независимость прессы практически не работали:

это и было "так нельзя", - без альтернативного "так можно". Ситуацию изменило именно введение налоговых льгот и льготных таможенных тарифов для СМИ и книгоиздания: так можно, потому что так выживешь. Я, кстати, доказывал необходимость такой развязки еще лет пять назад. Но тогда, на заре российской демократии, мне говорили: "Как так, дать налоговые льготы прессе? Этим немедленно воспользуются коммунистические издания". Но ведь пресса такова, каково общество. Если бы в обществе не было сторонников коммунистической идеи, у нас не было бы коммунистической прессы...

Ю.К. Что ж, декабрь 1995-го подтвердил со всей очевидностью: сторонников этой идеи в России по-прежнему хватает. Но тем актуальнее обращение к теме *президентства*: впереди июнь 1996 года. Давайте перейдем от более общих вопросов непосредственно к альтернативам *президентской* политики в сфере СМИ. Скажите, Вас лично все устраивало и устраивает во взаимоотношениях президента и президентской "команды" со средствами массовой информации?

М.Ф. Не знаю, удивит ли Вас ответ, но я убежден, что президентская политика в отношении СМИ, президентский "курс" в этом вопросе все годы выглядел вполне прилично. Достаточно уважительно, скажем так. Время от времени в Кремле прорывались какие-то нотки неудовольствия, иногда даже гнева. Несколько раз было что-то вроде замаха руки.

Но тут удивляться нечему: это конкретное время. И конкретное политическое лицо, с его конкретной биографией и конкретной же ментальностью. От социогенетики - куда денешься?

Ю.К. А если все же - не о конкретной политической персоне, а о *президентстве* как *государственном* феномене. Давайте переместимся в пространство "после июня": чего, на Ваш взгляд, *не должно быть* во взаимоотношениях президентства и прессы, СМИ? И чего в этих взаимоотношениях *желать*?

М.Ф. Что желать, я уже сказал: *государство* - во всех своих ипостасях - *не должно вмешиваться* в дела СМИ.

Ю.К. Ни при какой погоде и ни в какой форме, включая *защитную*? Взять того же президента: должен ли и может ли он вмешаться в некую условную ситуацию, связанную с проведением парламентом закона, ограничивающего свободу массовой информации? Как вести себя "гаранту Конституции": попытаться остановить закон, противоречащий по духу 29-й статье Конституции, которая гарантирует свободу массовой информации, и тем самым предотвратить *государственное вмешательство* в дела СМИ? Или терпеливо наблюдать, как на ситуацию отреагирует сама пресса?

М.Ф. Я думаю, президент должен время от времени проносить слово "кстати". "Кстати, об исполнении органами го-

сударственной власти 29-й статьи Конституции...". Остановка плохого законопроекта, замечу попутно, не самая трудная задача для грамотной президентской команды. На этот счет есть старое, испытанное средство: альтернативный законопроект с аналогичным названием, но другим смыслом. Дальше - чистой воды технология.

Мне же сейчас интереснее о философии. Общество - извините за банальность - держится на двух китах: нравственности и праве. При этом право не отделено от нравственности, а опирается на нее. И все это не застылое, неподвижное, а постоянно колеблемое, перемещающееся. А наверху балансирует общество, - как акробат на шарах в цирке.

Если нет нравственной базы - правовая падает. Потому, что внизу нет ничего, пусто. Там уже физиология начинается: право сильного, хитрого или жуликоватого. То есть нет морали - и нет права.

Советское общество было построено на развалинах старой нравственности. Ее, "устаревшую", просто ликвидировали: через физическую ликвидацию одних носителей. Через изгнание других. Как ни крути, несколько миллионов, вынужденно покинувших Родину, были не худшими людьми.

Можно говорить о том, что изгнание это было *посланием* миру: эти люди свидетельствовали о том, что несет с собой большевистский режим.

Уничтожив "старую" нравственность, большевики создали "новую": псевдо-, а точнее антинравственность. В ней действовал предельно простой принцип: все, что выгодно пролетариату (читай - партии, номенклатуре), - нравственно. Этот принцип господствовал, он был закреплён Конституцией. Гарантировалась свобода печати: в целях укрепления социалистического строя и в интересах народа. Разрешались шествия и демонстрации: в тех же целях и интересах. Но все, что не в этих целях и интересах - незаконно, антиконституционно. Думающих иначе - в тюрьму, в психушку. Так было, длилось: конструкция была жесткой.

Но эрозия все равно шла и проявлялась задолго до 1985-го. "Нормальная" нравственность имела вид подводного течения в море нравственности официальной, государственной: с другой температурой и другими направлениями потоков. Мы были разными: на трибунах собраний, в университетских курилках, на домашних кухнях, это факт исторический.

А дальше случилось то, что должно случаться с жесткими, но непрочными конструкциями: на подходе к 90-му вся эта иерархическая система со своей странной архитектурой посыпалась, а после 91-го и вовсе рухнула в пропасть. И тогда выяснилось, что взамен нее нам не осталось ничего, даже библейских принципов: не убий, не укради, возлюби ближнего. Каким-то парадоксальным образом мы,

стремившиеся к свободе, оказались в странном обществе, построенном не на нравственности, а на физиологических инстинктах. Человек не убивал не потому, что это казалось ему аморальным, а потому, что он предполагал оружие у того, кого хотел убить. Я, разумеется, утрирую, но так ли сильно?

И вот в этой-то ситуации, то ли в безвоздушном пространстве, то ли просто в бездне, у нас развернулась великая война бумажных тигров: сначала - российского законодательства против законодательства СССР (знаменитая "война законов"). Потом, когда СССР не стало, началась война внутри российского законодательства. И война законодателя с законодательством. Так что - возвращаясь к опорам в виде нравственности и права, - у нас сначала поехала почва под одной ногой. А потом мы долго и тщательно затаптывали то, что было под другой.

Ю.К. Возвращаясь в этой связи к теме "власть и СМИ", все еще вчерашней кажется ситуация 92-го - 93-го годов: жесткая конфронтация президента с ВС; схватка персонифицированных ветвей власти все время выводится - обеими сторонами - на прессу, постоянно и активно втягивая ее в конфликт. И ведь превращает СМИ и журналистов - когда бы просто в свидетелей! - в добровольную или недобровольную, но "ударную силу". В мощное оружие, работающее - из благих побуждений - на поражение. В инструмент войны: не столько за умы, сколько за передел власти и ответственности в стране.

Финал тоже не забыт: истерия слов переходит в истерию действий. Известный президентский указ становится прологом к попытке "белодомовцев" (кто тогда именовал Верховный Совет, объявивший президента низложенным, Верховным Советом?) захватить "империю слов" в лице "Останкино". Так начинается "малая гражданская война". В результате - танки бьют по "Белому дому". И рикошетят по полосам газет, которые выходят с белыми пятнами. Пресса, предъявляя таким образом шрам никак не предусмотренной Вашим Законом о СМИ *цензуры*, публично защищает право на собственное мнение: защищая тем самым и *права общественного мнения*, и сам Закон РФ о СМИ.

На дворе, слава богу, конец 95-го; та ситуация, та модель взаимоотношений власти и прессы, вроде бы, давно прожита. Но, памятуя о нашем национальном неумении с первого раза усваивать исторические уроки, в современной системе, ныне действующей модели взаимоотношений СМИ и *президентства*, существует ли некий механизм страховки, самозащиты или, может быть, взаимной защиты "второй" и "четвертой" властей от повторения драмы двойного "прес-сования" ими исторической ситуации или их исторической ситуацией?

Я понимаю, что задавать этот вопрос человеку, отсутствующему в стране почти два года, не совсем этично. Но, исходя из Вашего, что называется "совокупного опыта", давайте поиграем в старую игру "Литгазеты" - "если бы я был...". Представим, что Вы - президент России, если и не идеальный, то опытный, мудрый. Что бы Вы изменили, подправили, постарались отрегулировать каким-то способом во взаимоотношениях власти и прессы? Принялись бы за выстраивание некой новой госполитики в отношении СМИ? Обратились бы с неким посланием к журналистам? Предложили бы Думе объявить годичный перерыв на любое законотворчество, выходящее на сферу массовой информации? Я фантазирую, разумеется...

М.Ф. Со своим "совокупным опытом" рассчитывать я могу максимум на президентство в каком-то университете. Так что даже вопроса о том, что должен был бы делать российский президент, мне ставить не хочется.

Но есть встречное предложение: посмотреть на пространство, о котором мы говорим, с гораздо более близкой мне точки зрения "консультанта советников". И тогда вопрос становится достаточно конкретным: что я бы мог посоветовать помощнику президента по связям с прессой, его пресс-секретарю?

И советы - извините - оказываются в этом случае совершенно конкретными, прозаическими.

Первый: как можно чаще встречаться с журналистами. И сделать так, чтобы журналисты знали о каждом шаге президента.

Второй: обязательно завести что-то вроде круга близких журналистов. Приглашать их на чай, на партию в теннис, - не требуя от этих людей, заметьте, чтобы они все время писали о президенте. И уж тем более не настаивая на том, чтобы их материалы о "первом лице" государства носили комплиментарный характер.

При этом основной своей задачей я видел бы снабжение этих журналистов, - если и не через прямой контакт с самим президентом, то через их устойчивую связь с институтом помощников и советников, - первоклассной информацией. Которая к другим журналистам, вероятно, тоже попадет, но - попозже. Это - третий совет.

Четвертый - самый простой, но и самый трудный: не обманывать журналистов, ни в крупном, ни в мелочах. (Обманувший однажды теряет доверие цеха; представитель президента, в достоверности информации которого сомневаются - явление нелепое.) Ни при какой погоде не диктовать журналисту, как бы ты к нему лично или к его изданию ни относился, что и как именно следует писать. (Практика показывает, кстати сказать, что пишущие под диктовку - не

просто этически ущербные, но еще и профессионально малопригодные, неинтересные читателю люди.) И уж тем более никогда не пытаться угрожать пишущим и снимающим. (Журналисты, как известно, угроз не понимают и на угрожающих обижаются.)

Как при этом реагировать на нарушение этических норм, приличий со стороны журналистов, которое имеет порой место? Прежде всего, не горячась. Свое отношение к ситуациям такого рода должны научиться выражать сами журналисты, коллеги нарушителя по цеху: это вопрос действительно профессиональной, корпоративной чести.

Ю.К. Но ведь в части приведенных Вами "не" далеко не все и не всегда зависит от самого пресс-секретаря. Достаточно вспомнить историю с публичной "заменой" Козырева (когда президентская формула "поиск замены" через короткое время заменилась президентской же формулой "подбора хорошего зама"), чтобы признать: хлеб пресс-секретаря президента в России не намазан медом. И коли так, нам все же придется возвращаться из пресс-секретарской "ниши" к самому президенту: очевидно, что именно он прежде всего должен быть хозяином своему слову.

М.Ф. Я бы сформулировал еще жестче: рабом своего слова. Потому, что слово, сказанное президентом, начинает жить самостоятельной жизнью. И по моральным нормам он должен сам же ему подчиняться. Отсюда вывод: президент должен очень бережно относиться к слову, очень осторожно обращаться с ним. Особенно в ситуациях, когда слово это напряженно ожидается, когда оно обречено быть мгновенно ретранслированным, растиражированным по миру вместе с изображением (что также постоянно приходится помнить) - мощным и при этом изначально, по природе *независимым* институтом *средств массовой информации*.

Ю.К. Мне представляется, что это уже проблема не столько *культуры* взаимоотношений *государства* и, в том числе, *президентства* со СМИ, сколько качества постоянного *самоконтроля* государственных деятелей и государственных властных структур высшего ранга, их неизменной *адекватности* ситуации.

Но вернемся от частного к общему: меня определенно обеспокоила Ваша рекомендация условному "пресс-секретарю" предоставлять эксклюзивную информацию нескольким избранным журналистам. А что же остальные? В ситуации, когда проблема *доступа к информации* становится едва ли не основной для российских СМИ, появление "избранных" может иметь и вовсе непредсказуемый эффект: кому-то однажды вдруг, да покажется, что "неизбранным" вообще нечего делать у официальных источников информации. И ссылками на статьи Закона о СМИ Вы заведомо мало чего добьетесь. До последнего

времени была определенная надежда на статью 140-"прим." Уголовного Кодекса РФ, предусматривающую наказание за "воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста", но УК этот доживает последние дни; в новом, принятом законодателями, ничего подобного этой статье просто нет...

М.Ф. Ну, во-первых, новый УК президентом еще не подписан. Во-вторых, именно президент настаивает на том, чтобы в него обязательно была включена статья, аналогичная по смыслу ныне действующей 140-"прим". В-третьих, в любой из, известных мне, стран мира есть журналисты, которые информируются властью первыми. Другое дело, что к минимуму должны быть сведены запреты на получение информации остальными журналистами. Что доступ к информации для них должен быть предельно широк и по закону, и на практике.

Но в принципе я совершенно согласен: если говорить о взаимоотношениях *государства* и СМИ, *президентства* и СМИ, в частности, то тема *расширения доступа* журналиста к информации должна быть признана одной из наиболее актуальных и, одновременно, болезненных. Здесь - один из нервных узлов взаимоотношений власти и общества, а с ними - и "пресовластных" отношений. И, значит, одна из точек необходимого приложения усилий президентства: на весь обозримый период.

**“КРУГЛЫЙ СТОЛ” СМИ:
ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ В
ОБЛАСТИ СМИ**

Обновление президентской политики вряд ли возможно в условиях конфронтации СМИ и российской власти. При этом очевидно, что никакое политическое изменение в современном постсоветском пространстве практически не возможно без "лоббирования" его со стороны большинства СМИ.

Подавляющее число российских СМИ в той или иной мере критичны по отношению к действующей модели президентской политики. Кажется маловероятным, что они готовы поддержать инициативу российской власти по самообновлению? Есть ли выход из сложившегося положения?

Одна из рабочих версий - начать процесс обновления президентской политики с обновления отношений СМИ и российского президентства.

1. В чем, на Ваш взгляд, фундаментальные - ценностные и идеологические - причины сегодняшней конфронтации СМИ и президентства?

2. Возможна ли, на Ваш взгляд, сегодня некая ценностная хартия, солидаризирующая СМИ и власть в общем стремлении продолжения процесса модернизации российского общества и государства?

3. Какой Вам видится обновленная модель отношений СМИ и президентства? Кто, по-Вашему, может и должен сделать первый шаг на пути к обновлению - СМИ или президент?

В.Т.Третьяков

**“...ВОПРОС О ТОМ,
КТО ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ПЕРВЫЙ ШАГ, СТРАННЫЙ”**

В качестве преамбулы ко всем трем ответам (может быть, это и входит в первый ответ), я бы сказал несколько слов о ситуации в отношениях СМИ и президентства на тот конкретный момент, когда я даю интервью авторам проекта, а именно - 17 ноября.

Как известно, состоялась встреча премьер-министра с руководителями средств массовой информации. Трудно не заметить на этой встрече реверансы как с одной стороны, так и с другой. Более того, заявлено о том, что в ближайшее время будут поставлены подписи на Законе о поддержке СМИ, который должен вступить в действие с 1-го января. И президент в

последнее время много говорил лестного, положительного о СМИ. Так вот, по крайней мере, до выборов думских и, соответственно, объявления их результатов, можно зафиксировать и платоническую, и плотскую (коль скоро речь идет о льготах прессе) любовь двух этих институтов.

Разумеется, власти понимают, что перед выборами ссориться со средствами массовой информации нельзя. В ситуации парламентских выборов лояльность СМИ важна для власти, так как повышает ее шансы на успех. Для СМИ, особенно для тех структур, которые связаны с госбюджетом, с властью, это очень хороший шанс "выжать" то, что они в обычных условиях не получили бы. И они пользуются этим моментом.

Существует еще и такой признак ситуации, о котором особенно много говорят демократы, включая и президента, - боязнь прихода к власти коммунистов, что, кстати, не совсем реально или совсем нереально, особенно в тех катастрофических масштабах, о которых говорят демократы. Тем не менее основной центр российской прессы демократического направления и левого центра подвержен антикоммунистической истерии. При этом демократическая пресса бьется в большей истерике, чем реальная власть. Во всяком случае наиболее спокоен Ельцин, менее спокоен премьер-министр, но все-таки НДР как блок имеет достаточную выдержку.

Итак, в данной конкретной ситуации особой конфронтационности между СМИ и президентством нет - в привычном, обыденном ее градусе.

Переходя конкретно к первому вопросу предложенной мне экспертной анкеты, скажу, что фундаментальные - ценностные и идеологические - причины конфронтации СМИ и президентства, разумеется, есть и просто не могут не быть.

Во-первых, пресса всегда более плюралистична, чем любой властный институт, в том числе и президентский. Президентство, например, должно работать на одну цель, отрабатывать только вариант сохранения власти. Для прессы же естественно, что она полисценарно смотрит на ситуацию.

Существенно то, что если президентский институт в России укрепится (я об этом уже говорил в предыдущем выпуске Вестника, посвященном Российскому президентству как феномену), то он не будет столь жестким. Сегодня самое актуальное в такой жесткости - конкретная заинтересованность президента Ельцина. Сейчас сценарная рефлексия СМИ о президентстве воспринимается президентским институтом как неприятная информация, которая лишь мешает власти. А лет через 20 к плюралистичности диагнозов и прогнозов СМИ власть будет вполне нормально относиться, и сами президенты, и их помощники будут читать как вполне полезную для себя

информацию - с точки зрения выработки стратегии и тактики - именно альтернативные сценарии.

Во-вторых, процесс осознания необходимости выхода России на общемировые стандарты взаимоотношений власти и СМИ в общем-то идет, но попытки их абсолютного соблюдения у многих вызывают идеологическо-ценностное отталкивание. Феномен Сергея Адамовича Ковалева в ситуации с Чечней показателен. "Да, мы защитим права одних, в данном случае чеченцев, но другие будут явно в проигрыше, а они такие же граждане..." Усиление государственной тенденции неизбежно ослабляет потенциал СМИ.

И третье - это спор по конкретным фигурам. Одни считают, что Ельцин плох, другим он, в принципе, нравится. Это касается не только Ельцина в данном случае, но и министра обороны, министра иностранных дел. Это связано не только с выбором конкретной тактики, стратегии правительства. Речь и о впечатлениях от конкретных исторических персонажей: например, Грачев ассоциируется с войной в Чечне, с коррупцией в армии и с другими неприятными вещами; Козырев - с внешней политикой, которая полностью подчиняется Западу, особенно ориентируясь на Америку.

Возможна ли сегодня некая ценностная хартия, солидаризирующая СМИ и власть? Как я уже говорил в статье об общественном согласии и роли в нем российского президентства (Вестник "Этика успеха", вып.5), сейчас ничего надежно солидаризирующего что-либо в нашей стране нет.

Что касается внешней политики, то есть некий консенсус по некоторым позициям, в частности, например, в Югославской ситуации. Или, например, все говорят, что нам нужно сильное государство, при этом, правда, одни понимают под "сильным" - сильное полицейское государство, другие - сильное демократическое, которое силой закона и своим авторитетом не дает нарушать законы. Эти общие вещи являются консолидирующим элементом, на базе которого может возникнуть солидарность как в отдельных корпорациях, так и между СМИ и властью как корпорациями внутри нашего общества.

Есть и "почти консенсус" относительно того, что неплохо бы в приличных формах возродить что-то типа бывшего Союза. Так, почти есть консенсус по отношению к Белоруссии. Белорусов у нас сейчас любят больше - как политическую нацию, а украинцев - меньше, потому что Белоруссия повернулась к России, а Украина больше смотрит на Запад, на США.

Итак, лишь некоторые элементы консенсуса существуют, но это не глубинные, не устоявшиеся элементы, в сравнении, скажем, с консенсусом в американском обществе.

В США есть "американская мечта", согласно которой свободный человек в свободной стране делает все, что угодно,

но в рамках закона, автономно, вне зависимости от желания-нежелания власти, обеспечивает свое благополучие, и никто, включая власть, не может ни по какому поводу, ни под каким соусом это благополучие нарушить, а более того - любая власть, "красная" она или "белая", обязана (иначе это вообще не власть) защищать эти интересы, эту автономность личности и собственность этой личности.

У нас такого консенсуса, конечно, еще не сложилось. Может быть, прежде всего потому, что все элементы солидарности, консолидации, корпоративности в основном повернуты на восстановление чего-то хорошего из прошлого, того, что привычнее. Всякое привычное лучше непривычного в каком-то смысле. Но что касается того, что уже зафиксировано в общественном сознании как нечто новое, общество очень далеко от солидарности. Так, очень много споров относительно частной собственности. Хотя все понимают, что человек должен иметь что-то, но где и как наметить границу этого "что-то"? Если раньше советское общество считало, что квартира, одежда, дача и машина - это все, что нужно человеку, то сейчас одни в своих ожиданиях от собственности продвинулись очень далеко, а другие говорят: "Нет, должно быть две машины, но не пять, два дома, но не завод". Здесь ни у власти, ни у СМИ устоявшихся, а тем более одинаковых, точек зрения нет. То же самое касается соотношения личной свободы, прав или свобод человека и интересов государства: шкала у каждого своя.

Особенно много противоречий относительно собственности на землю, причем не только идеологических, но и ценностных конфликтов. Если, например, по поводу машин и дач хоть какое-то единство намечается, то с землей - ничего подобного. Одни считают землю, особенно для России, тем, что обязательно должно находиться если не в государственной, то в муниципальной, коллективной собственности, т.к. это как бы основа русской души, русского общества. Другие считают, что земля должна быть частной собственностью, что каждый человек будет свободен, если, помимо того брэнного, что может быть снесено ураганом, у него будет своя земля. И это, подчеркну, не просто идеологический, но именно ценностный конфликт, в условиях которого до общественной солидарности еще далеко.

Хартия, на мой взгляд, не просто несколько точек соприкосновения, пусть даже большой список этих точек, но свод правил, выполняющихся не только потому, что они записаны и подписаны, а потому, что они закреплены в сознании. О такой хартии сейчас и речи быть не может. Даже для того, чтобы ее сейчас написать, нужно быть очень ловким демагогом, ибо слишком много противоречий надо снять, а оставить только самые общие, обтекаемые, банальные, а в силу этого, и как бы неискренние формулировки. Это демонстрируется в предвыборных программах партий и блоков, они

составлены по принципу такой псевдохартии - все противоречивое выбрасывается, а остается набор банальностей, ибо в банальностях все согласны. Даже если какой-то ловкач эту хартию составит и даже заставит всех подписать, все равно никто выполнять не будет. Кстати, примером такого рода является Договор об общественном согласии. Договор спекулятивный не только по замыслу - как форма политической борьбы, но и по сути своего содержания, и по влиянию на реальную политику.

Переходя к третьему пункту анкеты, замечу, что вопрос о том, кто именно должен сделать первый шаг в создании обновленной модели отношений СМИ и президентства, несколько странный. СМИ просто не могут сделать первого шага уже потому, что это множественное число, к тому же СМИ все-таки не армия. Нынешние СМИ уже не советская система прессы, и потому объективно они не могут сделать общий шаг. Президентству легче, потому что это единый институт и конкретная персона. Он должен сделать этот шаг, потому что президентский институт, если в России сохраняется демократия не только по форме, но и по сути, является более чем элементом этой самой демократии. Демократия, по сути, плюралистична, альтернативна, и каждый конкретный институт власти и общества должен приспосабливаться к этой общей схеме.

Так что президент - как человек и президентство - как институт должны первыми идти навстречу средствам массовой информации.

Что касается обновления модели отношений СМИ и президентства, то проще всего, отвечая на этот вопрос, сослаться на модель, которая на Западе уже отработана. Нравится или не нравится президенту и его присным, что пишут СМИ (оппозиционные или неопозиционные) о том, что делает президент, ничего не поделаешь. Учитывай все это в своей работе, но никаких поползновений против СМИ не должно быть, тем более, что это опасно и может означать крах политической карьеры. Даже в Южной Корее - авторитарном государстве - уголовно преследуют бывшего президента, что совершенно невозможно представить в России, хотя она сейчас в каком-то смысле более демократична, чем Южная Корея. У нас все это прикроют, притушат, сама пресса не решится до конца "раскрутить" эту историю, я уж не говорю о властных структурах типа прокуратуры.

Что может спасти "проштрафившегося" политика от такого рода политического краха? Президент должен быть настолько великим, настолько общепризнанным лидером страны, что общество, средства массовой информации и вынужденные учитывать общественное мнение государственные институты "закрывают глаза", прощая в той или иной форме или оправдывая маленькие и большие грехи и грешки за то, что

президент много сделал хорошего для страны. В этом случае общество согласно с тем, что и у великого человека могут быть какие-то прегрешения.

Вот одна из моделей обновления отношений СМИ и президентства. Негативная реакция СМИ на поведение, даже не на политику, а именно на отдельные поступки того или иного политического лидера (даже президента!), может стать финальной точкой его карьеры. Но не наоборот, когда недовольство президента каким-то изданием может стать концом деятельности этого издания (или канала).

На Западе - при всем различии в пропорциях поддерживаемых государством и частных СМИ - нет такой откровенной, как в России, государственной поддержки одних СМИ в ущерб другим. Можно ли это явление охарактеризовать в целом как правомерное, с точки зрения настоящей демократии, как добросовестное - с точки зрения настоящей конкуренции? Это - худшая модель взаимоотношений СМИ и президентства.

Главное достижение демократии в России сегодня - свобода слова. СМИ - это фундамент, материальная база для свободы слова и свободы информации. Важно при этом, чтобы президентство рассматривало этот факт не как минус, который оно вынуждено терпеть, а как плюс. Не потому что, если "обидишь" СМИ, то тебя могут наказать, вплоть до отрешения от какого-то поста.

Просто ты понимаешь, что СМИ дают тебе больше, чем отнимают; что свобода информации позволяет даже твою "дурацкую" политику представить более успешной и победить конкурентов, ибо, пользуясь большим объемом информации, ты получаешь больше возможности выбрать самое правильное решение проблемы. А если этот спектр информации сужается из-за того, что свобода печати ограничена, то ты обедняешь себя, проигрываешь стратегически.

И.Н.Голембиовский
”...НАЗНАЧЕНИЕ ПРЕССЫ - БЫТЬ САНИТАРОМ
ОБЩЕСТВА”

Прежде всего давайте разведем понятия, с которыми связана наша тема.

Обновление президентской политики и роль СМИ - это одно, а конфронтация средств массовой информации и российской власти - другое, потому что понятие "российская власть" шире, чем только "президент". К тому же, конфронтация (в цивилизованных формах) СМИ и власти в целом - естественна и нормальна. Что касается президентской политики в отношении СМИ, могу сказать об одном: президент, безусловно, придерживается пока одной точки зрения - СМИ должны быть свободны. Он бывает ими недоволен, что-то ему в деятельности СМИ не нравится и т.д., но я не знаю ни высказываний, ни попыток Ельцина каким-то образом ущемить СМИ. Перестроить, поправить как-то, контролировать, например, телевидение - да, но это другое, это еще не конфронтация.

Вообще назначение прессы, я думаю, заключается в том, чтобы быть своеобразным санитаром общества. Она как бы обязана подвергать сомнению любое движение власти. Но это не означает безусловной конфронтации. Я не думаю, что, допустим, пресса США ставит своей целью конфронтацию с Клинтоном. Отличается ли в этом плане российская ситуация от ситуации в странах с развитой демократией?

Вы можете назвать случай, когда бы Ельцин выступил за ограничение свободы слова или независимости СМИ, как, допустим, попытался это сделать Горбачев? Или Шумейко - когда вводил цензуру, которая была прекращена опять же президентом. На сегодня очевидно, что в России СМИ независимы.

Далее. Трудно говорить о СМИ как о некоей монолитной структуре. Ведь как разделено общество, так разделены и средства массовой информации. Выходят "Советская Россия", "Правда", "Известия", "Московские новости", "Московский комсомолец" и т.д. Это совершенно разные издания, расположенные на разных полюсах политического спектра.

И наконец, "обновление президентства". Что вкладывать в понятие "президентство"? Это Ельцин? Это институт? Давайте говорить откровенно: института никакого нет, потому что Ельцин - первый президент в России. Настолько все еще зыбко, непонятно, что об институте вообще говорить трудно, тем более, что его существование подвергается сомнению со стороны некоторых политических сил, к примеру, коммунистами.

Однако первые шаги укрепления института уже сделаны. Если процесс демократизации в России будет двигаться и дальше, то и проблема связи судеб персоны и института отойдет на второй план. Ведь никто, допустим, в "Нью-Йорк таймс" не волнуется, по поводу того, кто придет после Клинтона, сохранится ли у них свобода слова или нет. Они знают, что сохранится. Это установившаяся система, она не знает потрясений, так как это нормальное цивилизованное государство. Я думаю, что такие проблемы перед ними и абстрактно не стоят. У нас же если сохраняется демократическая система, значит, СМИ развиваются, остаются независимыми. Меняется система - оказываемся в том состоянии, в котором находились еще недавно.

Поэтому, переходя к вопросу: способно ли российское президентство к обновлению и тем более к самообновлению, и какова роль прессы в этом процессе, отмечу сразу, что здесь уже проблема не столько прессы, сколько всей общественной системы, причем проблема ближайшего будущего. Краеугольным здесь являются выборы: в меньшей степени парламентские, в большей - президентские. И, к сожалению, сегодня это все еще выбор системы, а не лидера.

Многие не понимают, что реставрация возможна в любом виде, в том числе и в прямом. Если верить социологическим исследованиям, то коммунисты имеют довольно хорошую перспективу. Но, во-первых, сегодня, за 6 месяцев до президентских выборов, мы не знаем, действительно ли у них такие перспективы, какие им предрекают. Во-вторых, важно понять побудительные мотивы, которые заставляют людей выбирать коммунистов, потому что ни логика развития общества, ни опыт наших граждан, ни элементарное чувство здравого смысла не могут позволить сегодня, после 74-летнего правления коммунистов, отдавать им предпочтение.

И все же главное - сами выборы важны чрезвычайно как акт укрепляющейся демократии. Отмени сегодня выборы, и можно говорить о перерождении общества, его целей.

"Обновление или самообновление президентства" - процесс и результат, который сейчас очень трудно и диагностировать, и прогнозировать. Я не знаю, чем будут различаться президентство "сегодняшнее" и "завтрашнее", так как не знаю, кто будет президентом. Если Ельцин, то оно будет все больше развиваться в сторону авторитарной модели. Сменится эта фигура или не сменится, - гадание на кофейной гуще. Опять-таки вся проблема заключается не в президенте, а в том, в каком состоянии находится общество. Наш период называют переходным. Общество еще зыбко в понимании своих целей, в своих представлениях о демократических ценностях - и о любых других. В этой ситуации влияют самые разнообразные факторы, а не хороший или плохой президент.

Еще раз: проблема не в персоне президента - Горбачева или Ельцина. Кстати, президентство Горбачева было лишь условным названием того же генерального секретаря. Важно понять природу системы: Ельцин есть выражение того, что происходит с этой системой. А система, к сожалению, непредсказуема, рационально понимаемых сценариев ее изменения и обновления нет. Не просто трудно сказать, какой из сценариев осуществится, затруднена сама возможность моделирования будущего.

В предвыборных программах всех партий, начиная от коммунистов и кончая демократами, названы только цели, а о средствах достижения их - ничего. Анализ средств партии просто опускают - как само собой разумеющееся. Но дело в том, что от старого общества мы уходим лишь по самым внешним признакам, по существу же от него не ушли и не уйдем до тех пор, пока земля будет находиться в ничейной собственности, пока не закончится процесс разгосударствления экономики, пока не будет создано демократическое правовое поле, те законы, по которым будет жить общество. И совершенно не суть важно при этом, кто будет президентом - Ельцин или имярек.

Пассивны ли в сегодняшней неопределенной, зависшей ситуации СМИ? Заинтересованы ли СМИ в обновлении или в самообновлении президентства? Дело в том, что, как все мы, как любая экономическая структура, СМИ находятся в достаточно сложных условиях, если не сказать, что в тяжелейших. Невозможность развиваться, хлипкая, ненадежная экономика: сегодня у тебя есть деньги на издание газеты, а завтра - подскочат цены на бумагу, вырастут налоги, и этих денег не будет. Так же, как и само общество, СМИ находятся в ситуации, когда не установлены точные правила игры, то есть нет такого экономического, юридического и, если хотите, - морального поля, в котором бы ты чувствовал себя довольно уверенно, знал - это ты можешь делать, а это - нет.

И потому СМИ не пассивны. СМИ по-прежнему остаются одним из двигателей, говоря условно, прогресса. Но, разумеется, речь в этом случае идет об определенных средствах массовой информации. Вряд ли можно говорить, с моей точки зрения, о прогрессивности, например, "Советской России". Как нельзя говорить сегодня о том, что вся страна, все наше общество целиком устремлено в демократическое будущее, так же нельзя говорить о СМИ вообще, о том, что они исповедуют единую ценностную ориентацию.

Да, попытались три известных газеты разной политической ориентации собраться вместе. И что из этого получилось? Это была заведомо безнадежная идея. Кого-нибудь они переубедили? Что-нибудь изменилось? Собрались, слава богу, интеллигентные, цивилизованные люди, встреча прошла вполне мирно, но только и всего. Сама идея - обычный

пропагандистский трюк, к которому и в прежние времена прибегали. На самом деле такое примирение невозможно. Коммунисты и либералы никогда не найдут общего языка уже по одной простой причине: коммунисты за восстановление СССР, а либералы считают это невозможным.

Государство сейчас похоже на "ничейное" поле, по нему бродят все, кому не лень: фашисты, коммунисты, демократы, либералы, социал-демократы и т.д., и т.п. Само государство не определилось, каким образом оно защищает свои интересы, а значит - интересы людей. Что, например, оно может противопоставить, попыткам изменить систему? Немцы, кстати, до объединения сажали своих фашистов, а сейчас - коммунистов. Так их государство защищает свои ценности.

Общих понятий об общественных ценностях в России сегодня нет. Поэтому каждый защищает те, которые понимает. Это в полной мере относится и к средствам массовой информации.

К.А.Любарский
“...ЛЮБАЯ ПЛОХАЯ ПОЛИТИКА - АМОРАЛЬНА”

С “институтом президентства” никакой конфронтации у СМИ не существует; в такой постановке вопрос просто-напросто не имеет смысла. Если же иметь в виду конкретное лицо, то речь идет не о “конфронтации” СМИ и президента, а о жесткой критике со стороны СМИ проводимой президентом политики. Когда президент проводит другую политику, то никакой конфронтации нет, наоборот: СМИ в массовом порядке его поддерживают. Вот, собственно, и все.

Это тривиально, но здесь, в самом деле, нет и не может быть никакой “философии”. Президент совершает целый ряд губительных для страны поступков, ведет губительную политику в целом ряде отношений. И эти его поступки подвергаются критике. Те шаги власти, которые, на взгляд большинства средств массовой информации (я говорю, естественно, о демократической прессе, по поводу газеты “Завтра” - это не ко мне), не отвечают демократическим нормам, вызывают критику СМИ достаточно взвешенную.

Никакой конфронтации тут нет, это нормальный процесс. Нормальный, разумеется, для демократического государства. У нас еще не демократическое государство, мы приближаемся к нему.

Возвращаясь к вопросу о сходстве и различии систем ценностей, которые предъявляются президентом и прессой, подчеркну, что дело, прежде всего, не в идеологии, а в политике. Есть определенные политические шаги, совершаемые властью, которые вызывают критику со стороны средств массовой информации.

Что касается идеологии, - формально и пресса, и власть придерживаются ценностей, которые условно можно назвать демократическими. При этом президент и его администрация, возможно, искренне исповедуя на словах идеи демократии, - еще не вполне ясно понимают, что такое демократия. Они полагают, например, что демократия может быть насаждаема сверху, и они сами являются источниками демократии и прав человека. На самом же деле - права человека идут снизу. Так что здесь - на многом сказывается разное понимание и демократии, и собственной роли в жизни общества.

И это различие прямо проявляется в оценке конкретных политических решений. Дело не в частности. Я бы сказал так: любая хорошая политика - моральна, любая плохая - аморальна. Дело ведь не в моральности или аморальности президента, - как человек он может быть в высшей степени моральным. Но президент - это не просто персона. Это государственный дея-

тель, который избрал гибельный для России курс, курс возврата к великодержавным ценностям (если вам так важно слово “ценности”), утверждению “великой державы”. И эта сама по себе ложная, фальшивая цель сразу же и неизбежно повлекла за собой весь спектр безнравственных поступков, безнравственной политики.

Самое главное: Россия рассматривается до сих пор как некое патерналистское государство. Считается, что многие (разные!) народы, войдя однажды в это государство, являются навсегда неотъемлемой составной частью России. Тем самым фактически отрицается их право на самостоятельное государственное существование. А любые “покушения” на этот запрет рассматриваются как подрыв государственных основ России.

Чечня - только одно из конкретных проявлений такого подхода, противоречащего в основе декларируемым демократическим принципам. Столкновение такого подхода с реальностью - самое жестокое и трагическое.

Не противоречу ли я самому себе, объявляющему, что между СМИ и властью, в лице президента, нет конфронтации? Нет, не противоречу. Конфронтация, если и существует, то по политическим вопросам. Но речь не идет о ценностях идеологических. “Мораль” в данном случае - ценность именно политическая.

Возможна ли сегодня некая ценностная хартия, солидаризирующая СМИ и власть? Если иметь в виду под “хартией” некий документ, подписанный двумя сторонами, то попытку такую мы знаем, - это Договор об общественном согласии. С моей точки зрения, - глупость.

Если поставить вопрос таким образом: может ли возникнуть ситуация, которая потребует консолидации усилий президента и СМИ (я говорю, опять-таки, не обо всех СМИ, а только о большинстве демократических изданий)? Да, такое возможно. Но при чем здесь какие-то “хартии”, тем более - “ценностные”?

Сформулированные абстрактным образом вопросы мне лично напоминают пустую ореховую скорлупу. Ставить их - о чем бы ни шла речь - нужно всегда предметно. “Нужно ли кончать войну в Чечне?” - это моя, понятная мне, формула. А что касается “солидаризирования” СМИ и власти...

Никакая “хартия” между президентом и СМИ невозможна. Президент - сам по себе, а средства массовой информации - сами по себе. Каждый из них действует по своим правилам, и никаких хартий они заключать не должны и не могут.

Реальные взаимоотношения СМИ и власти зависят в первую очередь от реальной, конкретной политики президента. Президент ведет политику, которую поддерживает большая часть демократической прессы? Прекрасно, она (эта часть) будет поддерживать президента в проведении этого курса, что

уже было - и совсем недавно - даже в самых критических ситуациях, в том числе и в октябре 1993 года. Президент отошел, изменил свой курс? - Демократические средства массовой информации перестали его поддерживать. Позиция прессы, таким образом, предопределяется практической политикой власти.

Можно подписать сто "хартий", но если после этого найдутся люди, которые попытаются повернуть по команде "все вдруг" назад, то немедленно выяснится: грош цена любым взаимным обязательствам, грош цена каждой такой "хартии".

Никакие "хартии" - как писанные попытки отрегулировать "правила игры" в пространстве "власть - пресса" - не нужны и не возможны; реальные взаимоотношения СМИ и власти, в том числе СМИ и ее "президентской" составляющей, определяются буквой Закона: Конституцией, с ее 29-ой статьей, Закона "О средствах массовой информации", буквой закона и политическими убеждениями людей, определяющих лицо, политические симпатии и антипатии конкретных средств массовой информации. Если политическая линия президента совпадает с политическими убеждениями СМИ, конкретных журналистов, президента будут поддерживать, если не совпадает - его будут критиковать.

Не нужно усложнять простые вещи. Как у Тургенева - "...об одном тебя прошу, друг мой, Аркадий Николаевич! Не говори красиво".

И не нужно никакой "обновленной модели", не нужно изобретать велосипед. Есть все тот же Закон "О средствах массовой информации". При всех своих несовершенствах (не столько, кстати сказать, серьезных, как показала практика), Закон этот достаточно хорош. И власти, как и самим СМИ, необходимо научиться его уважать и исполнять. Все, точка.

Единственное, но существенное добавление к сказанному, - о "болевой точке". Президент и власть в целом должны бы делать все от них зависящее, чтобы заложенные в Закон о СМИ принцип и требование ГЛАСНОСТИ обязательного для всех государственных органов предоставления журналистам информации о своей деятельности - соблюдались. Чтобы такого рода информация не становилась закрытой, как это сегодня случается все чаще.

Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР.
Вып. 7. *Кredo и кодекс власти: обновление политики
российского президентства* / Под ред. В.И.Бакштановского,
В.А.Чурилова. - Тюмень-Москва: Издание Центра прикладной
этики и Финансово-инвестиционной корпорации "Югра", 1996. -
208 с.

Редактор выпуска И.А.Иванова
Художники М.М.Гардубей, Н.П.Пискулин

В подготовке выпуска принимали участие:
А.С.Бакштановская, И.В.Бакштановская, М.В.Богданова,
Н.В.Попова, А.П.Тюменцева, Г.М.Тюменцев.

Подписано в печать 02.02.96.
Формат 60x84/16.
Гарнитура LexRublen.
Усл.печ.л. 13.
Печать офсетная.
Тираж 999 экз.
Заказ №
Цена договорная.

Отпечатано в ИПП "Тюмень"
625002, Тюмень, ул. Осипенко, 81.

Кто эксперт успеху брата своего?

"...Среди понятий постперестроечного времени понятию "успех" принадлежит едва ли не важнейшее место. Разве не о нем мы теперь думаем днем и ночью: кто, как, какими средствами, почему не я?.. Вопросы, увы, не академические. Впрочем, судя по изданию "Этика успеха", отчасти и академические..."

("Независимая газета", 1995, 5 октября.)

И все-таки - можно!

"... Каким оно должно быть, собрание российских депутатов? Каков идеальный образ российского депутатства? Его мировоззренческая природа? Этими вопросами задаются многие исследователи, а попытку получить на них ответы и представить на основе коллективного размышления феномен законодательной власти России впервые предприняли инициаторы и авторы макропроекта "Кредо и кодекс российской власти".

("Дело". Всероссийская газета социального партнерства, 1995, N42.)

Власть депутата в России

"... Множество аналитических центров денно и ночью выдают прогнозы и рецепты... Но мало кто может подняться над схваткой и увидеть картину в целом. Исключения из правил, однако, есть. И они тем более ценны, что редки. Авторы размышляют не о том, какая партия победит и что из этого будет, а о более общем и, на наш взгляд, более важном вопросе - каков смысл и перспективы российского депутатства?.."

("Общая газета", 1995, 2 - 8 ноября.)

